
**ВЕСТНИК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

СЕРИЯ 13
**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
АФРИКАНИСТИКА**

ВЫПУСК 1
МАРТ
2009

Научно-теоретический журнал
Издается с августа 1946 года

СОДЕРЖАНИЕ

Россия и Восток

- Самойлов Н.А.* Визиты китайских и японских дипломатических миссий в Россию в третьей четверти XIX в.: Коммуникационный код социокультурного взаимодействия 3
- Строева М.В.* Россия и Япония: О визитах японских государственных деятелей в Россию в середине 70-х — конце 80-х годов XIX в. (на основе документов АВПРИ) 13

Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки

- Зеленев Е.И.* Геокультурное пространство и геокультурные поля: Теория вопроса 19
- Мокрушина А.А.* Экспликация эмоциональных концептов на примере арабского и русского языков 29
- Сторожук А.Г.* Слово и цифра: Знаковая структура уставных стихов 43

История и источниковедение

- Григорьев С.Е.* Неизвестная карта Кабула из собраний архива Русского географического общества 68
- Илюшина М.Ю.* Письменные источники по изучению мамлюкского феномена в Египте в османский период (XVI–XVIII вв.) 76

Литературоведение

- Пелевин М.С.* Семья шейхов Цамкани и афганская книжная культура в XVIII в. 94
- Хронопуло Л.Ю.* «Перевернутый мир» сборника рассказов Хоси Синъити «Бокко-тян» 102

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Вестник
© Санкт-Петербургского
университета, 2009

Языкознание

<i>Алексеева М.Е.</i> О проблеме детерминативов в контексте современных синтаксических теорий.....	107
<i>Гузев В.Г.</i> Категория изъявительного наклонения (индикатив). Категория времени индикатива в турецком языке.....	114
<i>Колпачкова Е.Н.</i> Классы глагола, сочетаемость и типология.....	137
Рефераты	150
Summaries	154
Сведения об авторах	157

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ «ВЕСТНИКА СПбГУ»

Председатель д-р юрид. наук, проф. **Н. М. Кропачев**
Зам. председ. канд. биол. наук, проф. **И. А. Горлинский**
Зам. председ. д-р социол. наук, проф. **Н. Г. Скворцов**

Ответственный редактор канд. ист. наук **У. Л. Романова**

Редакционная коллегия серии:

*Е. И. Зеленев, д-р ист. наук, проф. (отв. редактор); А. В. Ляхович, канд. филол. наук (отв. секретарь);
Н. Н. Дьяков, д-р ист. наук, проф.; А. Ю. Желтов, канд. филол. наук, доц.;
А. В. Образцов, канд. филол. наук, доц.; В. В. Бочаров, д-р ист. наук, проф.;
В. Б. Касевич, д-р филол. наук, проф.; В. Н. Колотов, д-р ист. наук, доц.;
Н. А. Самойлов, канд. ист. наук, доц.; А. Г. Сторожук, д-р филол. наук, доц.*

Адрес электронной почты редколлегии серии: vestnik.vf@mail.ru

Редактор *А. Ю. Рубцова*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторг*

**На наш журнал можно подписаться по каталогу
«Газеты и журналы» «Агентства “Роспечать”».
Подписной индекс 32779**

Подписано в печать 16.03.2009. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,83. Уч.-изд. л. 14,04. Тираж 500 экз. Заказ №

Адрес редакции: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21.
Тел./факс 328-44-22; E-mail: vestnik@unipress.ru; <http://vestnik.unipress.ru>

Типография Издательства СПбГУ. 199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94

Н.А. Самойлов

ВИЗИТЫ КИТАЙСКИХ И ЯПОНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ МИССИЙ В РОССИЮ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: КОММУНИКАЦИОННЫЙ КОД СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Основные события истории российско-китайских и российско-японских отношений к настоящему времени уже достаточно хорошо изучены. Однако исследователи обращали свое внимание в первую очередь на ключевые моменты этой истории: подписание договоров, погранично-территориальные проблемы, вопросы торговли. Если же результатом поездки дипломатов не становилось подписание какого-либо судьбоносного документа, историки обычно обходили данные межгосударственные контакты своим вниманием.

Однако изучение деталей этих практически забытых сегодня миссий может быть интересно прежде всего с точки зрения рассмотрения взаимодействия различных по своей сути социумов и культур.

В середине XIX в. произошли события, которые буквально вырвали Китай и Японию из состояния многовековой культурной обособленности, разрушив традиционную для Восточной Азии систему международных связей и иерархию приоритетов в международных отношениях. Плачевные для Цинской империи результаты «опиумных» войн вынудили Китай открыть свои порты для иностранной торговли и начать развитие дипломатических контактов со странами Запада в формах, ранее неприемлемых для «Срединного государства». В 1850-е годы сходная ситуация складывалась и в Японии: страна постепенно опутывалась сетями неравноправных договоров, а бакуфу было вынуждено принимать условия и правила ведения дипломатических отношений, навязывавшиеся иностранными державами.

Для того чтобы лучше понять ситуацию за пределами Восточной Азии и больше узнать о жизни стран Запада, правительства цинского Китая и предмэйдзийской Японии приняли решения о направлении специальных миссий в Европу и Америку. Россия вошла в число стран, которые планировали посетить посланники из стран Дальнего Востока.

В ходе визитов отчетливо проявлялись социокультурные особенности представителей разных народов как носителей принципиально различных культурных кодов. В этой ситуации можно с уверенностью говорить, что подобные миссии объективно выполняли роль своеобразных посредников между разными культурами и становились своего рода трансляторами коммуникационного кода социокультурного взаимодействия. Безусловно, данные процессы происходили как во взаимоотношениях Китая и Японии с Россией, так и при их контактах с другими европейскими странами.

Изучение соответствующего исторического материала дает нам возможность определить коммуникационный код как совокупность тех элементов кода культуры (цивилизационного кода), которые передаются (или готовы для передачи) в процессе социокультурного взаимодействия. Большая роль в данном процессе принадлежит трансляторам коммуникационного кода, которые, являясь носителями данной культуры или ее интерпретаторами, определяют ее восприятие и способствуют лучшему пониманию ее компонентов.

В XVIII в. коммуникационным каналом российско-китайского социокультурного взаимодействия, безусловно, являлась торговля, способствовавшая распространению в обеих странах элементов материальной и духовной культуры Китая и России, а своеобразным аттрактором, в котором происходил процесс формирования коммуникационного кода того времени, следует признать Кяхту, где на протяжении десятилетий фокусировались основные процессы социокультурного взаимодействия двух стран. Для Западной Европы, и в первую очередь для Британии, аналогичным аттрактором являлся в то время порт Гуанчжоу (Кантон), а коммуникационным каналом — кантонская система торговли. Важную роль в формировании и трансляции коммуникационного кода играли в указанный период миссионеры: Российская Духовная Миссия в Пекине и представители ордена иезуитов, сыгравшие огромную роль в распространении знаний о Цинской империи и формировании образа Китая в Западной Европе и России.

В российско-японских отношениях, в силу длительного периода закрытости Страны восходящего солнца, подобный коммуникационный код отсутствовал. В свою очередь, Западная Европа в XVII — первой половине XIX в. сохраняла ограниченный коммуникационный канал, в котором в роли транслятора выступали голландцы, сохранившие за собой право ограниченных торговых контактов с Японией, а аттрактором социокультурных контактов и местом формирования коммуникационного кода на длительное время стал порт Нагасаки.

В третьей четверти XIX в., правда, на непродолжительный период времени, функцию трансляторов коммуникационного кода стали объективно выполнять китайские и японские посольства на Запад, в том числе в Россию, а аттрактором коммуникационного кода социокультурного взаимодействия России и стран Восточной Азии переместился в столицу Российской империи — Санкт-Петербург¹.

В 1862 г. произошло важное событие в истории российско-японских отношений: в Петербург прибыла первая официальная японская дипломатическая миссия во главе с Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром Такэноути Ясунори — губернатором провинции Симоцукэ. Эту миссию, насчитывавшую в своем составе 40 человек, в современной литературе принято считать первым японским посольством в европейские страны². В ее состав в качестве одного из переводчиков входил буду-

ший выдающийся японский просветитель и общественный деятель Фукудзава Юкити. Целью миссии было знакомство с жизнью зарубежных стран и ратификация подписанных с западными державами договоров. Миссия посетила Францию, Великобританию, Нидерланды, Пруссию и в конце своего путешествия — Россию. Маршрут данной миссии пролегал через Гонконг, Сингапур, остров Цейлон, Аден, Суэц, Александрию и Средиземное море.

Российское правительство, оценив историческое значение данного визита, организовало японскому посольству торжественную встречу. По личному приказу шефа российского флота Великого князя Константина Николаевича русский корабль «Смелый» 24 июля 1862 г. в Свиномюнде (Восточная Пруссия) принял на борт японскую делегацию. В море их встретил русский фрегат «Император Николай I» и пятнадцать выстрелами приветствовал японских посланников.

28 июля на кронштадтском рейде посольство пересело на придворный пароход «Стрельна», на котором в сопровождении церемониймейстерских помощников и чиновников Азиатского департамента Министерства иностранных дел России направилось в Петербург. Корабль пришвартовался у причала на Английской набережной. Прямо к трапу для Такэноути была подана золоченая карета, высокого гостя приветствовал почетный караул. На всем пути от пароходной пристани японское посольство сопровождали в качестве почетного эскорта эскадрон кавалерии и жандармская команда из 16 жандармов.

Еще задолго до прибытия в Петербург японского посольства российские чиновники и приближенные императора начали обсуждать вопрос о том, как лучше принять и где разместить гостей из Японии. Был сделан запрос российским дипломатическим представителям в тех странах, которые уже посетило посольство во главе с Такэноути. Из полученных ответов стало ясно, что наиболее торжественно японскую делегацию принимали в Париже. Русский посол во Франции П.Д. Киселев сообщал: «Французское правительство имело в виду произвести приятное впечатление на представителей империи, которая впервые заключает дружеские сношения с Францией» [4. Оп. 3. Д. 326. Л. 10]. В Санкт-Петербурге также хотели произвести хорошее впечатление на японских гостей теплым и радушным приемом и ни в чем не отстать от французов, тем более что в Лондоне прием был весьма прохладным.

В Лондоне и Париже японскую делегацию размещали в гостиницах. В Петербурге было решено подобрать для этой цели дворец, поскольку министр Императорского Двора граф Адлерберг сделал серьезное замечание по поводу состояния тогдашних петербургских гостиниц, отметив, что «здешние гостиницы так далеко отстали по устройству своему от гостиниц парижских и лондонских, что разница эта может произвести невыгодное впечатление на сих послов» [5. Оп. 15. Д. 4. Л. 11]. Поэтому для размещения японской делегации был избран Запасной дворец.

До недавнего времени исследователи не обладали точной информацией о том, где располагался этот дворец в то время, когда в нем разместилось японское посольство. По данному поводу велись споры и дискуссии. Дело в том, что в современной литературе и справочниках Запасным дворцом признается дом на Дворцовой набережной (дом № 30), входящий сейчас в число зданий Эрмитажа. Однако, как ныне установлено, в XIX в. в качестве Запасного дворца использовались в разное время по меньшей мере три здания на Дворцовой набережной (дома № 26, 28 и 30).

Специально проведенные исследования приводят нас к следующим выводам. В се-

редине XIX в. Запасным дворцом, безусловно, служил дом № 26 по Дворцовой набережной. Это подтверждают документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В документах указывается, что в 1843 г. в этом здании, именуемом «домом бывшего французского посольства», были проведены ремонтные работы [3. Оп. 1. Д. 40]. 18 января 1844 г. последовало распоряжение императора Николая I: «Высочайше повелено именовать Дом бывшего Посольства: Дворцовый Запасной дом» [4. Оп. 14. Д. 481. Л. 1]. В 1845 г. там вновь проводились ремонтные работы — уже как в Запасном дворце (официальное название — Дворцовый Запасной дом) [3. Оп. 1. Д. 49].

В фондах РГИА хранятся «Описи по Дворцовому Запасному дому с определением ежегодного для него ремонта» за 1862 и 1863 гг., полностью подтверждающие версию, что во время пребывания в Санкт-Петербурге японского посольства во главе с Такэноути Запасной дворец располагался по адресу: Дворцовая набережная, д. 26³.

Именно сюда и направилась японская делегация с пристани. Кортёж, состоявший из восьми четырехместных карет, запряженных четверками и шестерками лошадей, проследовал по Английской набережной, Исаакиевской и Адмиралтейской площадям, проехал по Дворцовой набережной мимо Зимнего дворца и остановился перед зданием Запасного дворца, который был определен местом временного пребывания посольства в Санкт-Петербурге. Накануне приезда японской делегации во дворце произвели ремонт, так как перед этим он некоторое время пустовал. Туда специально были доставлены предметы внутреннего убранства из дворца на Елагином острове.

Обеспечение пребывания японских гостей в Петербурге было возложено на церемониймейстера Императорского Двора, действительного статского советника Шереметева, назначенного Предводителем японского посольства. В организации встреч и приемов участвовали сотрудники Азиатского департамента Министерства иностранных дел: статский советник А.А. Татаринов, надворный советник Иессен и губернский секретарь японец В.И. Яматов (Татибана Косай). Именно Татибана Косай, прибывший в Россию с возвращавшейся из Японии миссией Е.В. Путятин (в России после принятия крещения его называли Владимир Иосифович Яматов), консультировал русских чиновников, отвечавших за прием японской делегации, и сделал все необходимые приготовления для того, чтобы гостям было как можно более уютно в Запасном дворце на Неве, а его покои хотя бы чуть-чуть походили на японское жилище. Все эти детали были положительно отмечены членами посольства, и японцы остались довольны тем, как был обустроен их быт во время пребывания в Санкт-Петербурге.

Накануне приезда японской делегации был составлен список вещей, необходимых японцам во время их пребывания в Запасном дворце:

«Вешалки для нескольких сабель, вешаемых вместе	— 3
для сабель, вешаемых отдельно	— 10
для пик	— 2
для полотенец	— 6
Деревянные изголовья	
Орехового дерева	— 5
Простого дерева	— 45
Подушечки в виде валиков	
Набитые ватой и крытые бархатом	— 5
Набитые ватой и крытые ситцем	— 45
Мешочки для отрубей	— 36

При умывании японцы вместо мыла употребляют пшеничные отруби, высыпая их в небольшие мешочки.

Чашки фарфоровые:

разной величины для риса и вообще употребления за японским столом

— 11 дюжин

Жестянки особого устройства со днами, имеющими дырочки

Жестянки употребляются для парения риса и каждая из них должна состоять из двух частей одна в другую входящих и иметь жестяные же крышки.

Из вещей, употребляемых в пищу, японцы предпочитают:

рыбу разного рода, в особенности семгу, карпов (сачаны), кур, уток, яйца, рис, кислую капусту, пикули, редьку, соленую и свежую, огурцы, макароны, вермишель.

Для приправы:

сою (японскую), уксус, перец, горчицу, хрен, лук репчатый и зеленый.

Вина:

красное, херес, шампанское.

Плоды:

апельсин, виноград, винные ягоды, яблоки.

Чай японцы пьют преимущественно желтый и зеленый» [2. Оп. 2. Д. 635. Л. 8].

По всей видимости, этот рекомендательный список составлялся при участии В.И. Яматова (Татибана Косай). Фукудзава Юкити догадался, что к организации приема приложил руку какой-то японец. О своем предположении Фукудзава написал в «Автобиографии» [1. Р. 136].

В Санкт-Петербурге члены японской делегации встречались и беседовали с генерал-губернатором А.А. Суворовым (внуком великого русского полководца), имели встречу с вице-канцлером и министром иностранных дел князем А.М. Горчаковым и вели переговоры с директором Азиатского департамента МИДа графом Н.П. Игнатьевым.

Кульминацией визита стала аудиенция у государя-императора в Зимнем дворце, проходившая 2 августа (по старому стилю). Дело в том, что в Лондоне японской делегации «было отказано в официальной аудиенции у английской королевы» [2. Оп. 1. Д. 379. Л. 16.], а вот в Париже японские гости были торжественно приняты императором Наполеоном III. После обсуждения данного вопроса было принято решение устроить прием японскому посольству в Зимнем дворце и провести его в соответствии с нормами, принятыми при европейских дворах. Таким образом должна была быть подчеркнута важность данного визита.

На основе архивных документов можно с точностью до минуты проследить весь ход церемонии и установить те залы Зимнего дворца, в которых побывали японские гости.

В 12 часов дня члены японского посольства вышли из Запасного дворца и сели в ожидавшие их у подъезда парадные золоченые кареты, за каждой из которых стояли по два лакея в парадных ливреях. Кортёж проследовал по Дворцовой набережной и остановился у посольского подъезда во дворе Зимнего дворца. При въезде во двор посольство приветствовал караул, отдавший соответствующие воинские почести. В 12.20 японские посланники торжественно вышли из карет и поднялись по парадной лестнице, сопровождаемые российскими официальными лицами. При входе их приветствовали выстроившиеся шпалерами егеря. Далее по коридору и на лестнице стояли лакеи, на средней площадке — камер-лакеи, а на верхней их встречали камер-фурьеры и камер-юнкеры. Шествие проследовало через Аванзал, где японских гостей приветствовал караул от роты дворцовых гренадер. Далее в Николаевском зале

их встретили церемониймейстер Челищев, директор Азиатского департамента МИДа граф Н.П. Игнатьев и исполняющий должность гофмаршала Ю.И. Стенбок. После непродолжительной беседы японских посланников пригласили к двум столикам, покрытым малиновой бархатной скатертью с золотой отделкой, которые стояли напротив портрета императора Николая I, и предложили им чай, фрукты и сласти. После чаепития и короткого отдыха в Концертном зале началась главная часть приема. В полном соответствии с тогдашним российским дворцовым этикетом японское посольство проследовало из Концертного зала через Николаевский, Аванзал, Фельдмаршальский, Петровский и Гербовый залы в Георгиевский зал, где обычно проходили аудиенции. Впереди шел секретарь посольства, который нес ящичек с верительными грамотами. Затем шли старшие посланники со свитой и за ними сопровождавшие их российские официальные лица.

Войдя в Георгиевский зал, члены японского посольства сразу же увидели стоявших перед тронном российского императора Александра II и императрицу Марию Александровну. За императором по левую сторону стояли Великие князья: Алексей Александрович, Николай Константинович и Николай Николаевич-старший, за императрицей по правую сторону — великая княжна Мария Александровна и великие княгини Мария Петровна и Екатерина Михайловна. Помимо членов императорской семьи в приеме участвовали вице-канцлер князь А.М. Горчаков, министры, члены Государственного совета, сенаторы, генералы, статс-дамы, фрейлины и обер-офицеры.

Ровно в 13 часов японские посланники при входе в Георгиевский зал приветствовали российского императора, императрицу и наследника престола поклонами. Дойдя до середины зала, повторили свое приветствие. Затем руководителям посольства предложили подойти к трону, и Такэноути, приблизившись к императору, зачитал текст послания по-японски, японский переводчик перевел его слова на голландский язык, а чиновник российского Министерства иностранных дел — на русский: «Ваше Императорское Величество! Исполняя повеление Его Величества Тайкуна [сёгуна. — Н.С.] мы удостоились сегодня чести представиться Вашему императорскому Величеству. Со времени заключения трактата [Симодский трактат 1855 г. — Н.С.] сношения обеих империй более и более развиваются. Вследствие сего, тайкун повелел нам доказать его чистосердечные чувства через поднесение его собственного письма и возобновить уверения, содержащиеся в трактатах. По сему случаю мы желаем благоденствия Вашему Величеству и счастья и преуспевания Вашему народу» [2. Оп. 1. Д. 378. Л. 26].

В приветственном слове Александр II подчеркнул дружественный характер отношений, установившихся между Россией и Японией, и выразил надежду на их развитие и упрочение в будущем. После обмена грамотами и представления Александру II всех членов посольства японские посланники, согласно этикету своей страны, не отворачиваясь от августейших особ и постоянно кланяясь, отошли к дверям Георгиевского зала. Отдав прощальное приветствие российскому императору, они перешли в Гербовый зал, где состоялись переговоры Такэноути с вице-канцлером князем Горчаковым. После переговоров и угощения посольство было доставлено обратно в Запасной дворец.

На следующий день члены японского посольства были вновь приглашены в Зимний дворец для осмотра его комнат и залов, а также побывали в Императорском Эрмитаже и Государственном совете.

Члены японской делегации с большим интересом познакомились с жизнью российской столицы. Они посетили Елагин остров, Ботанический сад, Пулковскую обсерваторию.

рию, Стекланный завод. Их возили в Колпино, Царское Село, Павловск и Петергоф, где показывали изумительные парки и царские дворцы [6. Оп. 6. Д. 1202. Л. 11–12.].

Пребывание в Петербурге первой официальной японской дипломатической миссии и прием, оказанный ей в России, свидетельствовали о складывании нового типа взаимоотношений между двумя странами. Начался процесс постепенного взаимного узнавания, которое могло стать ступенью к возникновению взаимопонимания. Тщательность подготовки и организация визита официальными лицами говорили о том, что российское правительство стремилось продемонстрировать послам из Японии, что они были в Санкт-Петербурге желанными гостями. Организаторы визита, благодаря тому, что к его обеспечению был привлечен служивший в Петербурге японец Татибана Косай, сумели создать весьма благоприятный климат для переговоров. Японские гости увидели, что в Петербурге знакомы с традициями и обычаями их страны. В свою очередь, в ходе визита японские представители смогли познакомиться с культурой и придворным этикетом России того времени, увидели достопримечательности Петербурга. Это было очень существенно в условиях расширения социокультурного взаимодействия двух стран.

Во второй половине XIX в. все более регулярными становятся контакты между Россией и Китаем. В 1866 г. в Санкт-Петербург прибыл китайский сановник Бинь Чунь, совершавший неофициальную поездку дипломатического характера по странам Европы. Свои впечатления о поездке он в дальнейшем изложил в отчете, представленном в Цзунли ямэнь после возвращения в Пекин [9]. Переводчиком и сопровождающим делегации Цинской империи был назначен замечательный китаевед, блестящий знаток китайского языка К.А. Скачков, который прожил в Пекине восемь лет и состоял на службе при Российской Духовной Миссии. Благодаря участию в приеме делегации такого специалиста, как К.А. Скачков, прекрасно разбиравшегося в культуре, обычаях и традициях китайцев, все было организовано и налажено так, чтобы не вызывать у китайских гостей отрицательных эмоций. К.А. Скачков старался сгладить все возникавшие проблемы и шероховатости. Вместе с тем, поскольку визит Бинь Чуня носил неофициальный характер, китайского посланника принимали в Петербурге не на самом высоком уровне.

7 июля члены делегации были приняты вице-канцлером А.М. Горчаковым и директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел П.Н. Стремоуховым. Во время этих встреч Бинь Чунь постоянно подчеркивал дружественный характер отношений, сложившихся между Россией и Китаем, на протяжении последних ста с лишним лет.

Российская столица произвела на китайского посланника большое впечатление. В своем дневнике он отметил, что в столице России «здания широкие и высокие, дворцы полны блеска, так что столицу можно справедливо назвать венцом столиц всех государств» [9. С. 41]. Бинь Чунь впервые описал на китайском языке основные достопримечательности Санкт-Петербурга и его окрестностей, в том числе и очень популярный в то время, а ныне практически забытый сад «Минеральные воды», куда китайских гостей возили, чтобы делегация смогла отдохнуть и отвлечься от напряженной программы визита⁴.

Еще одна высокопоставленная китайская делегация побывала в столице России в 1870 г. Во главе миссии были поставлены три человека: цинские сановники Чжи Ган и Сунь Цзягу и американский дипломат А. Бурлингэм. Дело в том, что руководивший в то

время внешней политикой Цинской империи великий князь Гун и руководство Цзунли ямэня понимали, что успех миссии в значительной мере будет зависеть от знания норм международного права, дипломатического этикета, традиций и обычаев стран Запада и умения вести переговоры. Поскольку китайские чиновники имели обо всем этом весьма смутное представление, ключевой фигурой в составе посольства, по инициативе великого князя Гуна, стал американский посланник в Пекине Ансон Бурлингэм. Здесь можно провести определенные аналогии с назначением Петром I иностранца Франца Лефорта одним из руководителей русского Великого посольства в Европу в конце XVII в.

Представительная китайская делегация побывала в США, Франции, Швеции, Дании, Нидерландах, Пруссии, после чего прибыла в Санкт-Петербург. В российской столице официальных гостей принимали на более высоком уровне, чем Бинь Чуня. Министерство Императорского Двора, проведя консультации с Министерством иностранных дел, приняло решение организовать прием китайской делегации в соответствии с нормами, применявшимися при приеме высокопоставленных европейских посольств, тем самым высоко оценив значимость прибытия делегации из Китая.

4 (16) февраля 1870 г. состоялась аудиенция в Зимнем дворце, в ходе которой А. Бурлингэм и китайские дипломаты были представлены императору Александру II [5. Оп.1. Д.1349]. Прохождение членов посольства по залам и галереям Зимнего дворца было продумано с огромной тщательностью. При этом караул, состоявший из казаков и дворцовых гренадер, отдавал делегации все положенные в подобных случаях почести.

Однако успешно начавшийся визит имел трагическое продолжение. На следующий день после аудиенции А. Бурлингэм простудился, тяжело заболел и 11 (23) февраля 1870 г. скончался от воспаления легких в гостинице Клея (эта гостиница принадлежала немцу Г.К. Клее и находилась на месте современного гранд-отеля «Европа»). Руководство миссией полностью перешло в руки Чжи Гана, со скорбью описавшего все произошедшее в своем дневнике [10. С. 90–91]. Связавшись по телеграфу с Пекином, Чжи Ган и Сунь Цзягу получили указание не только не прерывать свой визит в Петербург, но и посетить все запланированные страны.

Кончина главы китайской делегации усилила интерес российской прессы к визиту. Информация о действиях китайских дипломатов появилась во всех петербургских газетах. Члены делегации встречались со многими представителями петербургской знати, включая членов императорской фамилии. Китайские посланники продолжили знакомиться с достопримечательностями Санкт-Петербурга и пригородов, посетили музеи, которые, судя по дневнику Чжи Гана, произвели на них большое впечатление [10. С. 93–94]. Важной частью их визита стали встречи с членами императорской фамилии: наследником-цесаревичем и его супругой, братьями императора.

Пребывание китайской делегации в Петербурге продолжалось более двух месяцев. 4 (16) апреля состоялась прощальная аудиенция у императора Александра II. Чжи Ган отметил в своем дневнике, что русский император был очень внимателен и спрашивал, как китайцы переносят русский мороз, а также пожелал делегации успехов в развитии российско-китайской торговли и счастливого пути [10. С. 97].

Подводя итоги, следует признать, что побывавшие в Петербурге в третьей четверти XIX в. дипломатические миссии из Японии⁵ и Китая⁶ сыграли существенную роль в процессе социокультурного взаимодействия стран Дальнего Востока и России. Дипломатические отчеты, дневники и другая информация, накопленная ими в ходе визитов,

имели большое значение в деле распространения знаний о России в Китае и Японии. В то же время сами визиты и пребывание посланников из далеких и для того времени экзотических стран способствовали обогащению представлений российского общества о других народах и их культурах, давали материал для последующего налаживания культурного диалога, что позволяет рассматривать их в качестве своего рода трансляторов коммуникационного кода, о чем говорилось в начале статьи.

Особо следует отметить роль отдельных личностей в этом процессе. Находившийся на российской службе японец Татибана Косай (В.И. Яматов), замечательный русский китаевед К.А. Скачков и американский дипломат и политический деятель Ансон Бурлингэм сыграли огромную роль не только как интерпретаторы иной культуры, но и как непосредственные ее трансляторы, способствуя процессу формирования нового коммуникационного кода социокультурного взаимодействия.

Примечания

¹ В данном случае имеются в виду Китай и Япония. Через несколько десятилетий аналогичные процессы начались и в отношениях России с Кореей и Сиамом.

² На самом деле первое японское посольство прибыло в Европу задолго до этой миссии. Это произошло в 1613–1620 гг., и возглавлял его Хасэкура Цунэнага, совершивший путешествие из Японии в Ватикан.

³ В настоящее время здание, расположенное по адресу: Дворцовая набережная, д. 26, имеет иной вид, нежели в 1862 г. В 1867–1872 гг. здание было перестроено по проекту архитектора А.И. Резанова, который придал главному фасаду дворца облик флорентийского палаццо XIV–XV вв. В настоящее время в доме № 26 по Дворцовой набережной располагается Санкт-Петербургский Дом ученых, открытый в 1920 г.

⁴ Подробнее о пребывании Бинь Чуня в Петербурге см.: [9. С. 41].

⁵ В рамках рассматриваемого периода Россию посетила еще одна представительная японская делегация во главе с полномочным послом Ивакура Томоми (1825–1833), в которую входили около 50 чел. В 1871–1873 гг. эта миссия совершила кругосветное путешествие, побывав в США и многих европейских странах, включая Россию. Личный секретарь Ивакура Томоми — Кумэ Кунитакэ (1839–1931) — в 1878 г. опубликовал 5-томный отчет о поездке, где можно прочесть любопытные суждения о России.

⁶ Сведения о том, как еще один китайский дипломат — Чжан Дэи — описал свои впечатления о пребывании в России, содержатся в интересной работе Д.Н. Воскресенского [7].

Литература

1. The Autobiography of Yukichi Fukuzawa / Translated by Eichi Kiyooka. New York; London, 1966.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 469. Придворная Его Императорского Величества контора Министерства Императорского Двора.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 470. Гоф-интендантская контора Министерства Императорского Двора.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 472. Канцелярия Министерства Императорского Двора.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 473. Церемониальная часть Министерства Императорского Двора.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 477. Придворная конюшенная часть Министерства Императорского Двора.

7. *Воскресенский Д.Н.* Записки китайского дипломата о западных странах (Лондон; Санкт-Петербург: конец XIX века). М., 2003.

8. *Новгородская Н.Ю.* Малоизвестный визит в Россию китайского дипломата // «И не распалась связь времен...»: К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: Сб. статей. М., 1993. С. 246–256.

9. 斌椿。乘槎笔记。长沙: 湖南人民出版社, 1981。 (*Бинь Чунь*. Путевые записи. Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ, 1981).

10. 志刚。初使泰西记。长沙: 湖南人民出版社, 1981。 (*Чжи Ган*. Записи о посольстве на Запад. Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ, 1981).

УДК 94(520).031

М.В. Строева

**РОССИЯ И ЯПОНИЯ:
О ВИЗИТАХ ЯПОНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ В РОССИЮ
В СЕРЕДИНЕ 70-х — КОНЦЕ 80-х ГОДОВ XIX в.
(НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ АВПРИ)**

Основным вопросом русско-японских отношений в начале 70-х годов XIX в. являлся вопрос о Сахалине. В статье II Симодского трактата (1855) указывалось, что Сахалин находится в неразделенном владении двух стран и гражданам обеих стран позволено свободно передвигаться по острову [11. С. 51]. В марте 1867 г. в Санкт-Петербурге были подписаны так называемые Временные правила по совместному владению Сахалином. Согласно Временным правилам статус Сахалина был изменен с «неразделенной» территории на «совместное» владение. Однако территориальная проблема существовала и вызывала постоянные конфликты и напряженность из-за столкновения интересов двух стран на Сахалине. В марте 1870 г. японским правительством были предприняты попытки попросить американское правительство выступить в качестве третейского судьи в споре между двумя странами и поддержать план проведения границы по 50-й параллели на Сахалине. Российское правительство не согласилось на американское посредничество. Японское правительство было вынуждено пойти на прямые переговоры с Россией. В мае 1872 г. в Токио прибыл российский поверенный в делах Е.К. Бюцов (1837–1904), уполномоченный вести переговоры по пограничному вопросу. Переговоры длились до марта 1873 г., но соглашение не было достигнуто. В январе 1874 г. японское правительство приняло решение отправить своего полномочного представителя в Россию для переговоров по проблеме пограничного урегулирования.

7 мая 1875 г. в российской столице состоялось подписание Санкт-Петербургского трактата. С российской стороны подпись поставил канцлер А.М. Горчаков (1798–1883), японскую сторону представлял Полномочный и Чрезвычайный Посланник Эномото Такэаки (1836–1908). Данный трактат явился результатом долгих (почти годичных) переговоров. Согласно трактату Сахалин был признан российской территорией, а российская сторона, в свою очередь, уступала Японии группу Курильских островов, границей между двумя империями признавался пролив между мысом Лопатка и о-вом Шумшу [11. С. 68]. Трактат состоит собственно из самого трактата об обмене Сахалина на Курильские острова, декларации о компенсации за движимое и недвижимое имущество японской стороны на южном Сахалине, подписанной в тот же день, и дополнительной статьи о правах жителей уступаемых территорий, подписание которой состоялось в Токио 22 августа того же года.

Эномото оставался в Петербурге до 1878 г., возглавляя японскую дипломатическую миссию. Его планам вернуться в Японию помешала русско-турецкая война 1877–1878 гг. В июле 1878 г. ему было позволено отправиться в Японию через Сибирь. Российское

правительство предоставило Энмото письма для российских чиновников на местах с просьбой оказывать японскому представителю и его спутникам содействие.

Сам Энмото в письме сестре так обозначил цель своего путешествия: «Вообще японцы боятся русских и думают, что они вот-вот нападут на Хоккайдо. Но я считаю, что это глупое предположение, не имеющее под собой никаких оснований. Я хочу проехать по территории России и рассеять эти подозрения японцев, описать хотя бы часть того, что я увижу» [12. С. 327]. Во время этого путешествия Энмото вел дневник, который получил соответствующее название — «Сибирский дневник». Две тетради (большого и меньшего формата), в которые Энмото вносил записи, в настоящее время хранятся в библиотеке японского парламента в фонде Энмото.

26 июля 1878 г. Энмото на поезде в специальном вагоне отправился из Петербурга в Москву, а затем проследовал в Нижний Новгород. Из Нижнего Новгорода до Казани и Перми он добирался главным образом водным путем на пароходе. Основной путь через Сибирь (Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Томск, Красноярск, Иркутск, Кяхта, Чита, Нерчинск) был проделан на тарантасе. Далее путь лежал по Амуру на пароходе до Хабаровска. Маршрут от Хабаровска до Владивостока был преодолен на пароходе и частично на тарантасе. 29 сентября Энмото предпринял морское путешествие из Владивостока в Отару и Хакодатэ (о. Хоккайдо). Из Хакодатэ он прибыл в Токио. Все путешествие заняло чуть более 2 месяцев, было преодолено более 13 тыс. км [12. С. 24]. Дневник велся практически ежедневно. Энмото вносил сведения о климате, географии, геологии, состоянии военных гарнизонов, промышленности, обычаях, реалиях повседневной жизни в Сибири и т. п. Особенно Энмото интересовала информация военного характера: численность и состояние гарнизонов, их военная подготовка и дислокация. Японский представитель также проявлял интерес к золотым приискам: посетил прииски близ Екатеринбурга и Красноярска. «Сибирский дневник» был впервые опубликован в 1935 г., затем в 1943 г. Последнее издание датируется 2008 г.

В качестве стажера при миссии Энмото с 1874 г. состоял Ниси Токудзиро (1847–1912). После заключения С.-Петербургского трактата он был переведен в японскую миссию в Париже. Однако в 1878 г. Ниси был назначен поверенным в делах в российской столице. В 1881 г. японское правительство отозвало его в Японию. Ниси решил возвращаться не обычным морским путем через Европу, а через Среднюю Азию. Повидав по дороге Западный и Восточный Туркестан, Илийский край, Сибирь, Монголию и Китай, он прибыл в Японию в 1882 г. Как и Энмото, Ниси придавал своим путевым впечатлениям форму записок: в 1885 г. в Токио было издано в двух томах описание его путешествия под названием «Записки о путешествии по Средней Азии» (Тю:о:адзиякико:) [9. С. 280].

В сентябре 1882 г. принц Арисугава Тарухито (1835–1895) с официальным визитом посетил С.-Петербург. Он был принят в одном из императорских дворцов. Министр иностранных дел Н.К. Гирс (1820–1895) так охарактеризовал статус принца в письме императору Александру III: «Настоящее чрезвычайное посольство, во главе которого находится самый влиятельный в Японии сановник, и к тому же близкий родственник Императора (дядя), должно быть принято в одном из императорских дворцов» [2. Л. 1]. Узнав о занятиях русских студентов в Петербургском университете японским языком, принц после своего возвращения в Японию распорядился подобрать в дар коллекцию книг. Через год коллекция, состоящая примерно из 3500 томов, была передана японским посланником Ханабуса. В ответ Ученым советом университета принцу было присуждено звание почетного члена [10. С. 47].

Генерал-лейтенант японской армии и государственный советник Курода Киётака (1840–1900) в сентябре 1886 г. совершил поездку в Европу через Сибирь и С.-Петербург. Данный визит носил частный и ознакомительный характер. Однако этот визит показал активную заинтересованность Японии в изменениях, проходивших в Сибири и на российском Дальнем Востоке в 80-е годы XIX в. В 1870-е годы Курода в течение десяти лет возглавлял Бюро по колонизации Хоккайдо, а среди лиц, сопровождающих его в поездке по России, был и чиновник вышеуказанного бюро. По словам российского посланника Д.Е. Шевича, Курода «не занимает никакого определенного положения в нынешнем японском правительстве, хотя влияние его на кабинет несомненно сильно». В том же письме министру иностранных дел Н.К. Гирсу Шевич отмечает «...насколько правительство интересуется путешествием графа (Курода), угодно будет рассмотреть из того, что путевые расходы всей его свиты приняты на казенный счет». В июне Курода выехал во Владивосток со свитой из 6 человек [4. Л. 2].

Во второй половине сентября Курода прибыл в российскую столицу. По его просьбе ему были предоставлены сведения о Сибири, а именно: об административном устройстве, населении, природных богатствах, промышленности и т. д. Для удовлетворения просьбы графа министр иностранных дел Н.К. Гирс обратился в соответствующие министерства с предложением «оказать гр. Курода возможное содействие по получению означенных сведений» [4. Л. 15]. От каждого министерства были избраны лица, близко знакомые с вопросами, интересовавшими японского сановника, и на них было возложено предоставление необходимых сведений по Сибири.

Несмотря на частный характер визита, он удостоился чести быть представленным императору Александру III и наследнику. Также Курода был награжден орденом Белого Орла.

На основе своих впечатлений Курода Киётака выпустил в 1888 г. книгу «Записки о путешествиях» (Канъю:никки) в трех томах. Первые два тома были посвящены исключительно Сибири и России. Российский посланник в Токио Д.Е. Шевич, которому автором был преподнесен экземпляр книги, считал, что «сочинение гр. Куроды не представляет особого интереса и не заключает в себе никаких данных, достойных внимания в политическом отношении». Однако генерал Курода, «не расточая чрезмерных похвал нашему внутреннему устройству и военной организации, отдает полную справедливость успехам, замеченным им ныне в России по различным отраслям ее государственного и экономического быта, и особенно отмечается быстрое развитие Уссурийского и Приамурского края» [3. Л. 18].

Вслед за Курода в феврале 1887 г., проследовав через Америку и Европу, Россию посетил японский морской министр вице-адмирал Сайго Цугумити (1843–1902). Российский посланник в Токио дал следующую характеристику морскому министру: «Граф Сайго принадлежит к сильной Сацумской партии. Морским министром он назначен очень недавно, причем переименован из Генерал-Лейтенанта в Вице-Адмиралы. Перед этим он был в течение нескольких лет Министром земледелия и торговли. Граф считается здесь одним из лучших боевых генералов и пользуется большой популярностью» [5. Л. 2].

Пребывание Сайго в С.-Петербурге было посвящено морским учреждениям и морскому делу. Из перечня порядка осмотра учреждений Морского и других ведомств, а также команд Морского ведомства следует, что Сайго и сопровождающими его лицами с 9 по 20 февраля 1887 г. были осмотрены административные учреждения Морского министерства: Главное Адмиралтейство, Гвардейский экипаж, верфи и мастерские

Балтийского судового механического завода, фрегаты («Память Азова»), броненосцы («Адмирал Нахимов»), крейсера («Лейтенант Нивин»). Вице-адмирал также осмотрел Морское училище, Обуховский сталелитейный завод. Была предпринята поездка в Кронштадт с посещением военных морских объектов: Гальванопластической мастерской, Константиновского дока, артиллерийской и минной мастерских. Гости ездили на Охту для осмотра Артиллерийского полигона. Культурная программа включала посещение достопримечательностей и памятников (Гостиный Двор, Исаакиевский и Казанский соборы, Эрмитаж и пр.). Вечером 11 февраля гости были в Мариинском театре на представлении оперы «Жизнь за Царя» [5. Л. 10–13]. 20 февраля Сайго со свитой отправился с Николаевского вокзала в Москву.

В августе 1888 г. председатель Верховного Совета Ито Хиробуми (1841–1909) и морской министр Сайго посетили Владивосток на японском военном судне. Как японская, так и российская стороны подчеркивали частный характер данного визита. Несмотря на усилия придать визиту неофициальный характер, «решение посетить Владивосток произвело в Японии некую сенсацию и дало повод к разнообразным толкам» [3. Л. 3]. Следует отметить тот факт, что перед посещением Владивостока японские сановники с эскадрой зашли в корейские порты. Посланник в Токио Д.Е. Шевич был также несколько удивлен решением морского министра посетить основной дальневосточный порт России. Согласно донесению Д.Е. Шевича, японский министр иностранных дел Окума Сигэнобу (1838–1922) лишь за несколько дней до визита узнал о решении сановников. Окума всячески подчеркивал, что «посещение Владивостока Морским министром, к которому граф Ито присоединился совершенно случайно, и исключительно с целью “приветриться”, не может иметь никакого другого политического значения, кроме нового фактического подтверждения дружественных сношений между двумя странами». Японский министр иностранных дел уверял, что «появление японской эскадры в корейских восточных водах не связано с корейским вопросом». Окума также отметил, что «японский военный флот имеет точно такое же право, как и морские силы прочих держав, крейсировать где ему угодно и заходить в любые порты дружественных с Японией государств» [3. Л. 3–4]. Посещение китайских и корейских портов и Владивостока можно рассматривать как некую демонстрацию растущей мощи Японии как военно-морской державы. Из беседы с Окума российский посланник Д.Е. Шевич делает вывод, что «поездка японских сановников была предпринята с целью удостовериться на месте, насколько приписываемые России намерения открыть себе новый выход через Корею в Японское море правдоподобны и удобноисполнимы» [3. Л. 5].

Россия придерживалась политики «статус-кво» на Дальнем Востоке. Этим объясняется намерение Приамурского генерал-губернатора барона Корфа избежать встречи с японскими сановниками во Владивостоке. Эта встреча все же состоялась, так как Ито и Сайго «застали барона Корфа, прибыв не в назначенный срок». Генерал-губернатор сам поспешил сообщить об этом министру иностранных дел России «в предупреждении кривотолков» [3. Л. 2]. Во Владивостоке японские сановники также встретились с великим князем Александром Михайловичем, который пригласил их к обеду на корвете «Рында», и посетили японскую колонию, отметив «благосостояние и справедливое и сочувственное отношение властей и народонаселения» [3. Л. 12]. После возвращения в Токио из Владивостока Ито нанёс визит Д.Е. Шевичу и выразил «живейшую признательность за радушный приём, сделанный ему и Сайго во Владивостоке как тамошними властями, так и начальником нашей тихоокеанской эскадры» [3. Л. 11].

В марте 1887 г. С.-Петербург посетил с частным визитом принц Комацу Акихито (1846–1903) с супругой и свитой из 4 человек. В донесении Н.К. Гирсу от 9(21) сентября 1886 г. Д.Е. Шевич писал о принце: «Принц Комацу занимает между здешними императорскими принцами первое после принца Арисугавы место и наравне с ним имеет фамильный орден Астры, тогда как другие императорские принцы этого ордена не имеют. Его Высочество состоит в чине Генерал-Лейтенанта и носит звание начальника императорской гвардии» [8. Л. 2]. Поездка была предпринята с целью ознакомления с военным делом. Высокие гости остановились в Европейской гостинице. Для «доставления сведений о нашей армии» состоять при японском принце было приказано подполковнику Генерального штаба барону Тизенгаузену [8. Л. 16].

В феврале 1889 г. принц Арисугава Такэхито (1862–1913) в сопровождении принцессы Ясука отправился из порта Йокогама в Европу через Америку на американском корабле. Принц Такэхито — младший брат принца Арисугава Тарухито, посетившего Россию в 1882 г. Он находился на морской службе и состоял в чине капитана 2-го ранга. Принц уже бывал в Европе до этой поездки: некоторое время он плавал на английском военном судне в японских водах, а затем в 1881 г. отправился в Англию на полтора года для дальнейшего изучения морского дела и английского языка. В Петербург принц и его супруга ехали инкогнито под именами графов Сава. 11 апреля 1889 г. они были приняты к императорскому столу в Гатчине [1. Л. 2–4].

В мае 1889 г. С.-Петербург также посетил японский министр внутренних дел Ямагата Аритомо (1838–1922). Целью данной поездки по Европе было изучение внутреннего устройства европейских государств и военной организации. Из донесения посланника в Токио от 10 ноября 1888 г. в Азиатский департамент следует, что Ямагата «принадлежит к партии Тёсю и среди ее приверженцев с самого начала стоял на видном месте в деле восстановления императорской власти, так как во время переворота 1868 г. он был одним из главных выдающихся генералов, командовавших императорскими войсками... Генерал-Лейтенант граф Ямагата пользуется в Японии большой репутацией военного и политического деятеля и огромной популярностью в армии, которая всецело ему обязана своим преобразованием и своей нынешней организацией» [6. Л. 1]. Гости осматривали военные школы и казармы. 23 мая они совершили поездку в Кронштадт. Чиновник особых поручений при российском Министерстве внутренних дел барон Буксгевден состоял сопровождающим [6. Л. 8–10].

Санкт-Петербургский трактат на несколько десятилетий разрешил основные противоречия между Россией и Японией. Со второй половины 70-х годов XIX в. Япония стала проводить более активную внешнюю политику, направленную на пересмотр «неравноправных» договоров с западными державами и осуществление собственных планов «освоения» соседних территорий. Россия укрепляла свои позиции на Дальнем Востоке. В 1885 г. было принято решение о строительстве Сибирской железной дороги через Самару и Уфу. В конце 1870-х — начале 1880-х годов начался процесс усиления русских войск на Дальнем Востоке. Недостаток сил и средств предопределил в 80-е годы российскую внешнеполитическую линию на сохранение статус-кво на Дальнем Востоке. Япония как непосредственный сосед с достаточно активной внешней политикой вызывала обеспокоенность российского правительства. В свою очередь, Россия, ее территориальное и административное устройство, природные и человеческие ресурсы пробуждали несомненный интерес у японской стороны, что и обусловило достаточно многочисленные визиты японских государственных деятелей в этот период.

Литература

1. АВПРИ. Ф.: Посольство в Токио. 1888–1893. Оп. 529. Д. 409.
2. АВПРИ. Ф.: СПбГА I-1. Оп. 781. Д. 192.
3. АВПРИ. Ф.: Японский стол. Оп. 493. Д. 1253.
4. АВПРИ. Ф. Там же. Д. 1272.
5. АВПРИ. Ф. Там же. Д. 1275.
6. АВПРИ. Ф. Там же. Д. 1277.
7. АВПРИ. Ф. Там же. Д. 1495.
8. АВПРИ. Ф. Там же. Д. 1741.
9. *Веселовский Н.И.* Нисси Токудзиро // Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть его существования. 1869–1894 гг. Т. 2. СПб., 1898. С. 279–280.
10. *Горегляд В.Н.* Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. СПб., 2006. С. 352.
11. Сборник договоров России с Китаем и Японией, трактатов иностранных государств с Китаем и дополнительных правительственных и административных распоряжений, касающихся взаимных сношений России и Китая. Вып. I. Иркутск, Типограф. Штаба Восточн. Сибирск. военного округа, 1880.
12. *Эномото Такэаки.* Сибэриа никки (Сибирский дневник). Токио: Ко:данся, 2008. С. 360.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 327

Е.И. Зелнев

ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПОЛЯ: ТЕОРИЯ ВОПРОСА*

Объективность — надменна. Ослабить эту надменность людям удается с помощью понятий, обобщающих их знания о человечестве. Стремясь свести множество к единству, человеческая мысль обретает психологическую устойчивость, формулирует законы, правила, принципы — парадигмы научного знания. Увы, они не вечны, а, как правило, и недолговечны, но без них поступательное движение науки едва ли возможно. Всякое «новое» с неизбежностью становится привычным, постепенно превращаясь в опору сложившейся самобытности. Это явление Эрик Хобсбаум остроумно назвал «изобретенной традицией» (1983 г.), показав, что человечество нередко оказывается в плену собственных иллюзий, веря, что желаемое — это и есть действительность, или наоборот, наделяя действительность свойством чудодейственности [6, 12, 26].

К такого рода понятиям, грозящим со временем стать «изобретенной традицией», относятся понятия «геокультурное пространство» и «геокультурное поле». Они обладают макросоциальным обобщающим потенциалом, т. е. могут быть применены к человечеству в целом. Трудность состоит в том, что нужно представить человечество как целое вопреки тому, что его реальное бытие дифференцировано и фрагментировано всем ходом эволюции [7, 19]. Разрешение этого противоречия — нахождение способа «сборки» того, что находится в «разобранном» состоянии, — с применением вышеназванных понятий и составляет главную задачу предлагаемой статьи.

Обнадёживает, что объектом обобщающего мыслительного конструирования будут явления культуры. Дело в том, что обобщение — это всегда осознанное или подсознательное стремление к единству, а, согласно мнению Фернана Броделя, «единству культура всегда говорит “да”, экономика — почти “да”, политика остается сдержанной» [3; 6,

*Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© Е. И. Зелнев, 2009

43]. В рассматриваемых понятиях важной составляющей выступает культура, любящая единство и стремящаяся к нему.

Другой важный компонент рассматриваемых понятий — пространство. Познание земной поверхности в ее пространственных реалиях составляет суть хорологической концепции выдающего немецкого географа Альфреда Геттнера, автора книги «География. Ее история, сущность и методы», опубликованной в Германии в 1927 г., а в СССР — уже в 1930 г. В этой работе А. Геттнер ставит важный вопрос о соотношении пространства и времени в научных исследованиях. «География, по самому определению своего понятия, ограничена, строго говоря, рассмотрением настоящего; рассмотрение процесса развития она предоставляет исторической геологии, доисторическим наукам и истории с ее частными дисциплинами». География, по мнению Геттнера, — это пространственная наука в том смысле, в каком история есть временная наука. Такое деление весьма условно, поскольку объяснить причину явления часто бывает невозможно без исследования его генезиса, хотя бы он сам по себе непосредственно нас и не интересовал. Необходимо учесть, что многие изменения происходят слишком быстро, а рассмотрение настоящего, в строгом смысле слова, дает лишь моментальный снимок, недостаточный для научного анализа; поэтому истинное знание фактов может быть достигнуто только при рассмотрении явления в течение более или менее продолжительного промежутка времени» [4, 115, 196, 213].

Д.Н. Замятин, анализируя концепцию Геттнера, приходит к двум важным выводам. Во-первых, время присутствует в исследовании пространства как необходимость построения генетической концепции, позволяющей в максимальной степени выявить пространственные различия. Во-вторых, изучение пространственных реалий требует выявления пространственных различий путем районирования и регионализации пространства. Районирование — естественное деление, тогда как регионализация — это искусственная классификация [5, 20–21].

Адекватное реальности исследование пространства достигается в рамках пространственно-временной парадигмы исследования. Причем длительность рассматриваемых временных отрезков и географические границы исследуемой части пространства — в значительной мере результат выбора научной идеологии исследования. Научная идеология — это концентрация исследовательского внимания на определенной идее, закрепление которой в сознании, хотя бы и на другом, новом, уровне, составляет стратегическую цель этой идеологии.

Одним из важнейших средств формирования научной идеологии выступает аналогия. Суть аналогии — поиск сходств и различий непонятого явления с другими, уже понятными и относительно изученными. Благодаря аналогии поиск сходств и различий посредством идеологических процедур сравнения оборачивается обнаружением общего и особенного там, где ранее этого не замечали. Это, в свою очередь, приводит к идеологическому перевороту, когда сходства перевешивают по своему значению различия, позволяя выйти на новый уровень обобщения — заменить старую идеологию (совокупность идей в рамках одной идеологии) на качественно новую. Аналогия сопровождает идеологию, становясь одновременно и средством, и признаком идеологического переворота.

В хорологической концепции проводится аналогия между географией и историей, которая основана на принятой Геттнером классификации наук — делении их на систематические, временные и пространственные. При этом Геттнер, очевидно, исходит из

знаменитого тезиса И. Канта о том, что различие между науками обусловлено не своеобразием их объектов, а лишь различием наших точек зрения на объект. Историческая или географическая точки зрения становятся решающими только тогда, когда «время или пространство выходят на передний план, составляя связующую нить научного исследования» [5, 16; 4, 114]. Иными словами — современное исследование реальности подразумевает естественное и достаточно рациональное соединение пространственной и временной систем отсчета, в результате которого создается пространственно-временная парадигма исследования, необходимая для систематического научного изучения.

В качестве примера приведем проблему центра и периферии, которая длительное время разрабатывается в обществоведческой науке и уже стала классической для современной истории и социально-экономической географии. Примененная в историческом исследовании в определенных пространственно-временных границах, она привела к осмыслению феномена государства, империи, исторического региона и цивилизации. В политических науках, в частности в геополитике, она способствовала рождению нескольких концепций — срединных геополитических территорий, геополитических силовых полей, в экономике — больших экономических пространств и т. д.

Важнен методологический этап перехода от отдельных идей к научным концепциям и теориям — формирование «образов» — мыслительных схем, весьма далеких от реальной жизни, но опосредованно отражающих важные стороны бытия. К числу таких образов относится концепция национальных государств, родившаяся в исторической науке из идеи центра и периферии. Современный исследователь политических процессов Джеффри Паркер утверждает, что национальные государства в Западной Европе — это миф, поскольку практически все они представляют собой либо объединение различных этносов, либо осколки более крупных этнических групп. Теория наций, по Паркеру, была изобретена европейскими буржуазными государствами как средство самосохранения путем навязывания этнических особенностей господствующего этноса зависимым от него этническим группам. Так парижское ядро французского срединного пространства навязало свою политическую волю и культуру весьма разнородным в этническом отношении группам населения — от каталонцев на юге до нормандцев на севере. Великобритания, имевшая политическим центром Лондон, объединила в своем составе ирландцев, шотландцев, йоркширцев и т. д. и это только в пределах островной части страны, не говоря уже об обширных колониальных владениях. Столь же зыбким было этническое единство германских земель, вошедших в состав Германской империи в XIX в.

Ни одно государство Востока не знало идеи национального единства и не соответствовало представлениям о национальном государстве. «Единая арабская нация» раздроблена на более чем два десятка независимых государств, а четырехмиллионный арабский Ливан представляет собой мозаику из более десятка этноконфессиональных общностей, находящихся друг с другом в весьма непростых отношениях. Даже такое консолидированное, по европейским понятиям, государство, как Египет, в действительности предстает внутренне противоречивым объединением северного и южного регионов, жителей оазисов и многомиллионного нубийского этноса. Единая египетская нация — это политический миф, подкрепленный особыми геополитическими условиями страны. Этноконфессиональная бинарность или даже многополярность характерны для Китая, Вьетнама, не говоря уже о поликонфессиональной и полилингвистичной Индии.

Историческая наука, опираясь на страноведческие образы, проделала колоссальную работу по воссозданию исторического прошлого государств мира. Однако сегодня она переживает методологический кризис, вызванный переходом от государственно-центристского к внегосударственному пространственному методу исследования. Аналогичные проблемы стоят и перед географической, политической, экономической и юридической науками, длительное время эффективно развивавшимися в пределах страноведческой парадигмы. В то же время в сфере гуманитарных наук сложились традиции образного конструирования, прежде всего в филологии и языкознании, психологии, этнологии, политологии, искусствоведении, архитектуре и востоковедении.

Востоковедение вообще заслуживает особого рассмотрения, поскольку это едва ли не первая и до настоящего времени единственная наука (если не считать географии), которая в качестве объекта исследования имеет пространство — афро-азиатский регион в контексте его культурного развития в самом широком смысле этого понятия. Востоковедные образы (азиатский способ производства, восточная деспотия, конфессиональный универсализм, концепция традиционализма и пр.) позволяют перейти от изучения единичных явлений к масштабным процессам, подвластным изучению с помощью пространственно-временной парадигмы и соответственной научной идеологии. В результате наряду с реальными объектами исследования, которые можно определить с помощью понятий и категорий, могут рождаться научные образы, обособленные от своих реальных прототипов, но способные вести независимую жизнь в специфическом анаморфированном пространстве — искусственной среде, порожденной энергией мышления. Научные образы отличаются от концепций, идей, понятий и категорий тем, что имеют самостоятельную ценность, выступают «новым знанием», способным влиять на характер научного мышления, а опосредованно — и на реальный мир.

Признание научных образов реально существующими и наделенными свойствами субъектности приводит к пониманию того, что идеал средневековой науки и, в большей степени, науки Нового времени — *imago mundi*, образ мира — в ситуации постмодерна недостижим и в то же время излишен. Вместо прежнего единого образа мира (концепции трех миров, биполярности, миросистемности и т.д.) приходит множественность образов миропонимания, каждый из которых создает самостоятельную пространственную версию мира, не отрицая другие. Д.Н. Замятин, определяя современное состояние научного поиска, вводит понятие культурно-географического образа, частным случаем которого выступают геоэкономические, геосоциальные, геополитические или геокультурные образы.

«Гуманитарные науки эпохи постмодерна имеют дело с объектами исследования, структура которых отличается от традиционных. Эти объекты порождают собственные пространства, являющиеся условием и фактором их развития и исследования. Финансовые и информационные потоки, литературные и живописные произведения, локальные культурные сообщества, политические переговоры создают “приватизированные” географоидные пространства, репрезентируемые и интерпретируемые как специфические геоэкономические, геокультурные, геополитические образы. Экономика, культура, политика понимаются как геоэкономика, геокультура, геополитика. В гуманитарно-научном плане наиболее эффективно понимание экономики как геоэкономики, культурологии как геокультурологии, политологии как геополитологии и т. д.» [5, 64].

Каким образом политические переговоры могут создать анаморфированное (искус-

ственное) пространство — географоидный образ и как этот образ может повлиять на реальный мир? Общеизвестно, что США энергично моделируют единое экономическое пространство североамериканского континента — союз государств НАФТА (США, Мексика, Канада). В этом можно увидеть стремление США к региональному господству, а можно — естественное стремление к панконтинентальной интеграции. Можно провести аналогию с Южной Америкой, где также идут интеграционные процессы с той лишь разницей, что лидерство одной страны там не столь очевидно. А что, если перенести этот образ на другие континенты и попытаться представить карту региональных объединений всего мира? Не выяснится ли тогда, что панконтинентальные объединения формируются повсеместно, так же как формируется клуб региональных лидеров, который вовсе не заинтересован в создании единого мирового пространства, а напротив, ищет средства для консервации региональной замкнутости и своего лидирующего статуса в регионе? Попробуем в качестве вывода предложить гипотезу, согласно которой мир представляет собой пространство, в котором объективный интеграционный потенциал рядовых стран противостоит дезинтеграционной воле клуба региональных лидеров, а интеграционный потенциал отдельной личности многократно превышает интеграционные потенции отдельного государства. В созданном нами образе анаморфированного глобального пространства на первый взгляд однонаправленные векторы интеграционных потенциалов личности, страны и страны-лидера региона на самом деле не обязательно суммируются, а могут действовать параллельно и даже взаимоисключаяще, указывая на несколько принципиально разных путей глобальной интеграции. Применение пространственной парадигмы приводит к выводу, что чем большее пространство контролирует субъект политической интеграции, чем выше его интеграционный потенциал, тем менее он заинтересован в завершении глобальной интеграции, поскольку утрачивает преимущества, полученные им на промежуточных этапах интеграционного процесса.

Еще показательнее пример анаморфированного пространства в сфере культуры. Пока еще никто не рискнул создать карту геокультурных пространств, т. е. карту, в основу которой ляжет принцип архетипичности культур. Создание такой карты, скорее всего, перевернет наше представление о мире и о нас самих, поскольку геокультура — это одно из самых мощных и универсальных понятий, изобретенных человечеством за всю его историю. Впервые это понятие введено в научный оборот и продуктивно использовано в трудах И. Валлерстайна около двадцати лет назад [1; 2]. Применение понятия «геокультура» с целью пространственного моделирования мира создает альтернативный (неполитический, неэкономический, неэтнический и т. д.) образ глобального мироустройства, способный оказать решающее влияние на выбор пути глобальной интеграции. Формирование геокультурных образов имеет аналогию с практикой путешествия, поскольку допускается любой ракурс подхода, коль скоро он реализуем. Культурно-географические образы — это максимальная визуализация и вербализация культуры и в то же время целенаправленная, максимально визуализированная и вербализированная географизированность пространства, которое в этом случае выступает как средство репрезентации и интерпретации самой культуры [5, 66]. Геокультурный образ выявляет рельеф культуры, одновременно сам представляя собой культуру в ее высшем проявлении. Одним из таких геокультурных образов выступает теория цивилизации. Понятие «цивилизация» впервые введено в научный оборот в 1774 г. маркизом Де Мирабо и со временем стало мощным стимулом культурологических и истори-

ческих исследований в масштабах всего человечества на протяжении всего периода его существования.

Геокультура — серия культурно-географических образов, интерпретирующих локальные геокультурные пространства. Образы геокультуры рассматриваются преимущественно в контексте процессов глобализации и регионализации, под углом зрения межкультурных и межцивилизационных адаптаций. Образы геокультуры имеют в фундаменте максимально широкий охват проблем мирового развития. Наряду с изучением культурных архетипов локального и регионального масштаба геокультура охватывает широкий спектр проблем геополитического, геоэкономического и геосоциального характера. Более высокий уровень обобщения приводит к сближению геокультуры с различными аспектами развития мировых и локальных цивилизаций, поскольку значительная их часть может рассматриваться как тот или иной вариант геокультуры или геокультур. Концептуальное понимание геокультуры требует выделения в ее корпусе локальных геокультур или геосубкультур, обладающих акцентированной специфичностью: политической, социальной, экономической, духовной, религиозной, военно-прикладной (боевые искусства) и т. п. Геосубкультура может иметь срединное значение — пространственно организующее, а может носить маргинальный, пограничный, местный, неустойчивый характер. Определенные место, район, страна и регион имеют собственный геокультурный потенциал, питаемый духовной энергией населения и географическими свойствами освоенного ими пространства.

Геокультура как феномен репрезентируется в форме мыслительного образа — системы знаков, символов, характеристик, фиксирующих особенности развития и функционирования тех или иных культур, локализованных географически и рассматриваемых в контексте тех или иных цивилизаций с тенденцией к глобальному осмыслению синтезированной информации. Рождение геокультурного образа обусловливается не только логикой его внутреннего строения, но и воздействием смежных (пограничных) геокультурных образов. Например, в формировании геокультурного образа Османской империи кроме собственно Малой Азии в ее византийской и поствизантийской версиях принимали участие геокультурные образы арабо-исламского мира Ближнего Востока и Северной Африки, тюркского кочевого ареала Центральной Азии, а также преимущественно христианской Южной и Восточной Европы, островных территорий Восточного и Центрального Средиземноморья, Черноморского региона и Кавказа.

В геокультуре пространственный фактор иногда отходит на второй план, уступая место мощной духовной, политической или экономической доминантам. Например, образ геокультуры может порой сливаться с «излучающей» геокультурные образы религией (ислам, буддизм, католичество, протестантизм). Как правило, это происходит тогда, когда религия вступает в тесное взаимодействие с политическими и социальными сферами жизни общества. С помощью механизма сакрализации религия «замораживает» определенные стереотипы заученного поведения и искусственные формы, включая их в сферу своей опеки. В этом случае возникает парадоксальный на первый взгляд, однако в высшей степени эффективный симбиоз религии с геокультурой (элементы культуры, закрепленные за определенным пространством) и светской духовностью (элементы культуры, закрепленные в сознании определенного социума).

Собственные геокультуры репродуцируются и большими империями, формирующими свои культурные круги (центро-периферийные модели-образы). Например, в позднее Средневековье подобные модели-образы возникли на почве Османской, Рос-

сийской, Британской и Французской империй, стремившихся поделить между собой пограничные пространства, нередко существенно удаленные от имперских геокультурных центров. Конечно, «за спиной» подобных империй стояли, как правило, крупные цивилизации, которые порождали одну или несколько геокультур, опиравшихся на тот или иной набор цивилизационных ценностей [5, 70–72].

Переход от геокультурного образа к образу геокультурного пространства — результат энергичной аналитической работы. Дело в том, что образы геокультуры, как правило, имеют эфемерную, изменчивую привязку к пространству, обладают духовным «превосходством» над материальной средой существования, тяготеют к духовной автаркии (но никогда полностью не достигают ее). Именно в этой борьбе духа и материи рождается энергия культурного созидания, которая приобретает исторический (т. е. пролонгированный во времени) смысл исключительно благодаря материальному воплощению — звуковому, визуальному, мануальному или иному.

Физические параметры материальных воплощений культуры могут улавливаться и фиксироваться сознанием в пространстве — это важнейший критерий устойчивости и стабильности культурных доминант, архетипов, ценностей. Геокультурное пространство — это огрубленный синтезированный образ геокультуры и духовной культуры, образ, который минимально учитывает диффузионные процессы взаимопроникновения культур посредством отдельных индивидов, но максимально концентрируется на феномене деперсонифицированной культуры. Поэтому геокультурное пространство обладает географической определенностью, что дает возможность не только осмысливать образы культуры, но и видеть их зрительный образ на карте. При этом географическое визуальное изображение культуры сравнимо с тенью, которую предмет (в нашем случае культура) бросает на некую поверхность: по этой тени можно составить общее представление о предмете, но нельзя изучать его структурное содержание.

Геокультурное пространство имеет много общего с геополитическим, геоэкономическим и геосоциальным, поскольку во всех этих образах присутствует пространственный подход при изучении основного предмета исследования. Ядро геокультурного пространства с высокой долей вероятности следует искать там, где происходит взаимное наложение друг на друга геополитической, геоэкономической и геосоциальной образно-географических матриц. Образ геокультурного пространства нередко угадывается в контурах именно геополитического пространственного образа, поскольку господствующий в отдельной стране культурный архетип, как правило, получает политическую поддержку государства. Из возможного множества приведем лишь один пример. Политическая культура США в качестве базовой культуровой ценности имеет принцип электоральной демократии, утверждение которого без мощной государственной поддержки едва ли стало столь триумфальным, поскольку даже в самих США президентства порой достигают лица скорее удачливые, чем способные и подготовленные к этой высокой миссии. Субкультурные образования также нередко имеют геополитическую «огранку», хотя на них преимущественно могут оказывать влияние особенности экономической и социальной систем общества.

Важной методологической особенностью образования геокультурного пространственного образа становится феномен «запаздывающего осмысления», при котором создание геополитических и геосоциальных образов, базирующихся на геокультурном и геоэкономическом фундаменте, происходит посфактумом — уже после поглощения территории срединным геополитическим пространством. Иными словами, объек-

тивное содержание геокультурного пространства может не совпадать с его образным выражением, более того, испытывать корректирующее влияние последнего. На почве одного геокультурного пространства могут возникать два и более различных, даже взаимоисключающих, геокультурных образов этого пространства. Эти образы нередко приобретают идеологические черты (акцентирование определенных идей с целью их закрепления в сознании личности) и используются различными социальными силами в политической борьбе. Таким образом, геокультурное пространство — это объективная реальность, а образ геокультурного пространства — это результат его субъективного осмысления. Исходя из этого, дадим базовые определения этим понятиям.

Геокультурное пространство — система устойчивых культурных реалий и представлений о них на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира [5, 70].

Образ геокультурного пространства — продукт мыслительной деятельности, опирающийся на культурные реалии, но не тождественный им. Границы такого образа обычно не наносятся на географические карты, его контуры не имеют строгой очерченности и подвержены динамичным изменениям, это — пульсирующая субстанция, имеющая ядерное строение (ядро и периферия), многокомпонентную структуру (систему ценностей и образов, закрепленных и репродуцируемых социальными, политическими, экономическими, духовными средствами), субструктурное основание в виде различных субкультур и высокий потенциал самодостаточного существования в анаморфированном пространстве. Виртуальное пространство, созданное компьютерными технологиями, — это лишь одно из многих возможных технических воплощений анаморфированной среды, в которой геокультурные образы пространства имеют право на самостоятельное существование и развитие.

«Технологичность» понятия геокультурного пространства и его образов позволяет воспроизводить, «клонировать» образные модели, насыщая их разным содержанием, но не меняя исследовательской идеологии (например, разрабатывать карту религиозных геокультурных пространств, или исследовать специфику геокультурной пространственной самоидентификации этносов, или выявлять пограничные зоны между «ядерными» системами срединных геополитических пространств, используя метод цивилизационного анализа).

Геокультурное поле — это субстанция, предшествующая образу геокультурного пространства. В основе исследовательской идеологии образа геокультурного пространства лежит принцип дедуктивного анализа, т. е. выявления частей целого (культурных факторов) с последующим наложением на них пространственно-временной исследовательской парадигмы. Это позволяет увидеть фактор культуры как феномен, т. е. в контексте конкретной исторической ситуации и в границах определенного географического пространства. Продуктивность данного метода состоит в том, что он позволяет с высокой долей вероятности допускать воздействие данного культурного феномена на отдельную личность и социальные группы там, где нет иных свидетельств этого.

Образ геокультурного поля рожден иной исследовательской идеологией. Суть ее в том, что отдельные компоненты культуры (в духовной, политической, экономической и социальной сферах), прошедшие феноменологическое осмысление, складываются в систему — культурный архетип, который, в свою очередь, рассматривается как некое

«новое целое» — образ-феномен. В рамках исследовательской идеологии допускается, что этот образ-феномен имеет свои временные рамки — стадии роста или жизненные циклы, «место жительства» — предельно возможную локализацию в географическом пространстве и, главное, проистекающее из представления о его целостности и само-достаточности свойство объективности. Имея своим продуктом культурный архетип и образы культуры, геокультурные поля отличаются друг от друга доминантными признаками, создающими при взаимодействии некую разность энергетических потенциалов — духовное «напряжение». Подобно тому как в естествознании преобладает понимание поля как среды, предшествующей материализации бытия. В пространственно-временных исследованиях образ геокультурного поля — это та среда, в которой происходит возникновение очагов культуры, ядерных основ цивилизаций и цивилизаций как таковых. Образ геокультурного поля по сравнению с образами геокультуры и культуры в целом имеет собственную «архитектурную идею». Ее главная особенность — преобладание малых форм над монументальными конструкциями, мимолетных идей-символов над тяжеловесными культурными идеологемами. Скрипящие сандалии у йеменцев, звук которых отпугивает змей, — основа для многопланового ассоциативного ряда, позволяющего увидеть йеменца-негорожанина в естественной среде обитания, где угроза исходит от каждого камня, куста, затененной пещерки, не говоря уже об угрозе встретить врага из породы *Homo sapiens*, которого скрипучими сандалиями не напугаешь, а понадобится кривой йеменский кинжал-джамбйа — обязательный атрибут национального костюма. Кстати сказать, по количеству огнестрельного оружия на одного человека первое место в мире занимают США, затем следует Финляндия, а потом — Йемен. И поражает, как культурологически по-разному понимается каждой из этих стран их «сверхвооруженность».

А какие ассоциации вызывают «поющие» (скрипучие) полы во дворце Токугавы в Киото? Правитель средневековой Японии жил под страхом быть убитым наемниками, и этот страх был воплощен в архитектурных формах, став частью повседневного быта: скрипучие полы должны были указать, что в доме чужой и не дать никому возможности подкрасться незаметно. Другой пример — османский кривой полукинжал, полумеч — ятаган. Уникальное оружие, у которого колющая поверхность была подобно серпу по внутренней поверхности дуги клинка. Почему? Оказывается, ятаган в отличие от большого меча разрешалось проносить во внутренние покои дворцов как атрибут верхней мужской одежды. Драться им надлежало в ограниченном пространстве комнат и коридоров, поэтому орудовать им предстояло как топором, отсюда и необычная заточка клинка, и демонизация его боевых свойств, сделавшая ятаган символом османской воинственности. За этим стоит огромный пласт османской военной культуры, которая доминировала в Османской империи над культурой гражданской. Геокультурное поле заполняется на первый взгляд малозначительными (элементарными) деталями повседневности — словарно-терминологическая оснащенность жизнедеятельности, этнографические особенности быта, первичные формы политической, экономической и социальной организации жизни, поведенческие и психологические стереотипы, духовные пристрастия и душевные привязанности, привычки и обычаи субэтнического (локального) характера и многое другое. Именно видимый хаос геокультурного поля позволяет перейти к беспристрастной и свободной от догматизма систематизации материала в границах геокультурного пространства с последующим выходом на уровень образов культуры и концептуальных производных более высокого уровня. Такова, на

наш взгляд, методологическая основа теории геокультурных полей, предполагающая переосмысление представлений о локальных культурах и мировой культуре в рамках пространственно-временной парадигмы исследования.

Первый шаг на этом пути — отказ от априорного представления о том, что любая локальная культура есть результат генетической эволюции предшествующих (в нашем понимании) и основа создания грядущих форм культурной жизни. Реконструирование неизвестных нам элементов геокультурных полей с помощью известных образов культуры — недопустимо, ибо ведет к подмене реальности вымыслом, поскольку любые образы культуры — это результат обобщения, тогда как геокультурное поле — первичная среда, «строительный материал» культурологического синтеза, а следовательно, оно обладает свойством самодостаточности.

Второй шаг — признание «универсальности» геокультурного поля, способного формировать огромное множество «уникальных геокультурных моделей». Иными словами, геокультурное поле обладает свойством объективности, тогда как переход к геокультурной модели — субъективный процесс образотворения. В этом контексте определение «уникальный» становится синонимом «случайного» и тем самым обретает ценность лишь как неповторимое, но не универсальное.

Естественный способ «усилить» универсальность и объективность культурного образа — изменить его пространственно-временную парадигму, расширив ее. Дело в том, что образы культуры тяготеют к пространственно-временной автаркии, что создает иллюзию их вселенской универсальности и вечности. Однако стоит только перевести образ культуры в образ геокультуры с присущей ему пространственной определенностью, как видимость универсальности и вечности уступает место свойствам локальности и изменчивости. Все известные в настоящее время мегагеокультурные образы тяготеют к мировым религиям, претендуют на универсальность, но универсальными, очевидно, не являются.

Суть современных межкультурных коммуникаций — поиск и выделение культурных архетипов, адаптация их к пространственным реалиям в рамках концепции геокультурного поля с последующим преобразованием его в геокультурный образ и поиск средств для достижения совместимости этого образа с другими геокультурными образами иных геокультурных полей.

Литература

1. Wallerstein I. *After Liberalism*. New York, 1995.
2. Wallerstein I. *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
3. Бродель Ф. *Грамматика цивилизаций*. 1963.
4. Геттнер А. *География. Ее история, сущность и методы* / Под ред. Н. Баранского. М.; Л., 1930.
5. Замятин Д.Н. *Гуманитарная география: пространство и язык географических образов*. СПб., 2003.
6. Фуше М. *Европейская республика. Исторические и географические контуры*. Эссе. Пер. с фр. В.П. Серебренникова и Т.Н. Серебренниковой. М., 1999.
7. Чешков М.А. *Глобалистика как научное знание: Очерки теории и категориального аппарата*. М., 2005.

УДК 811

А.А. Мокрушина

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ НА ПРИМЕРЕ АРАБСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ*

На сегодняшний день вопросы, касающиеся особенностей межкультурной коммуникации, приобрели чрезвычайную остроту. В основе этой ситуации лежат различные причины, связанные с политическим, экономическим и культурным развитием.

Любой межкультурный диалог подразумевает взаимопонимание партнеров по коммуникации, однако нередко можно наблюдать и примеры несовпадения культурно-языковых архетипов участников коммуникативного процесса, что часто ведет к возникновению конфликтов. Эта проблема затрагивает все стороны жизни, и человек может столкнуться с ней даже в «одностороннем» порядке, например, знакомясь с иностранной литературой, кинематографом и т. д. Именно поэтому следует помнить, что «каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием... представление о мире» [30].

Попытка проникнуть в образ мышления нации, взглянуть на мир глазами представителя определенной культуры возможна лишь через знание языка данной культуры. «В последнее время в выражение “узнать язык” вкладывается особое значение, отличное от традиционного, предполагающего изучение иностранного языка как средства общения, когда человек, овладев определенным набором фонетических, грамматических и лексических навыков, считает себя готовым к коммуникации. Современные исследователи под вышеуказанным выражением предполагают “глубокое проникновение в план языка, в его семантику”, что подразумевает и попытку понять склад мышления нации, взглянуть на мир с их точки зрения» [7].

Тем не менее в действительности человек как представитель той или иной культуры зачастую оказывается под воздействием иллюзорного представления об идеальном восприятии мира, мировоззрении, нормах поведения и т. д., расценивая вариант, предлагаемый родной культурой, как единственно приемлемый. Поэтому, сталкиваясь с иным видением мира, человек оказывается перед выбором — либо принять специфику новой культуры, либо полностью отказаться от нее. Возникает феномен, который исследователи традиционно называют *культурным барьером*.

О существовании тесной взаимосвязи между набором лексики определенного языка с жизнью общества в целом и отдельного индивида в частности исследователи говорят давно. Однако не все разделяют данную точку зрения (например, С. Пинкер), полагая, что сознание человека находится под сильным влиянием теории Сепира-Уорфа [27].

*Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© А. А. Мокрушина, 2009

Тем не менее данное мнение зачастую не выдерживает критики. Так, С. Пинкер, автор работы «Языковой инстинкт», игнорирует многочисленные примеры наличия тесной взаимосвязи между языком и образом мышления носителя данного языка [14].

Вопрос влияния, оказываемого родным языком на восприятие мира человеком, также получил отражение в работах А. Вежбицкой, которая приводит различные примеры сопоставления схожих на первый взгляд концептов, существующих в различных языках. Так, например, сравнение понятий «друг» в русском и «friend» в английском языках, связанное с изучением семантических полей данных понятий, позволяет увидеть, что слово *друг* включает в себя качественно иные смыслы, нежели английское *friend*. Основной вывод, который делает исследовательница, заключается в следующем: язык и культура так прочно взаимосвязаны, что не могут изучаться в отрыве друг от друга.

Родной язык, сквозь систему которого человек воспринимает окружающий мир, оказывается способным трансформировать действительность в сознании индивида. Исследователи многократно подчеркивали эту особенность, предлагая, например, сравнить порядок слов в различных языках и соотнести полученные данные с моделью мира, существующей у носителей различных языков. «Анализируя специфику русской структуры предложения, а именно отсутствие жесткого порядка расположения слов, можно предположить, что на психологическом уровне это сформирует следующую специфику осмысления мира: укоренение в бессознательном слое мира как образования без четко проработанной и всеобъемлющей структуры. Это мир, в котором может случиться все...» [24]. В то же время, те языки, в которых порядок слов подчинен более строгим правилам, предполагают существование качественно иной картины мира.

В настоящей статье будет рассмотрен ряд концептов¹, значимых в рамках арабской и русской культур. Через разбор и анализ некоторых из них будет предпринята попытка выявить сходные и специфические черты данных культур [8, 10].

Лексика любого языка условно может быть разделена на три части. К первой из них относятся те слова, которые существуют во всех естественных языках. Вторая включает слова, примерные аналоги которых существуют в большинстве языков. Например: *стол* — مكتب [maktab^{um}]; *хлеб* — خبز [hubz^{um}] и т. д.² Третья группа включает в себя специфическую для данной культуры лексику. Например, для носителя русского языка к разряду такой лексики могут быть отнесены слова *калач*, *бублик*, а для представителя арабской культуры — بلح [balah^{um}] (*свежий финик*), تمر [tamr^{um}] (*сухой финик*), رطب [rutab^{um}] (*свежий, спелый финик*) [23].

В качестве примера подобной специфической лексики в русском языке можно рассматривать слово *уют*. Словарь В. Даля предлагает следующее определение понятия: «Уют — приют, укромность, поместительность и удобство; тепло в покоях, подручность всего нужного, комфорт...» [17]. Словарь синонимов дает вариант: «Уютный — уютный (уст.)» [29]. Предлагаемый словарем В.М. Борисова перевод данного понятия на арабский язык — راحة المسكن [raḥat^{un} 'l-maskanⁱⁿ] или راحة منزلية [raḥat^{un} manziliyyat^{un}] является малоупотребительным и не в полной мере передает суть понятия. Носитель русского языка понимает под словами *уют*, *уютный* нечто более широкое, чем может быть передано словом *комфорт*. Комфорт есть совокупность внешних характеристик — удобство, современность и т. д. Так, например, носитель русского языка может назвать квартиру *комфортной*, не имея в виду, что это *уютная квартира*. Слово *уютный* включает в себя оценку говорящего, его внутреннее отношение к тому, о чем он говорит. *Уютная квартира* в понимании носителя русского языка может не быть *комфортной*,

но в ней приятно находиться. Одной из основных характеристик *уют* можно считать отгороженность от опасного внешнего мира и его связь с чем-то родным. А.Д. Шмелев пишет по этому поводу: «Любопытно сопоставление слова *уют* с его аналогами в некоторых европейских языках. На французский язык слова *уют* и *уютный* вряд ли переводимы, а в английском языке есть близкое по смыслу к русскому *уютный*, но не очень употребительное прилагательное *cozy*...» [31].

Несмотря на то, что в научных работах нередко упоминается такое понятие, как «*общечеловеческий опыт*», которое отчасти включает в себя способность к переживанию сходных эмоций представителями различных культур (*злость, радость, любовь* и т. д.), как показывают результаты исследования, для носителя каждого языка понятия, означающие данные эмоции, могут нести специфические оттенки значения, что, как правило, получает свое отражение и в языке. Так, например, в арабском языке для обозначения *печали* можно найти несколько вариантов — *حزن* [*huzn^{um}*] (*печаль*) и *شجن* [*šaġan^{um}*] (*сильная печаль*) и т. д.³

Именно ввиду двоякой природы эмоций, — с одной стороны, общих для всех народов, с другой — обладающих специфичными чертами внутри отдельно взятой культуры, — необходимой представляется экспликация и анализ эмоциональных концептов, а также попытка понять через них особенности национального характера того или иного народа.

Концептуализация и понятие концепта

Понятие концепта является одним из основополагающих в лингвокультурологии. *Концептуализацией* называется один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в переработке поступающей к нему информации с последующим конструированием определенных представлений об окружающем мире, т. е. направленный на формирование концептов, таких как *концепт времени, пространства, движения* и т. д. Определенная часть концептов закрепляется в виде конкретных значений, что позволяет хранить и передавать их из поколения в поколение.

На следующем уровне сознание человека производит упорядочивание концептов, формирующихся в концептуальную систему [18]. Так, Р.И. Павиленис рассматривает ее как систему мнений и знаний о мире, отражающую познавательный опыт человека [26].

Понятие «*концепт*» было заимствовано лингвистами из математической логики, а его прообразом следует считать учение Платона об идеях. Под концептом, как правило, подразумеваются понятия общего порядка, являющиеся ценными в рамках не только определенной культуры, но и человеческой культуры в целом. Так, в качестве примера можно назвать концепты «*справедливость*», «*надежда*», «*вера*», «*ненависть*», «*беззаконие*» и т. д. Характерной чертой концепта является содержание эмоциональной компоненты.

При этом концепт не всегда должен иметь вербализованную форму. «Концепт, таким образом, не обязательно вербален. Более того, он может эксплицироваться “предметными действиями”» [20].

Е.С. Кубрякова так описывает это понятие: «Концепт — оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга

(lingua mentalis), всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [21]. А.П. Бабушкин дает следующее определение: «Концепт — дискретная содержательная единица коллективного сознания или идеального мира, хранимая в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном мире» [11]. Таким образом, концепты, сводя все разнообразие явлений, наблюдаемых человеком, в единую концептуальную систему, позволяют хранить знания о мире.

С.Г. Воркачев выделяет три основных подхода в лингвистическом понимании концепта. Согласно первой точке зрения в число концептов включены те лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания; они формируют наивную картину мира носителя языка.

В более узком понимании к числу концептов относятся семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой, характеризующие носителей определенной этнокультуры. В соответствии с третьим подходом к числу концептов следует относить лишь семантические образования, количество которых ограничено и которые являются *ключевыми словами* для понимания национального характера [16].

Термин «концепт» соотносится по своему значению с русским словом *понятие*, однако не является полностью тождественным ему, так как *понятие* имеет более широкую сферу употребления как в разговорном, так и в профессиональном языках.

По поводу важного для лингвистики вопроса о статусе концептов и понятий в рамках различных культур существует две основные точки зрения. Согласно первой из них, концепты являются тождественными во всех языках, несмотря на то, что они могут быть представлены в различных формах. Согласно второму мнению, «концепты в различных языках и культурах обычно не совпадают, поскольку разные языки по-разному отражают действительность, берут в основу формулируемого понятия различные его стороны. Иначе говоря, в каждом языке понятия специфичны» [20].

Таким образом, концепты характеризуются как конструкторы представлений, знаний человека о себе самом, об окружающем мире, т. е. являются ментальными образованиями, которые имеют некий единый смысл.

В рамках данной статьи следует особенно выделить определение *концепта*, предлагаемое А. Вежбицкой [15], которая рассматривает его как объект, имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире. Что касается реальной действительности, то она, по мнению исследовательницы, дана человеку в мышлении — через родной язык.

Занимаясь изучением картины мира, присущей тому или иному народу, следует различать общекультурные концепты, свойственные данной культуре в целом, и концепты, формирующиеся в сознании отдельного человека. Последующий анализ концептов как ключевых понятий культуры позволяет исследователю понять нюансы картины мира изучаемого народа⁴. Наглядным в этой связи является определение концепта, предложенное Н.А. Красавским: «Концепт есть некая идея, фрагмент общей человеческой культуры, живущий в сознании как целых народов, отдельных этносов, так и отдельных социальных групп и, более того, конкретных индивидуумов... Сопоставительный анализ концептосфер разных культур позволяет уже сегодня со всей очевидностью увидеть особенности национально-специфического сознания человека, зафиксировать в частности и в особенности отраженные на вербальном уровне отличия и сходства мыслительной деятельности того или иного народа, специфику его ментального мира, национального характера» [20].

Экспликация эмоциональных концептов

Обращение к эмоциональным концептам в качестве материала для исследования и сопоставления объясняется тем, что любое понятие, обозначающее эмоцию, в лингвистике традиционно считается сложным (или невозможным) для экспликации. Теория семантических примитивов дает возможность эксплицировать значения эмоциональных концептов, которые принято считать универсальными для всех культур.

В частности, А. Вежицкая говорит о необходимости тщательного изучения культурных концептов с целью понимания через них свойств национального характера того или иного народа. По словам исследовательницы, сведения об этническом характере есть результат анализа, но не исходная предпосылка.

Системы видения мира носителями различных языков следует сопоставлять, используя для передачи национально-специфических концептов язык семантических примитивов. Следовательно, не только мысли могут формироваться в рамках определенного языка, но и чувства человека также заключены в рамки одного языкового сознания.

Практически любая деятельность человека связана с эмоциональными переживаниями, поэтому эмотивность является неотъемлемой частью жизни человека. Базовые эмоции универсальны, благодаря чему оказывается возможным существование типовых эмоционально значимых ситуаций межкультурного и внутрикультурного общения.

Эмоции, которые составляют базу человеческой деятельности, не могли не получить своего отражения в языке. «Таким образом, человек и его эмоции являются частью самой объективной действительности, т. е. отражаемыми объектами реальной картины мира: человек как активный отражающий субъект, язык как средство отражения эмоций человека, как одна из форм отражения объективной действительности. В этом и заключается специфика эмоций человека: они и объект отражения в языке, и инструмент отражения самих себя и других объектов действительности» [22].

А. Вежицкая настаивает на том, что эмоциональные концепты (например, *тоска* в русском языке или *حزن* [*huzn*^{um}] в арабском) могут быть истолкованы через использование ряда семантических примитивов [3]. Так, «язык семантических примитивов позволяет строго и эксплицитно описать все пространство значений во всех языках» [15].

Под термином «эмоциональный концепт» Н.А. Красавский предлагает понимать следующее: «Эмоциональный концепт мы трактуем как этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия, образ, оценку и культурную ценность, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [20].

Использование специального семантического метаязыка в процессе описания всех оттенков значений того или иного понятия освобождает процесс экспликации от влияния родного языка.

А. Вежицкая пишет: «Необходимость экспликации эмоциональных концептов уже неоднократно подчеркивалась психологами... но сейчас сбитые с толку читатели задаются вопросом: для чего это нужно? Отвечая им, позвольте мне еще раз коротко сформулировать основные моменты:

1. Эмоции играют решающую роль как в жизни человека, так и в его поступках. Поэтому изучение эмоций является важной частью психологии...

2. Эмоции необычайно трудно исследовать (настолько трудно, что вплоть до недавнего времени это считалось невозможным).

3. Традиционные теории, касающиеся изучения эмоций (теория Джонсона-Лэрда и Оатли; 1992), содержат богатый материал о структуре эмоций и природе человеческой эмоциональности...

4. Исследователи надеются изучить эмоции, опираясь на огромное количество эмоциональных концептов, предлагаемых им их родным языком. Это неизбежно и необязательно неверно: в том случае, если они отдают себе в этом отчет и не вводят себя в заблуждение, полагая, что, говоря, например, о злости, радости или раздражении, они имеют в виду некие биологически определяемые универсальные человеческие ощущения, а также если они понимают, что рассматривают человеческий эмоциональный опыт сквозь призму собственного языка...

5. Изучая эмоциональные концепты английского языка, мы можем подготовить базу для сопоставительного межкультурного исследования, что является важнейшей задачей для понимания человеческих культур» [5].

Тем не менее вопрос о возможности экспликации эмоциональных концептов вызывал и вызывает сомнения у ряда исследователей, которые полагают, что объяснить их с использованием традиционного инструментария — невыполнимая задача [32].

Например, невозможно передать смысл слова *печаль* тому, кто никогда не испытывал подобного чувства, т. е. не имеет личного субъективного опыта по отношению к этой эмоции, так же как нельзя объяснить слепому человеку, что такое *синий* или *красный* цвет. В подобных случаях на помощь исследователю приходят либо так называемые слова-прототипы, благодаря которым происходит отсылка к какой-либо сущности, о которой у слушающего имеется представление (например, соотношение *красного* цвета с цветом *крови*), либо модулируются возможные условия возникновения ситуации (например, связанной со словом *печаль*).

Учитывая логичность подобного объяснения, некоторые ученые продолжают настаивать на том, что метод, предложенный А. Вежбицкой, является разумным решением данной проблемы.

Чтобы понять, каким образом происходит «кодификация» эмоциональных концептов сообразно представлениям А. Вежбицкой, следует рассмотреть пример экспликации некоторых понятий. Такие слова, как *счастливый* и *радостный* (سعيد [sa'īd^{um}] و فرح [fariḥ^{um}]), сопоставимы между собой в большей степени, чем со словами *несчастный* или *печальный* (شقي [šaqīyū^{um}] حزين [ḥazīn^{um}]). Так, первая группа слов объединяет «хорошие» чувства, а вторая — «плохие».

Следующий этап требует возвращения к неопределяемым элементам (семантическим примитивам), которые являются интуитивно понятными носителю любого языка. Таким образом, эмоциональные концепты, включая базовые («гнев», «печаль» и т. д.), могут быть истолкованы в терминах универсальных семантических примитивов, таких как «хороший», «плохой», «делать», «знать», «хотеть» и т. д. [5].

Оперируя имеющимся в распоряжении запасом средств, исследователь может эксплицировать различные понятия, стремясь учесть все возможные варианты употребления лексемы и выверяя соответствие толкований этим словоупотреблениям. В случае пересечения значений у различных слов необходимо вывести такие толкования,

которые также частично совпадали бы и освещали как сходства, так и различия между лексемами.

Используя метод А. Вежбицкой [15], произведем экспликацию пары лексем, считающихся синонимичными, из русского и арабского языков: *радостный* — *довольный* и فرح [fariḥ^{um}] — مسرور [masrūr^{um}]/ راض [rādⁱⁿ].

А. X *радостный* или فرح [fariḥ^{um}].

X чувствует что-то;

иногда человек думает примерно так:

со мной произошло нечто хорошее,

я этого хотел,

я не думал, что это произойдет, но это произошло;

поэтому этот человек чувствует нечто хорошее;

X чувствует что-то похожее.

Б. X *довольный* или مسرور [masrūr^{um}]/ راض [rādⁱⁿ].

X чувствует что-то;

иногда человек думает примерно так:

со мной произошло нечто хорошее,

я этого хотел,

я делал так, чтобы это произошло,

поэтому этот человек чувствует нечто хорошее;

X чувствует что-то похожее.

В экспликации лексемы *радостный* была использована фраза «я не думал, что это произойдет, но это произошло». При экспликации слова *довольный* присутствует другая фраза — «я делал так, чтобы это произошло».

Можно представить ситуацию, когда человек рад результату своих усилий, и в таком случае уместно было бы описание «я делал так, чтобы это произошло». Однако подобная ситуация отражает лишь часть возможных употреблений данной лексемы, а значит, не может считаться универсальной. Именно поэтому носитель русского языка скорее скажет «Я рад, что ты здесь» вместо «Я доволен, что ты здесь». Таким образом, для экспликации слова *радостный* на первый план выходит сомнение в том, что данное событие могло произойти, в то время как в толковании лексемы *довольный* важнее оказывается то, что для осуществления чего-либо были приложены усилия.

Несмотря на то, что значение этих пар слов очень близко, существует оттенок смысла, который не является очевидным, но зависит от контекстного употребления. Для носителя русского языка естественно будет звучать вопрос «Ты доволен?», например, в ситуации, когда хозяин спрашивает гостя о его настроении. Вопрос «Ты рад?» в подобных условиях будет неуместен. Аналогичная ситуация наблюдается и с употреблением слов в арабском языке: هل أنت مسرور؟ [hal 'anta masrūr^{um}] — подобный вопрос может быть задан хозяином дома гостю.

При этом значение данных лексем в ряде контекстов может полностью совпадать. Например, вопрос «Ты рад, что сдал экзамен?» звучит так же естественно, как «Ты доволен, что сдал экзамен?». Следует отметить, что в сознании носителя русского языка *радость* носит более яркий характер, т. е. выражается, как правило, более оживленно и явно, нежели *довольство*, *удовлетворение*.

Словарь синонимов русского языка предлагает следующее определение: «*Радостный* — ликующий, торжествующий, лучезарный, светлый, солнечный... сияющий...»; «*довольный* — удовлетворенный, убогатворенный» [29]. Таким образом, *радость* соотносится с ликованием, торжеством, а *удовлетворение* связывается с внутренним спокойствием, тихой радостью. «Этот подход к изучению семантики понятий, означающих эмоции, позволяет находить нюансы значений между близкими эмоциями (радостный, счастливый, довольный и т. д.)» [1].

А. Зализняк проводит сопоставление лексемы *радость* с лексемой *удовольствие*, отмечая, что для русской языковой картины мира свойственно противопоставление *высокого* и *низкого*. В состоянии подобной аксиологической поляризации в рамках русского языка существует достаточно большой объем понятий, таких как, например, *истина* — *правда*; *добро* — *благо* и т. д. «Другими словами, аксиологическая поляризация внутри пары *радость* — *удовольствие* обусловлена тем, что радость связывается со способностями души или духа, а удовольствие является атрибутом тела или плоти... Таким образом, удовольствие, будучи само по себе по меньшей мере аксиологически нейтральным, в русской языковой картине мира «сдвигается» в область отрицательной оценки: человек, одолеваемый жаждой удовольствий и проводящий жизнь в погоне за удовольствиями, представляется жалким, бездуховным существом» [19].

Таким образом, процедура смыслового подхода, предложенная А. Вежибицкой, позволяет решить целый ряд вопросов, связанных с описанием всего пространства значения лексемы, определением границ, существующих между синонимами, а также выявлением тех средств, оперируя которыми, исследователь получает возможность проводить сопоставительный анализ эмоциональных концептов в различных языках.

Концепт «жалость» в русском и арабском языках

Эмоциональные концепты подвержены различного рода изменениям вследствие как социально-экономических трансформаций, так и процессов, происходящих внутри языка.

Само развитие эмоции условно можно рассматривать в рамках нескольких уровней:

1. Первопричина эмоции — физическое восприятие или ментальное созерцание некоторого положения вещей.
2. Непосредственная причина — интеллектуальная оценка этого положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного либо нежелательного.
3. Собственно эмоция, или состояние души, обусловленное положением вещей, которое человек воспринял или созерцал, и его интеллектуальной оценкой этого положения вещей.
4. Обусловленное той или иной интеллектуальной оценкой или собственно эмоцией желание продлить или пресечь существование причины, которая вызывает эмоцию.
5. Внешнее проявление эмоции [9].

Некоторые исследователи (например, Э. Нойманн, Ф. Риман и др.) полагают, что первичными эмоциями человека были страх, гнев и радость. Следующими в процессе развития появились сострадание и чувство вины [20]. Опираясь на это разграничение, были введены понятия базисных (первичных) и вторичных эмоций, количество кото-

рых, равно как и вопрос о том, какие именно эмоции могут быть включены в ту или иную группу, неоднократно обсуждался. Следует отметить, что вторичные эмоции рассматриваются как производные от базовых, т. е. образованные в результате смешения первичных эмоций.

Теорию о существовании базовых эмоций исследователи подкрепляют целым рядом доводов, прежде всего отмечая, что не существует ни одной известной культуры, представителям которой несвойственны были бы основные эмоции.

При этом в рамках конкретной культуры может не существовать специального названия для обозначения той или иной эмоции, что, однако, не означает, что представители данной культуры не способны ее испытывать [14].

Чувства страха, гнева, удовлетворения могут испытывать не только люди, но и животные, что также доказывает врожденность этих эмоций. Кроме того, все базовые эмоции оказывают сильное влияние и на физическое состояние человека. Например, человек, испытывая страх, бледнеет, а в гневе — краснеет [28].

Перед исследователями вставал вопрос: способны ли названия эмоций каким-либо образом влиять на сам процесс создания эмоций?

Согласно мнению А. Вежбицкой, теория социального конструктивизма во многом справедлива, «и такие понятия, как *harry* в английском, *тоска* в русском, *song* в ифалук, *атае* в японском, действительно содержат определенные “сценарии”, на основе которых носитель языка может интерпретировать чувства и моделировать свои эмоции и отношения с другими людьми. Именно поэтому такие понятия дают бесценный ключ к пониманию культур и обществ. Но для того, чтобы их использовать в качестве такого ключа, их следует сначала строго проанализировать и точно понять» [15].

К. Эбелинг писал: «Если понятие адекватно истолковано, можно сказать, что это является наглядным доказательством его релевантности» [2].

Далее будет рассмотрен пример использования теории семантических примитивов для описания эмоционального концепта «жалость» с целью анализа всего спектра его значений внутри русского языка, а также его сопоставления с аналогичным понятием, представленным в арабском языке.

Данное понятие следует рассматривать как ключевое слово, так как оно является значимым в рамках русской культуры. «Ключевые слова — это слова особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [14].

Такие понятия, как *душа*, *судьба* или *тоска*, гораздо более значимы для русской культуры, чем для любой другой. Прийти к подобному заключению позволяет анализ частотности их употребления как в художественной литературе, так и в разговорной речи, а также сопоставление данных понятий с аналогичными, существующими в других языках. Так, например, в английских переводах русских романов понятие *душа* иногда переводится как *soul*. Тем не менее в большинстве случаев его замещают слова *heart* (сердце) и *mind* (сознание), что указывает на более широкое смысловое значение понятия [6].

Понятие «жалость» весьма неоднозначно и способно выражать противоречащие друг другу значения. «Жалость — 1. Сострадание, соболезнование... 2. Печаль, сожаление...» [25]. *Жалость* вызывает *жалкий* человек, т. е. «достойный жалости, сожаления, участия; возбуждающий чувство жалости, сострадания, соболезнования; склоняющий к грусти, печали...» и в то же время «ничтожный, презрительный, упавший, плохой» [17]. В этом смысле данное понятие связывается с состраданием, сочувствием или ду-

шевной болью, вызываемой зрелищем чужого страдания. Его экспликация может быть представлена в следующей схеме:⁵

Жалость (1)

X чувствует что-то;
иногда человек думает примерно так:
с кем-то произошло нечто плохое,
я не хотел, чтобы это произошло,
я хотел бы (хочу) сделать что-то хорошее этому человеку,
поэтому этот человек чувствует нечто;
X чувствует что-то похожее.

В данном употреблении слово имеет положительную смысловую окраску — жалость воспринимается в этом контексте не как снисходительность к кому-либо, а как одна из базовых эмоций (согласно некоторым спискам) — способность к сопереживанию.

В качестве примера для русского языка можно рассматривать выражение *испытывать жалость к самому себе*, когда имеет место ситуация, в которой говорящий выступает одновременно и объектом, и субъектом действия. В данном контексте говорящий употребляет слово *жалость* в «положительном» смысле: *я испытываю жалость к себе, я жалею себя, т. е. я сочувствую себе*.

Тем не менее это же понятие может иметь негативную окраску. Схема экспликации в этом случае изменится.

Жалость (2)

X чувствует что-то;
иногда человек думает примерно так:
с кем-то произошло нечто плохое,
я не хотел, чтобы это произошло,
мне лучше, чем этому человеку (= я лучше, чем этот человек),
поэтому этот человек чувствует нечто;
X чувствует что-то похожее.

Таким образом, *жалость (1)* и *жалость (2)* оказываются понятиями с различной смысловой окраской. С употреблением слова *жалость (1)* говорящий воспринимает того, к кому испытывает это чувство, равным себе, в то время как *жалость (2)* подразумевает, что говорящий ставит себя выше (мне *лучше*, чем этому человеку, значит, я *лучше*, чем этот человек)⁶.

Помимо существительного *жалость*, аналогичное значение может передаваться глаголом *жалеть* либо формами *жалко*, *жаль*. «При этом предикативы *жалко* и *жаль* обозначают актуальное чувство, а глагол *жалеть* — установку» [19].

Глагол *жалеть* способен управлять винительным либо родительным падежом, что также влияет на смысл высказывания. В качестве примера можно рассмотреть два предложения: *Мне жалко собаку* и *Мне жалко собаки*. В первом случае говорящий описывает само чувство жалости, вторая ситуация — сожаление о том, что было и чего нет в настоящий момент⁷.

В обоих контекстах субъектом выступает живое существо, если же заменить его не-

одушевленным предметом, соотношение сохранится, но приобретет метафорическую форму. Например: *Мне жалко чашку* и *Мне жалко чашки*. В первом случае происходит описание чувства жалости, а во втором — сожаления. Однако в отношении неодушевленного предмета эти значения могут пересекаться и практически совпадают — оба предложения отражают сожаление об утрате предметом особых функций [19].

Следует отметить, что в ряде случаев предикаты *жаль* и *жалко* несут значение сожаления. Например: *Мне жаль, что ты с ним не встретился* и *Я сожалею, что ты с ним не встретился* (т. е. я хотел бы, чтобы произошло нечто (встреча), но этого не случилось). С точки зрения носителя языка, первая фраза более естественна, в то время как вторая скорее свойственна книжной речи.

Наряду с понятием «жалость» было рассмотрено еще одно — «сожаление». Понятие «сожаление» можно рассматривать как производное от концепта «жалость», т. е. «восстанавливается следующий путь семантической деривации от “жалости” к “сожалению”: от прототипической “жалости” как сострадания чужому горю или боли к “жалости-сожалению” как собственному страданию от утраты кого-либо или чего-либо дорогого (сожаление об умершем; о пропавших письмах и т. п.), далее — “сожалеть” — уже не страдание, а просто грусть о безвозвратно утраченном прекрасном» [19].

Понятие «сожаление» так же многозначно, как и «жалость». С одной стороны, можно сожалеть о совершенной ошибке. Например, в контексте предложения *Я сожалею, что сделал это* говорящий подразумевает, что, если бы это было в его силах, он не повторил бы сделанного. С другой стороны, в предложении *Я сожалею об ушедшей юности* смысл иной — говорящий высказывает сожаление о том, что прошло и чего уже не вернуть.

Таким образом, значение рассмотренных понятий во многом зависит от синтаксических конструкций. Например, в предложении *Мне жаль собаку* описана жалость к животному, а во фразе с инфинитивной конструкцией *Мне жаль уезжать* подчеркивается сожаление о чем-то неизбежном.

Ниже приводится схема употребления лексем *сожалеть*, *жалеть*, *пожалеть*, *жалко*, *жаль* и *раскаиваться*⁸, предложенная А. Зализняк [19]:

	(о том) что + предложение	о + сущ. в предлож. п.	Инф.	Сущ. в род. п.	Сущ. в вин. п.
<i>Сожалеть</i>	Я сожалею, что отказался	Сожалею о своем отказе	—	—	—
<i>Жалеть, Пожалеть</i>	Я жалею / пожалел, что отказался	Впоследствии он жалел / пожалел о своем решении	Пожалела выбрасывать коробку / Она всегда жалеет выбрасывать коробки	Жалеет / пожалел денег на такси	Жалеет собак / Пожалел собаку
<i>Жалко</i>	Жалко, что ты вчера не пришел	—	Жалко отсюда уезжать	Жалко времени	Жалко собаку
<i>Жаль</i>	Жаль, что вас не было с нами	—	Жаль отсюда уезжать	Жаль потраченного времени	Жаль собаку
<i>Раскаиваться</i>	Согласился, а теперь в этом раскаиваюсь	Раскаиваюсь, что согласился / раскаиваюсь в своем поступке	—	—	—

Следует рассмотреть понятия с аналогичным значением, существующие в системе арабского языка.

Словарь предлагает для понятия *жалость* несколько арабских эквивалентов: حنان [ḥanān^{um}] رافة [ra'fat^{um}] شفقة [šafaqat^{um}] [13], а для глагола *жалеть* помимо однокоренных حن [ḥanna] راف [ra'afa] أشفق [ašfaqa] также формы رثى [ratā] رحم [raḥima] [19].

Так же как и в русском языке, каждое из этих понятий несет свой смысловой оттенок. Например, для слова شفقة [šafaqat^{um}] арабско-русский словарь предлагает следующие варианты перевода: «жалость», «сострадание» и «снисхождение» [12].

Следует рассмотреть данную лексему внутри некоторых контекстов. Например: هذه المرأة مملوءة بالرحمة والشفقة [hādīhi 'l-mar'at^u tamli'at^{um} bir-raḥmatⁱ waš-šafaqatⁱ] (досл. *Эта женщина наполнена состраданием и сочувствием*) وأشفق عليه [ašfaqa 'alayhⁱ] (Он пожалел его / Он посочувствовал ему). Из приведенных примеров видно, что значение понятия شفقة [šafaqat^{um}] если не полностью совпадает, то близко по смыслу понятию «сочувствие» в русском языке, которое в зависимости от употребления может включать в себя один из оттенков понятия *жалость* (2), рассмотренных ранее. Если в первом примере этот нюанс значения присутствует незначительно либо отсутствует полностью, то в контексте второго предложения можно допустить ситуацию, в которой говорящий сочувствует кому-либо с долей снисхождения.

Арабский толковый словарь в качестве синонима лексеме رافة [ra'fat^{um}] предлагает слово رحمة [raḥmat^{um}] [33], которое чаще используется в значении *милосердие*. Например: رحمة الله [raḥmat^u l-lāhⁱ] (*милосердие Божье*). Данное понятие также следует рассматривать внутри контекста. Например: إن قلبه رؤوف [inna qalbah^u ra'ūf^{um}] (досл. *Поистине у него жалостливое сердце* или *Он милосерден*) وأف به [ra'afa bihⁱ] (*Он пожалел его* или *Он проявил к нему милосердие*).

Анализируя значение слова, предлагаемого словарем, а также обращаясь к его контекстному употреблению, можно заключить, что лексема رافة [ra'fat^{um}] оказывается ближе по значению слову *жалость* (1), которое также несет оттенок сострадания, сочувствия чужому несчастью — милосердия.

Основное значение лексемы رثى [ratā] означает *оплакивать усопшего* [33]. Тем не менее ее второе значение может быть передано глаголом *жалеть*. Например: رثى حاله [ratā ḥālāh^u] (*Он пожалел его*). При этом оно несет оттенок безысходности.

Глагол حن [ḥanna] и производное от него существительное حنان [ḥanān^{um}], которые словарь также предлагает в качестве возможных эквивалентов понятиям «жалеть» и «жалость», оказываются в большей степени связаны со значением *испытывать нежность* либо *привязанность*. Например: حنان الام [ḥanān^u l-'ummⁱ] (*нежность = жалость, сочувствие матери*). Однако в предложении حن الى الوطن [ḥanna 'ilā l-waṭanⁱ] слово приобретает иной оттенок со значением *ностальгия по родине*.

Арабский толковый словарь также предлагает для передачи значения понятия «жалость» слово عطف [aṭf^{um}], в качестве синонимов которому могут выступать شفقة [šafaqat^{um}] и حنان [ḥanān^{um}] [33]. Смысловой оттенок этого понятия близок понятию «жалость №» в русском языке.

Понятие «сожаление» со значением «я бы не хотел, чтобы это произошло, но это произошло» будет передаваться на арабский язык лексемой أسف [aṣaf^{um}] и производными от нее формами.

Приведенные выше примеры подтверждают возможность использования единого семантического метаязыка с целью решения ряда задач. Выбор эмоциональных концеп-

тов в качестве материала для исследования и сопоставления был сделан не случайно и объясняется тем, что любое понятие, обозначающее эмоцию, в лингвистике традиционно считается сложным для экспликации. Используя теорию семантических примитивов, мы попытались эксплицировать значения эмоциональных концептов, которые принято считать универсальными для всех культур. Применение метода, предложенного А. Вежбицкой, позволяет наглядно убедиться не только в том, что эмоциональные концепты могут иметь свои оттенки значений в различных культурах, но и дает возможность оценить семантические особенности эмоциональных концептов внутри одной культуры.

Примечания

¹ Понятие «концепт» будет подробно рассмотрено ниже.

² Можно предположить, что существуют культуры, не знакомые с данными реалиями, а следовательно, не имеющие их языкового воплощения.

³ Помимо этих слов могут быть использованы также слова *ترح* [*tarah*^{um}], *غصة* [*gussa*^{um}], *غم* [*gam*^{um}]. Однако они в большей мере являются синонимичными.

⁴ См. также: *Михайлова Е.В.* Художественный дискурс в аспекте концептов «душа», «тоска» и «судьба» // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития. Минск, 2006.

⁵ Экспликацию приведенных ниже понятий мы производим самостоятельно, опираясь на метод, предложенный А. Вежбицкой.

⁶ В определенном контекстном употреблении понятие «жалость» может включать в себя не только значение снисхождения к кому-либо, но даже презрения. Ср. *Мне жаль тебя* и *Ты жалок*.

⁷ Возможна ситуация, в которой, например, второе предложение служило бы описанием собственных ощущений говорящего.

⁸ Понятие «раскаяние» не было рассмотрено подробно. Здесь оно приводится с целью сохранения структуры таблицы.

Литература

1. *Goddard C.* Bad arguments against semantic primitives // *Theoretical linguistics*. Vol. 24. N 1. Berlin; New York, 1998. P. 129–156.
2. *Ebeling C.L.* *Syntax and Semantics. A taxonomic Approach*. Leiden, 1978.
3. *Wierzbicka A.* *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Languages*. Sydney, 1980.
4. *Wierzbicka A.* Conceptual primes in human languages and their analogues in animal communication and cognition // *Language Science*. 2004. Vol. 26. P. 413–441.
5. *Wierzbicka A.* Defining Emotional concepts // *Cognitive science*. 1992. Vol. 15. N 3. P. 539–581.
6. *Wierzbicka A.* *Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford, 1992.
7. *Аксенова Г.Н., Кожухова Н.Е., Шарана А.А.* Понятия «язык» и «культура», их соотношение в современной лингвокультурологии (тезисы) // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития. Минск, 2006. С. 48–49.
8. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Санников А.В., Урысон Е.В.* Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
9. *Апресян Ю.Д.* Недавние американские исследования в области эмоций и эмоциональной лексики // *Семиотика и информатика*. Вып. 34. М., 1995. С. 52–53.
10. *Арутюнова Н.Д.* *Аспекты семантических исследований*. М., 1980.

11. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе русского языка. Воронеж, 1996.
12. *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М., 1976.
13. *Борисов В. М.* Русско-арабский словарь. М., 1967.
14. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
15. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
16. *Воркачев С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: Опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.
17. *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 5 т. Т. 4. М., 1980.
18. *Зайнуллина Л.М.* Лингвистические аспекты исследования адъективной лексики в разноструктурных языках: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
19. *Зализняк А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
20. *Красавский Н.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., 2008.
21. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
22. *Кучменова Ж.М.* Эмоциональные концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балканского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2005.
23. *Майзель С.С.* Пути развития корневого фонда семитских языков / Под ред. А.Ю.Милитарева. М., 1983.
24. *Мельникова А.* Язык и национальный характер. СПб., 2003.
25. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1978.
26. *Павиленис Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
27. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М., 2004.
28. *Серов Н. В.* Цвет культуры. СПб., 2004.
29. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.Н. Комаровой. М., 1975.
30. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.
31. *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира. М., 2002.
32. *مصطفى لطفي. معهد الانماء العربي. الدراسات الانسانية. اللغة العربية في اطارها الاجتماعي، ص. 26.*
33. *علي بن هادية، بلحسن البليش. القامرس الجديد للطلاب. تونس-الجزائر. 1985.*

УДК 821.581

А.Г. Сторожук

СЛОВО И ЦИФРА: ЗНАКОВАЯ СТРУКТУРА УСТАВНЫХ СТИХОВ*

Одним из наиболее показательных примеров проявления нумерологической семиотики в культуре Китая является принцип написания так называемых «стихов современной формы» (кит. *цзинь ти ши*, 今體詩). Стихи эти получают широкое распространение в эпоху Тан (唐, 618–07) и в отличие от «стихов древней формы» (кит. *гу ти ши*, 古體詩) имеют предельно четкую и детально регламентированную структуру, касающуюся как количества иероглифов в строке, так и числа строк, и, что самое важное, подбора иероглифов в соответствии со строго определенной последовательностью тонов [4. С. 11]. Последнее обстоятельство становится со временем одной из неперменных составляющих поэтического мастерства, и владение правилами чередования тонов в стихотворной строке, равно как и методами отступления от нормы — так называемой «компенсации» (кит. *аоцзю*, 拗救), ложится в основу не только литературных упражнений в среде любителей изящного слога, но и подготовки к государственным экзаменам: при Тан произведения в жанре *ши* входят в обязательную программу чиновничьих испытаний [1. С. 4. Подробнее о «компенсации» на русском языке см.: 4. С. 14; 1. С. 60; на китайском: 10. С. 69–82].

Существенным представляется также и само время становления этой новой поэтической формы. Исследователи практически единодушно признают, что в эпоху Тан, особенно в самом ее начале, происходит попытка сознательного или несознательного возрождения многих традиционных китайских символов в самых различных сферах духовной жизни. Легенда говорит, что именно раннетанский каллиграф Оуян Сюнь (歐陽詢, 557–641) ввел в обращение так называемую систему *цзю гун гэ* (九宮格) — способ обучения мастерству каллиграфии при помощи схемы «девяти дворцов», т. е. специально разграфленного на 9 равных секторов квадрата [15. Т. 1. С. 742], соотносимого с магическим квадратом *Ло шу*» (洛書) [описание квадрата «Девяти дворцов» и связанной с ней системы чисел см., напр.: «Да Дай ли цзи» (大戴禮記), пянь 67; «Минтан» (明堂), цзюань 8, см.: 11. С. 149–150]. Таким образом, данный метод начинает восприниматься не только как абстрактное геометрическое решение в поиске пропорций в структуре иероглифа, но как возврат к древнему мироустроительному принципу, восходящему к нумерологической основе «Чжоу и».

Также предпринимаются попытки воссоздать принципы древней музыки и вновь осмыслить заложенные в ней символические коды; звучат призывы к возрождению *я чжэн* (雅正) — основ древней конфуцианской идеологии, ассоциируемых с именем дру-

*Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© А. Г. Сторожук, 2009

гого мыслителя и поэта начала Тан — Чэнь Цзы-аня (陳子昂, 661–702), и в рамках этого процесса особое внимание уделяется связи числовой символики с акустическими характеристиками ступеней звукоряда.

Таким образом, вполне логичным кажется отражение того же самого процесса и в сфере изящной словесности, тем более что связь поэтического слова и музыки в начале Тан мыслилась еще совершенно неразрывной.

Концепция неделимости идеального принципа

Здесь имеет смысл обратиться к упомянутой выше музыкальной символике и отметить одну весьма важную особенность, имеющую принципиальную значимость для исследуемого вопроса: идеальные принципы, заложенные в основу идеально написанного и идеально исполненного произведения, априори подразумеваются присутствующими и там, где вследствие человеческого несовершенства и утери подлинных знаний они никак не могли быть воплощены до конца. Так, наличие мироустроительного начала в музыкальном произведении признается и в случае исполнения последнего не только на древних, «истинных», но и на новых, «современных», инструментах, в условиях, когда секрет правильной настройки фактически утерян, а большинство знаний о древней гармонии исчезли вместе с уничтоженным в эпоху Цинь (秦)¹ каноном музыки «Юэ цзином» (樂經). Идеальный принцип, таким образом, мыслится присутствующим в произведении как некое единое и неделимое целое даже в том случае, если конкретное воплощение его страдает несовершенством и зиждется на отдельно оговариваемых допущениях. Данная особенность окажется первостепенно важной для рассмотрения символики стихотворной формы, и мы пока здесь отметим ее отдельно.

Итак, учитывая вышесказанное относительно уставных стихов, выбор жанра *ши* (詩) в качестве материала для определения основных нумерологических закономерностей представляется оправданным и закономерным. Время расцвета этого жанра, строгая формальная регламентированность и особая ритуальная значимость (включение *ши* в качестве непременной составляющей государственных экзаменов) дают возможность предположить, что общее стремление возродить учение древних о гармонии и лежащую в его основе философско-математическую модель, характерное для танских сторонников возврата к древности, нашло здесь свое отражение.

Числовая символика пятисловных уставных стихов

Рассмотрим структуру «стихов современной формы». Несмотря на то, что зачастую в литературоведческих работах этот жанр называется просто «уставными стихами» (кит. *люй ши*, 律詩), в строгом смысле термин «люй ши» применим только к уставным восьмистишиям, мыслившимся основной, базовой формой данного жанра.

То, что именно восьмистишия являются основой уставного стиха, явствует, хотя бы, из названий различных подвидов «стихов современной формы». Четверостишия носят название *цзюэ цзюй* (絕句) — «оборванных строф», произведения с количеством строк большим, нежели 8, — *пай люй* (排律), «[составленные] в ряд уставные [стихи]», или *чан люй* (長律), «удлиненные уставные [стихи]». В дальнейших рассуждениях данного раздела именно такая форма уставного стиха, как классическое восьмистишие, и будет

рассматриваться в качестве объекта исследования как наиболее показательное воплощение принципа, заложенного в уставные стихи в целом.

Символическая соотнесенность элементов базовой формы уставного стиха и заложенных в «Чжоу и» семиотических основ может быть прослежена на нескольких уровнях и затрагивает практически все структурные принципы, лежащие в основе написания *ши*.

Начать рассмотрение указанной темы можно с наиболее очевидных, лежащих на поверхности характеристик — с нумерологической символики количества иероглифов и организации их в строке.

Как говорилось выше, базовой формой уставного стиха является восьмистишие. При этом основным следует считать именно пятисловное восьмистишие, схема которого в полном виде повторяется и в семисловном, о чем будет сказано несколько позже.

Пятисловное *люйши* организуется следующим образом — восемь пятисловных строк, формально объединяемых в двустишия (кит. *лянь*, 聯), условно делятся на две строфы. Каждая строка логически и ритмически членится на две части, отделяемые друг от друга цезурой после второго иероглифа. Таким образом, общий вид пятисловного уставного стиха может быть представлен следующей схемой, где X обозначает иероглиф в строке, знак | — цезуру, а знак / — конец двустишия:

```
XX|XXX
XX|XXX/
XX|XXX
XX|XXX/
XX|XXX
XX|XXX/
XX|XXX
XX|XXX/
```

Теперь вкратце остановимся на принципах составления графем «Чжоу и», символических схем взаимоотношения первооснов Вселенной.

Понятие «гуа» (卦) и взаимодействия этих категорий

Две первоосновы Вселенной — *инь* (陰) и *ян* (陽) изображаются в виде целых или прерывистых черт (кит. *яо*, 爻). Первооснове *ян* соответствует целая черта (рис. 1,а)

Рис. 1.

(кит. *дань*, 單), первооснове *инь* — прерывистая (рис. 1,б) (кит. *чжэ*, 折).

Сочетаясь между собой, эти черты дают четыре диаграммы, называемые «знаками» — *сян* (象):

Диаграмма, состоящая из одних янских черт, называется «Великой ян» (кит. *Тай ян*, 太陽) (рис. 2,а), а диаграмма, состоящая из одних иньских — «Великой инь» (кит. *Тай*

Рис. 2.

инь, 太陰) (рис. 2,г). Диаграмма с нижней иньской и верхней янской чертами — «Малая (или молодая) ян» (кит. *Шао ян*, 少陽) (рис. 2,б), а с нижней янской и верхней иньской — «Малая (или молодая) инь» (кит. *Шао инь*, 少陰) (рис. 2,в).

Сочетания единичных *яо* (爻) и *сянов* (象) дают восемь фигур, каждая из которых состоит из трех черт — триграмм (кит. *сань яо гуа*, 三爻卦).

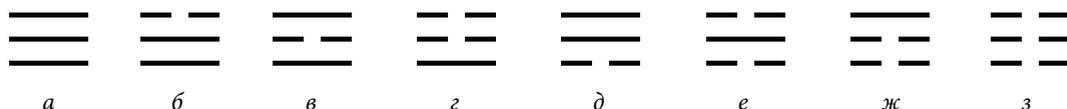

Рис. 3.

Каждая из триграмм имеет свое собственное наименование и символические корреляции со сторонами света, частями тела, цветом, животными и т. п. Триграммы имеют следующие названия: *цянь* (乾) (рис. 3,а), *дуй* (兌) (рис. 3,б), *ли* (離) (рис. 3,в), *чжэнь* (震) (рис. 3,г), *сюнь* (巽) (рис. 3,д), *кань* (坎) (рис. 3,е), *гэнь* (艮) (рис. 3,ж) и *кунь* (坤) (рис. 3,з).

Черты триграмм принято считать снизу вверх; самая нижняя традиционно соотносится с Землей, средняя — с Человеком, верхняя — с Небом, составляя, таким образом, триаду Начал (кит. *сань цай*, 三才 или 三材).

Оппозиция *инь-ян* прослеживается не только на уровне единичных черт (кит. *яо*, 爻), но и в диаграммах (кит. *сян*, 象) и, естественно, триграммах. В триграммах оппозиция эта имеет два способа выражения:

1. Противоположность как взаимодополняемость. Выражается в том, что все черты, стоящие в одних и тех же позициях, взаимно противоположны. Данный вид оппозиции получает в китайской культурной традиции название «антагонистичности» (кит. *дуй*, 對). Этим термином описывается взаимоотношение триграмм *кунь* (坤) и *цянь* (乾) или, например, *дуй* (兌) и *гэнь* (艮).

Рис. 4.

2. Противоположность как взаимное отражение. Выражается в том, что не все черты одной триграммы противоположны другой, но триграммы взаимно симметричны относительно средней черты. Данный вид оппозиции получает в китайской культурной традиции название «перевернутости» (кит. *фань*, 反). Этим термином описывается взаимоотношение триграмм *чжэнь* (震) и *гэнь* (艮) или *дуй* (兌) и *сюнь* (巽).

Двумя «главными», или «коренными», триграммами считаются *кунь* (坤) и *цянь* (乾). В «семье» триграмм они получают статус «отца» (кит. *фу*, 父) *цянь* (乾) и «матери» (кит.

Рис. 5.

му, 母) *кунь* (坤); остальные считаются «детьми», различающимися по полу (нечетное количество входящих отрезков черт — «мужские» триграммы, четное — «женские») и возрасту (старшинство определяется позицией той же черты, что и пол; нижняя позиция — старшая триграмма, средняя позиция — средняя триграмма, верхняя позиция — младшая триграмма). Таким образом, *чжэнь* (震), *кань* (坎) и *гэнь* (艮) имеют статус старшего, среднего и младшего сыновей соответственно (кит. *чжаннань*, *чжуннань*, *шаонань*, 長男, 中男, 少男), а *сюнь* (巽), *ли* (離) и *дуй* (兌) — старшей, средней и младшей дочерей (кит. *чжанньюй*, *чжунньюй*, *шаоньюй*, 長女, 中女, 少女).

Старшинство	Триграммы	
	«мужские»	«женские»
Родители	☰ ☷ <i>цянь</i> (乾)	☷ ☰ <i>кунь</i> (坤)
Старшие дети	☳ ☱ <i>чжэнь</i> (震)	☴ ☴ <i>сюнь</i> (巽)
Средние дети	☵ ☶ <i>кань</i> (坎)	☲ ☱ <i>ли</i> (離)
Младшие дети	☶ ☳ <i>гэнь</i> (艮)	☱ ☴ <i>дуй</i> (兌)

Элементы в горизонтальных рядах данной таблицы «антагонистичны» (кит. *дуй*, 對) друг другу, а «старшие» и «младшие» дети одного пола взаимосоотносятся по принципу «перевернутости» (кит. *фань*, 反).

Принцип «великих» и «малых» *инь* и *ян* также универсален не только для диаграмм, но и для всех вариантов сочетания *яо* (爻), равно как и для них самих. «Отец» (*цянь* (乾)) относится к «великой» («старой», кит. *лао*, 老) *ян*, «мать» (*кунь* (坤)) — к «великой» («старой») *инь*, «сыновья» — к «молодой» *ян*, «дочери» — к «молодой» *инь*. *Ян* имеет тенденцию постоянно накапливать признаки *инь* («стареть»), и наоборот, *инь* постоянно накапливает *янские* черты, поэтому стихии мира могут взаимообращаться, порождая либо подавляя друг друга. Соответственное выражение эта способность находит в *гуа* (卦): триграммы «дети» суть графическое выражение постепенного накопления противоположного признака; это наглядно видно на примере двух пятичленных наборов триграмм, демонстрирующих обращение *цянь* (乾) в *кунь* (坤) (рис. 6) и обратный процесс (рис. 7) [8. С. 19]:

В зависимости от того, относятся ли триграммы по типу к «Великим» («старым») или

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

«молодым» *ян* или *инь*, они имеют определенный численный код. Выводится он просто: если вписать триграммы в разделенный на девять частей квадрат, количество занятых чертами клеток даст нам искомое число. Для триграммы *цянь* (乾) оно равняется 9, для *кунь* (坤) — шести, для «сыновей» — 7, для «дочерей» — 8. Таким образом, полученные для «старых» и «молодых» *инь* и *ян* числовые коды равняются:

- «старое» *ян* — 9;
- «молодое» *ян* — 7;
- «молодое» *инь* — 8;
- «старое» *инь* — 6.

Данные числовые коды остаются неизменными для всех *яо* (爻), диаграмм и триграмм, соотносимых с названными первоосновами, а также для самих первооснов в отвлеченных нумерологических толкованиях. Пройдя пору расцвета, соотносящуюся с числовым кодом 7 для *ян* и 8 для *инь*, первоосновы «стареют» и приходят к готовности переродиться в свою противоположность (это выражается числовым кодом 6 для *инь* и 9 для *ян*).

Попарное сочетание восьми триграмм друг с другом порождает 64 возможные фигуры из шести черт, называемых гексаграммами. Для обозначения триграмм и гексаграмм в китайском языке существует единое понятие *гуа* (卦), понимаемое как символическое выражение первооснов в различных проявлениях мира, но для разграничения фигур из трех и шести черт применяются специальные термины — *сань яо гуа* (三爻卦, триграмма) и *лю хуа* (六畫, гексаграмма). Каждая черта гексаграммы имеет свое символическое толкование, носит отдельное название и учитывается наравне с общим смыслом гексаграммы в гадательных и других практиках. Существуют различные теории относительно того, являются ли триграммы основой гексаграмм или же, наоборот, они появляются позже и служат неким символическим обобщением, но для темы данного исследования этот вопрос не имеет принципиальной важности.

Порядки расположения гуа

Взаимоотношение черт в триграммах и их символическое значение рожают разные порядки из взаимного расположения. Два традиционно известных и широко цитируемых в китайских источниках порядка приписываются Фу-си (伏羲) и Вэнь-вану (文王).

Порядок Фу-си строится по той же логической схеме, что и двоичная система счисления Г. Лейбница (1646–1716). Если условно обозначить янскую черту единицей, а иньскую нулем, то числовые символы восьми триграмм примут следующий вид: 000, 001, 010, 011, 100, 101, 110, 111. Графическое выражение этих цифр дает приписываемый Фу-си порядок гексаграмм:

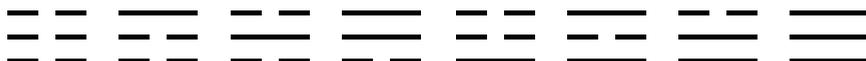

Рис. 9.

Пространственное расположение данных триграмм в виде круга традиционно именуется «преднебесным» (кит. *сянь тянь*, 先天) (рис. 10).

Рис. 10. Иллюстрация из цинского трактата «Чжоу и чан чжэнь» (周易闡真, «Истинные разъяснения Чжоу и») с пропиской.

Половина триграмм расположена, начиная от *цянь* (乾), по кругу против часовой стрелки. От триграммы *сюнь* (巽) направление меняется, переходя к антагонистической триграмме *чжэнь* (震) и далее следуя до *кунь* (坤) по часовой стрелке.

Данный способ и само название «преднебесного» порядка было впервые зафиксировано в работах даосского философа и ученого начала Сун (宋, 960–1279) Чэнь Туаня (陳搏, ?–989). Другой порядок, называемый «посленебесным» (кит. *хоу тянь*, 後天), приписывался Вэнь-вану (文王), и фиксация его в литературе и культурных артефактах намного старше. В основе данного порядка расположения триграмм лежит описание соотношения *гуа* с частями света в трактате «*Шо гуа чжуань*» (說卦傳, «Объяснения гексаграмм»). На рис. 11 приведена поздняя иллюстрация этого соотношения.

Рис. 11. Иллюстрация из цинского трактата «Чжоу и чан чжэнь» (周易闡真, «Истинные разъяснения Чжоу и»).

Неодинаковы и расположения гексаграмм; два наиболее распространенных порядка также приписываются Фу-си и Вэнь-вану. В основе первого лежит тот же принцип двоичности, логика второго пока не получила однозначно признанного объяснения. Имеется еще третий порядок гексаграмм, названный мавандуйским² по названию места, где был при раскопках 1973 г. найден раннеханьский экземпляр «Чжоу и», однако вызывает большие сомнения, был ли он известен в танское время.

Что же до кругового расположения триграмм Вэнь-вана, то оно тесно связано с двумя графическо-числовыми схемами, лежащими в основе китайской нумерологической теории, — так называемыми «Речной картой» (далее «Хэ ту», 河圖) и «Письменами [реки] Ло» (далее — «Ло шу», 洛書).

«Хэ ту», 河圖 и «Ло шу», 洛書

Легенда приписывает открытие «магического креста Хэ ту» Фу-си: однажды из реки Мэнхэ (孟河)³ появился «драконий конь» (кит. Лунма, 龍馬) с пятнами на спине. Пятна эти располагались в строгой последовательности, которая дала возможность Фу-си составить следующую схему (см. рис. 12).

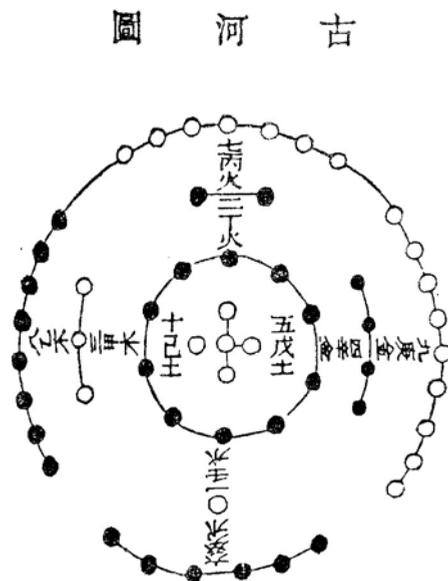

Рис. 12. Иллюстрация из цинского трактата «Чжоу и чан чжэнь» (周易闡真, «Истинные разъяснения Чжоу и»).

Темные точки, соединенные вместе, суть выражение иньских чисел, светлые — янских. Если количественные показатели цепей данных точек записать в привычном цифровом виде, мы получим следующие числовые сочетания:

	7, 2	
8, 3	10, 5	4, 9
	6, 1	

Пять занятых на плоскости позиций (верх, низ, право, лево и центр), как считается, выражают пять первоэлементов [«Чжоу и чан чжэнь» (周易闡真, «Истинные разъяснения

Чжоу и»), цзюань 1 (1), см.: 12. Т. 1. С. 7]. Каждый первоэлемент соотносится с определенным числом и стороной света: вода — с севером (6, 1), огонь — с югом (7, 2), дерево — с востоком (8, 3), металл — с западом (4, 9), центр — с землей (10, 5). При этом цифры от 1 до 5 считаются «порождающими» (кит. *шэн шу*, 生数), а от 6 до 10 — «преобразующими» (кит. *чэн шу*, 成數). Четыре «крайние» позиции также соотносятся с четырьмя временами года: весна — восток, лето — юг, осень — запад и зима — север. Однако более важным символическим смыслом «Хэ ту» видится представленное в этой схеме соотношение со сторонами света и числовыми кодами первооснов *инь* и *ян*. Известно изречение из «Си цы чжуаня» (繫辭傳, «Комментарий привязанных слов»): «Небесное — один, земное — два, небесное — три, земное — четыре, небесное — пять, земное — шесть, небесное — семь, земное — восемь, небесное — девять, земное — десять. Небесных чисел пять, и земных чисел пять. В пяти позициях [они] друг друга организуют, и каждая (друг друга) дополняет. [Сумма] небесных чисел — двадцать пять, [сумма] земных чисел — тридцать» («Си цы чжуань» (繫辭傳, «Комментарий привязанных слов»), ч. 1, гл. 9⁴, см.: 16. С. 60). «Земные» и «небесные» числа, в данном случае — это иньские (четные) и янские (нечетные) числа из схемы «Хэ ту». Таким образом, принимая во внимание упоминавшиеся выше числовые коды первооснов, можно заметить, что по схеме «Хэ ту» стихия *ян* зарождается на севере (ассоциируемом с янским числом 1), крепнет на востоке (ассоциируемом с янским числом 3), расцветает на юге (ассоциируемом с янским числом 7) и терпит ущерб (перерождается) на западе (ассоциируемом с янским числом 9). Стихия *инь*, наоборот, зарождается на юге (ассоциируемом с иньским числом 2), крепнет на западе (ассоциируемом с иньским числом 4), расцветает на востоке (ассоциируемом с иньским числом 8) и терпит ущерб (перерождается) на севере (ассоциируемом с иньским числом 6). Описанная динамика превращений первооснов объясняет известное изречение из трактата «Ле-цзы»: «Перемены, обращаясь, дают единицу; единица, обращаясь, дает семерку. Семерка, обращаясь, дает девятку. На девятке превращения заканчиваются, и [все] снова обращается к единице [«Ле-цзы» (列子), гл. 1, «Тянь жуй» (天瑞, «Знамение Неба»), см.: 13. С. 2].

В схеме «Хэ ту» впервые вводятся основополагающие для дальнейшей истории культуры Китая числовые символы 15 (количество центральных точек креста), 5 (нечетные белые точки центральной позиции) и 10 (четные черные точки центральной позиции). 15 является числом соединения *инь* и *ян*. Действительно, при сложении числовых кодов «молодых» *инь* и *ян* ($8 + 7$) сумма равняется пятнадцати. Так же происходит и при сложении числовых кодов «старых» *инь* и *ян* ($6 + 9 = 15$). Пятнадцать символизирует единение первооснов; в то же время позиция центра креста сама по себе выводит данный код из постоянных взаимодействий, в которые вовлечены остальные числа схемы. Другими словами, 15 (как знак соотносимых с ним философских понятий) пребывает в покое во время нескончаемых взаимных обращений первооснов, выраженных цифрами четырех периферийных секторов (кит. *вэй*, 位). В то же время 10 есть символ «единого» (кит. *и*, 一) как единицы, к которой все обращается (см. приведенную выше цитату из «Ле-цзы»), но об этой особенности будет сказано чуть ниже.

Число 5

Однако наибольший интерес представляет именно центральная пятерка. С одной стороны, пять является числом первоэлемента «земля», и большинство комментаторов придерживаются именно такой трактовки данного символа. Тем не менее имеется и дру-

гое объяснение, которое кажется более достоверным. Цинский исследователь Лю И-мин (劉一明 года) в трактате «Чжоу и чан чжэнь» (周易闡真, «Истинные разъяснения Чжоу и») сопоставляет в данном контексте пятерку с Великим пределом (кит. Тай цзи, 太極) [«Чжоу и чан чжэнь» (周易闡真, «Истинные разъяснения Чжоу и»), цзюань 1 (1), см.: 12. Т. 1. С. 7]. Действительно, число пять имеет для «Хэ ту» слишком большую значимость, чтобы просто считать его случайным атрибутом одной из пяти стихий. Разность чисел в каждом секторе (кит. вэй, 位) «Хэ ту» равняется пяти (север — $7 - 2 = 5$; юг — $6 - 1 = 5$; восток — $8 - 3 = 5$; запад — $9 - 4 = 5$; центр — $10 - 5 = 5$). Как говорилось выше, сумма всех янских чисел равна 25, т. е. кратна пяти и сумма иньских чисел ($5 \times 6 = 30$). Сумма всех вообще чисел схемы равняется 55. Число центрального сектора — 15 — есть утроенная пятерка, специально разделенная на две составляющих ($5 \times 2 + 5$).

Подобная закономерность вряд ли мыслилась случайной. Интересно, что аналогичные знаковые взаимоотношения наблюдаются и во второй из древнейших графико-числовых схем — в так называемых «Писаниях [реки] Ло» (далее — «Ло шу», 洛書).

Согласно преданию, император Юй (大禹) во время усмирения потопа однажды увидел священную черепаху, появившуюся из вод реки Ло (洛水)⁵. На спине черепахи имелись «узоры» — бороздки панциря (кит. вэнь, 文), расположение и количество которых Юй и зафиксировал в своей схеме (см. рис. 13).

Рис. 13.

Бороздки сгруппированы по девяти секторам условного квадрата, причем в каждом секторе количество их различно. В цифровом выражении данная схема выглядит так:

4	9	2
3	5	7
8	1	6

Даже беглое знакомство с расположением чисел данной последовательности наводит на мысль о сходстве со схемой «Хэ ту». Существуют алгоритмы перестроения «Хэ ту» в «Ло шу», но в данной работе нет возможности более подробно останавливаться на этом вопросе.

Нетрудно заметить, что пятерка, как и в «Хэ ту», занимает в «Ло шу» центральное положение, и, по мнению Лю И-мина (劉一明), также обозначает «Великий предел» (ит. *Tai cзи*, 太極) [«Чжоу и чан чжэнь» (周易闡真, «Истинные разъяснения Чжоу и»), цзю-ань 1 (1), см.: 12. Т. 1. С. 11]. Попутно заметим, что отождествление центрального сектора — символической абсолютной середины — с «Великим пределом» само по себе имеет логическое обоснование и в истории китайской словесности: значение иероглифа *цзи* (極, «Предел») в целом ряде древних текстов, начиная с «Шицзина», трактовалось именно как «центральная точка», «середина». Таково значение этого иероглифа и в гимне «Иньский У[-дин]» (殷武) [«Шицзин» (詩經), Шан сун (商頌, «Гимны Шан»), см.: 18. С. 756], и в текстах Мо-цзы (墨子), и в главах «Ханьской истории» (漢書).

Остальные числа схемы располагаются так, что их сумма в симметричных относительно центра секторах составляет 10 ($8 + 2 = 10$; $4 + 6 = 10$; $3 + 7 = 10$; $9 + 1 = 10$). Данный принцип получает в китайской традиции название «дополнительности до 10» (ит. *хэ ши*, 合十) и широко применяется в различных построениях и вычислениях, имеющих отношение к принципам «Чжоу и» (周易).

Сумма цифр по любой вертикали, горизонтали или диагонали «Ло шу» составляет 15. Сумма янских (нечетных) чисел также равняется 25; сумма всех чисел — 45. Присутствие числа 5 в логике построения схемы становится еще более наглядным, если применить принцип Д. Ионеску: вычтешь пятерку из каждого члена «Ло шу». Тогда схема примет следующий вид:

-1	4	-3
-2	0	2
3	-4	1

Известно, что отрицательные числа впервые упоминаются в работах времени «Западной Хань», таким образом, нельзя однозначно утверждать, что данная манипуляция с числовыми соотношениями совершенно корректна применительно к данной, предположительно более ранней схеме. Как бы там ни было, в данном случае подобное преобразование важно для нас только как выявление «чисто математических закономерностей» схемы «*Ло шу*» [см.: 7. С. 223]. Однако сумма чисел по любой вертикали, горизонтали или диагонали преобразованного таким образом квадрата «*Ло шу*» будет равняться 0, и символика этой закономерности слишком очевидна, чтобы предположить ее случайный характер.

Сумма четных чисел «*Хэ ту*» и «*Ло шу*», равно как и сумма их нечетных чисел, равняется 50, т. е. 5×10 . Следует чуть подробнее остановиться на самом числе 10 в логике данных построений. Выше уже говорилось, что 10 в «*Хэ ту*», очевидно, понимается как логическое отображение «единого», как единицы на новом витке превращений. Подобное «неарифметическое» осмысление десятки мы наблюдаем и в схеме «*Ло шу*». Здесь можно снова вернуться к уже упоминавшейся «дополнительности до 10», когда противоположные относительно середины сектора при сложении дают десятку (по традиционным представлениям сложение противоположностей дает единицу, т. е., Великий предел), однако в «*Ло шу*» имеется и еще одна любопытная математическая особенность, напрямую связанная с особой знаковой функцией числа 10. Последовательность чисел восьми периферийных секторов обнаруживает логику, подтверждающую данное суждение. Если взять за основу первый элемент множества (в данном случае единицу) и сложить ее с числом в следующем против часовой стрелки секторе (6), то сумма окажется равной 7 — значению третьего в данной последовательности члена матрицы. Сумма 7 и числового значения следующего сектора квадрата (2) равна 9, что дает нам числовое значение стоящего по порядку за двойкой члена матрицы. Дальше логика подобных математических преобразований не нарушится только в том случае, если из полученной суммы будут удаляться показатели десятков. $9 + 4 = 13$. Числовое значение следующего сектора квадрата — 3, т. е. $13 - 10$. Далее: $13 + 8 = 21$. К единице, первому элементу преобразований и следующему по порядку числовому значению сектора квадрата, мы приходим, если из 21 вычитаем показатель десятков: $21 - 20 = 1$. Следовательно, 10 в данной логической схеме не просто число, но некий особый символ, и то, что он отождествляется с «единым», доказывает упоминавшийся выше принцип дополнительности числовых выражений, симметричных относительно пятерки секторов, — противоположности, сливаясь, возвращаются к единому (см. также приведенную выше сентенцию о «возвращении к единому» у «*Ле-цзы*» (列子)). Таким образом, это выражение некоего спирального движения, цикла обращения сущего.

Пять как выражение совокупности пяти взаимообращающихся стихий, центра симметрии первооснов и их проявлений, как некая абсолютная точка равновесия и гармонии объясняет описанные особенности «*Хэ ту*» и «*Ло шу*» лучше, чем предположение о странной значимости, которую многие авторы склонны видеть в подобном использовании числового кода элемента «земля». Очевидно, противоречия здесь нет по одной простой причине: логика первого и второго символизма опираются на различные парадигмы, и механически отождествлять пятерку — символ «Великого предела» (кит. *Тай цзи*, 太極) и пятерку — символ «земли» так же ошибочно, как ставить знак равенства между числом 101 и цифровым обозначением 101 (= 5) из двоичной системы счисления, т. е. утверждать, что $101 - 5 = 0$.

Как отмечалось выше, порядок расположения триграмм Вэнь-вана (文王) основывается на корреляциях *гуа* со сторонами света, описанных в трактате «Шо гуа чжуань» (說卦傳, «Объяснения триграмм») [«Шо гуа чжуань» (說卦傳, «Объяснения триграмм»), чжан 6, см.: 16. С. 197]. Традиция закрепляет за *гуа* данного порядка и за соотносимыми с ними сторонами света соответствующие числовые символы (*кань* (坎) → 1; *кунь* (坤) → 2; *чжэнь* (震) → 3; *сюнь* (巽) → 4; *цянь* (乾) → 6; *дуй* (兌) → 7; *гэнь* (艮) → 8; *ли* (離) → 9) [17, 117], и в таком виде порядок Вэнь-вана полностью повторяет схему «Ло шу»:

<p>4</p> <p>сюнь (巽), юго-восток</p>	<p>9</p> <p>ли (離), юг</p>	<p>2</p> <p>кунь (坤), юго-запад</p>
<p>3</p> <p>чжэнь (震), восток</p>	<p>5</p>	<p>7</p> <p>дуй (兌), запад</p>
<p>8</p> <p>гэнь (艮), северо-восток</p>	<p>1</p> <p>кань (坎), север</p>	<p>6</p> <p>цянь (乾), северо-запад</p>

Трудно сказать, мыслились ли эти цифры изначально присущими данной последовательности или явились результатом позднего наложения числовых кодов «Ло шу» на порядок триграмм Вэнь-вана, но в последующей традиции китайской культуры связь данных цифровых выражений и организации *гуа* оказывается неразрывной; даже отдельно взятые числовые коды «Ло шу» зачастую именуются «посленебесным порядком».

Метрическая организация пятисловных *люйши* и ее символика

Итак, если обратиться к сформулированным выше группам числовых символов, представленных в принципе построения *гуа*, графических моделях взаимоотношений *инь* и *ян*, а также относящихся к ним схемах «Хэ ту» и «Ло шу», то первое, что явно бросается в глаза, — это лежащие в основе схемы построения *люйши* числа 5 и 8, определенные как символ Великого предела и выражение обращающихся друг в друга комбинаций *инь* и *ян* соответственно.

Организация четверостишия также обладает собственными символическими особенностями: деление его цезурой на две неравные части соотносит послецезурную и доцезурную части как 12 к 8. Соотношение 12/8, есть числовое выражение древнейшей символической фигуры — круга и вписанного в него квадрата, знака Неба и Земли [8. С. 10–11], а также передает идею пространственно-временных связей: 12 есть числовой атрибут времени, 8 — пространства.

Весьма явственны и созвучны вышесказанному и семиотические коды отдельной стихотворной строки. Пять иероглифов (повторим, что пятерка является числом Великого предела) организуются цезурой в отношении 2 к 3. Доцезурная часть — 2 — пред-

ставляет собой число *инь* (Земли), послецезурная часть — 3 — число ян (Неба). Вместе с тем, соотношение количества иероглифов в строке и количества иероглифов в послецезурной части (5:3) примерно равно соотношению числа строк и количества иероглифов в строке (8:5) и является выражением одного из важнейших традиционных нумерологических принципов китайской культуры — так называемой «тройной пятерки».

Таким образом, уже самый верхний и легко читаемый символический пласт — числовая символика, заложенная в количественных показателях компонентов строки и строфы, — более чем красноречива. Однако ничуть не менее значителен и следующий символический срез — знаковые коды, лежащие в организации метрики уставного стиха.

Существует четыре вида организации восьмистишия *люйши*, базирующиеся на правилах чередования тонов. Все иероглифы по традиции условно разделялись на две группы: имеющие чтение в ровном тоне (кит. *пин*, 平)⁶ и остальные, чтение которых определялось как принадлежащее к модулирующему тону (кит. *цзэ*, 仄). Фактически понятие модулирующего тона охватило следующие тоны по классической китайской классификации⁷: *шан* (кит. *шан шэн*, 上聲)⁸, *цюй* (кит. *цюй шэн*, 去聲)⁹ и *жу* (кит. *жу шэн*, 入聲)¹⁰.

Чередование тонов в строках *люйши* имело строгую регламентацию, порождая следующие четыре основных схемы:

1. <u>ММ</u> PPM	2. <u>ММ</u> MPP	3. <u>РР</u> PMM	4. РР MMP
РР MMP	РР MMP	<u>ММ</u> MPP	<u>ММ</u> MPP
<u>РР</u> PMM	<u>РР</u> PMM	<u>ММ</u> PPM	<u>ММ</u> PPM
<u>ММ</u> MPP	<u>ММ</u> MPP	РР MMP	РР MMP
<u>ММ</u> PPM	<u>ММ</u> PPM	<u>РР</u> PMM	<u>РР</u> PMM
РР MMP	РР MMP	<u>ММ</u> MPP	<u>ММ</u> MPP
<u>РР</u> PMM	<u>РР</u> PMM	<u>ММ</u> PPM	<u>ММ</u> PPM
<u>ММ</u> MPP	<u>ММ</u> MPP	РР MMP	РР MMP

Буквой Р в данной схеме обозначается иероглиф в ровном тоне, М — в модулирующем, знаком | — цезура. Подчеркнуты слоги, в которых тон может в некоторых случаях меняться на противоположный; жирным курсивом выделены рифмуемые слоги [схемы и расшифровка по: 10. С. 31–34].

Как видно из приведенных схем, для уставных стихов рифмоваться всегда должны были только слоги в ровном тоне, в то время как в произведениях «старой формы» (кит. *гу ти ши*, 古體詩) — традиции написания стихов в жанре *ши*, существовавшей до танского времени, — это условие ни в коей мере не являлось неизменным.

Нетрудно заметить, что логика составления схемы чередования тонов сознательно уходит от противопоставления по четырем признакам (соответственно фактическому количеству тонов), которое напрашивается само собой и в полной мере соответствует логике классического китайского языка. Четыре тона не включаются в схему в чистом виде, но komponуются в два искусственных антогонистичных блока, благодаря чему противопоставление сводится к стопроцентной дидактике. Данный принцип уже обсуждался в настоящей работе при описании логики построения *гуа*. Присутствие его в принципе организации *люйши* дает нам право рассмотреть полученные схемы в графическом виде, сходном с тем, что представлен в «Чжоу и». Условно заменим слоги ровного

тона непрерывной чертой, а слоги модулирующего — прерывистой. Тогда полученные нами четыре схемы примут следующий вид:

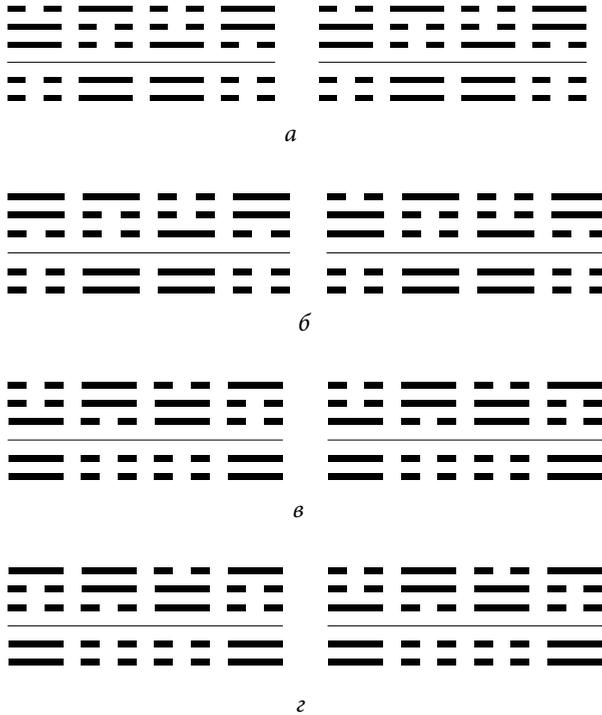

Рис. 14.

Схема 1 соответствует диаграмме, представленной на рис. 14а, схема 2 — диаграмме на рис. 14б, а схемы 3 и 4 — диаграммам на рис. 14в и 14г соответственно. Нижний раздел диаграммы представляет собой доцезурную часть строки, верхний — послецезурную, порядок строк считается слева направо.

Таким образом, графическим выражением доцезурной части строки оказывается *сян* (象), послецезурной — триграмма (кит. *сань яо гуа*, 三爻卦). Соседние строки каждого двустишия (кит. *лянь*, 聯) находятся в оппозиции друг другу по принципу антагонистичности (кит. *дуй*, 對), т. е. элементы, стоящие в одних и тех же позициях, взаимно противоположны. Это отражается и в специальных терминах, обозначающих строки двустишия: первая строка носит название «открывающей» (кит. *чу цзюй*, 出句), вторая строка — «противоположной», или «антагонистичной» (кит. *дуй цзюй*, 對句) [10. С. 63].

Очевидно, что и сами схемы, и соответствующие им диаграммы легко сводятся к двум основным моделям.

1. Строка начинается модулирующим тоном. Строфа в этом случае строится по образцу:

ММ|РРМ
 РР|ММР
 РР|РММ
 ММ|МРР

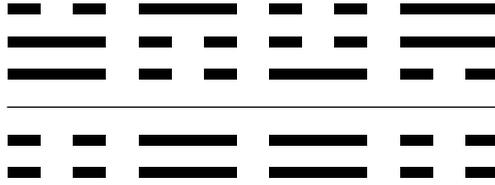

Рис. 15.

Вторая строфа является полным повторением первой. В том случае, если первая строка также содержит рифму, она преобразуется в точное повторение четвертой строки, а вся остальная структура стихотворения остается неизменной. Таким образом, ключевой для данной схемы будет диаграмма, изображенная на рис. 15.

2. Строка начинается ровным тоном. Строфа в этом случае строится по образцу:

РР|РММ

ММ|МРР

ММ|РРМ

РР|ММР

Вторая строфа также является полным повторением первой. Если первая строка содержит рифму, то, как и в описанном выше случае, она преобразуется в точное повторение четвертой строки, и вся остальная структура остается неизменной. Ключевой для данной схемы будет диаграмма, изображенная на рис. 16.

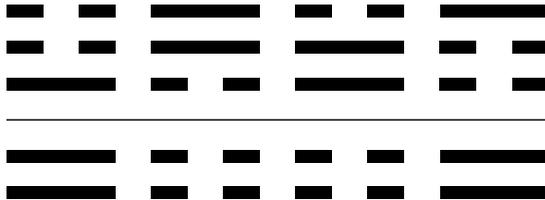

Рис. 16.

Как это совершенно очевидно из схем и графиков, в основе модели лежат две отличные друг от друга структуры, представленные двустигмиейми. Если двустигмией с первым модулирующим тоном обозначить А (рис. 17а), а с первым ровным тоном — В (рис. 17б), то первая модель строится по типу АВ, вторая — по типу ВА.

Поскольку, как было сказано, строки двустигмий полностью взаимно антагонистичны, условный выбор принятых выше графических обозначений (янская черта для ровного тона и иньская для модулирующего), в конечном счете, не сказывается не только на логике рассуждений, но и никак в целом не изменяет общего вида полученных нами ранее четырех диаграмм (см. рис. 14а-г) при перемене знаков на противоположные (при обозначении иньской чертой ровного тона и яньской — модулирующего).

Послецезурные части 1-й и 4-й и 2-й и 3-й строк также стоят в оппозиции друг другу, но это другой тип по сравнению с упомянутой выше оппозицией, представляющей взаимное отражение, получившее в китайской традиции обозначение «перевернутос-

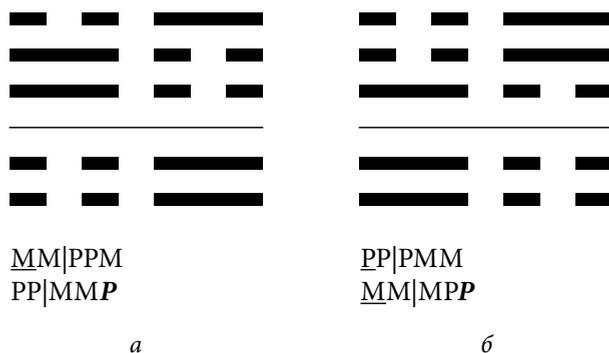

Рис. 17.

ти» (кит. *фань*, 反), когда все элементы оппозиционных структур противоположны друг другу, но сами структуры взаимно симметричны относительно общего элемента (в данном случае это средний слог постцеzurной части, графически представленный второй чертой триграмм на рисунках). Доцеzurные части указанных строк идентичны, поэтому для логики противопоставлений не существенны. Учитывая это, в целом можно сказать, что сами двустушия А и В условно логически оппозиционны друг другу по принципу «перевернутости».

В то же время, помимо формальных оппозиционных отношений между строфами, порядок чередования тонов порождает и их интегрированность в общее целое, соединенность. Выражается это в следующей закономерности: «открывающая строка» (出句) нового двустушия и «антагонистичная строка» предыдущего двустушия (對句) в доцеzurной части имеют один и тот же тон, в то время как в рамках одного двустушия доцеzurные части по тону взаимно противоположны. Подобная связь двустуший носит название «склеенности» (кит. *нянь*, 黏) [10. С. 63]. На рис. 18а и б стрелками показаны строфы, объединенные по этому принципу.

Принцип интегрированности и взаимного порождения прослеживается также в символических связях триграмм и *сянов* (графические выражения принципов организации чередования тонов в строке). В двустушии типа А (с первым модулирующим тоном) доцеzurная часть строк — сяны «Великая ян» (кит. *Тай ян*, 太陽) и «Великая инь» (кит. *Тай инь*, 太陰), а постцеzurная — триграммы *дуй* (兌) и *гэнь* (艮). «Великая ян» есть воплощение «старой», готовой к перерождению в собственную противоположность первоосновы ян и в системе «семьи триграмм» соответствует *цянь* (乾) — «отцу». «Великая инь» воплощает «старую», готовую к перерождению первооснову инь и в системе «семьи триграмм» соответствует *кунь* (坤) — «матери». Триграмма *дуй*, как говорилось в главе «Понятие “гуа” (卦) и взаимодействия этих категорий» настоящего исследования, в «семье триграмм» соответствует «младшей дочери», *гэнь* — «младшему сыну». В двустушии типа В (с первым ровным тоном) доцеzurная часть строк такая же, как в двустушии А, а постцеzurная представлена триграммами *чжэнь* (震) и *сюнь* (巽), в системе «семьи триграмм», соответствующих «старшему сыну» и «старшей дочери». Как уже отмечалось, триграммы «дети» суть графическое выражение постепенного накопления противоположного признака (от младшего к старшему), и в круговороте энергий Вселенной эта порождающая связь мыслится непрерывной. Таким образом, исходя из названного принципа, соседние строки двустушия оказываются целиком отнесенны-

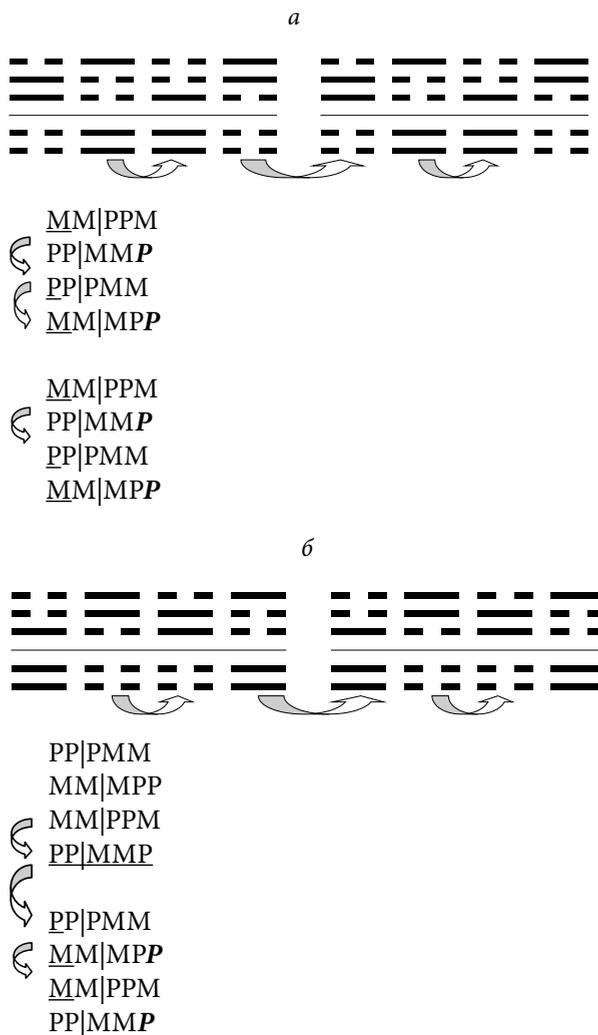

Рис. 18.

ми к одной из первооснов (первая строка А — *кунь* + *дуй* — иньская, вторая строка А — *цян*ь + *гэ*нь — янская; первая строка В — *цян*ь + *чжэ*нь — янская, вторая строка В — *цян*ь + *сю*нь — иньская), а соседние двустигии оказываются соединенными теми же порождающими связями, которыми в «преднебесном» (кит. *сянь тянь*, 先天) порядке расположения *гуа* связываются триграммы *дуй* (兌) и *гэ*нь (艮) с триграммами *чжэ*нь (震) и *сю*нь (巽).

Таким образом, можно утверждать, что формообразующей идеей построения схемы уставного стихотворения оказывается четко выверенная система взаимно оппозиционных и взаимно порождающих связей на всех уровнях. С одной стороны, это оппозиция соседних строк двустигий и соседних двустигий, с другой стороны, взаимная связь соседних двустигий по принципу «склеенности» и логике, присутствующей в сунских схемах взаимоотношений *гуа*. Такого рода сбалансированность системы дает

возможность предположить воплощенное в данной поэтической форме стремление к абсолютному равновесию во всех формальных признаках.

Тем не менее возникает очевидное несоответствие — диспропорция доцезурной и послецезурной частей строки. Однако диспропорция эта также оказывается мнимой при обращении к составленным выше графическим схемам чередования тонов и логике числовых символов «*Чжоу и*». Рассмотрим оба типа двустушией. В двустушии А доцезурная часть представлена двумя диаграммами «Великой инь» и «Великой ян», имеющих соответствующие числовые символы 6 и 9, т. е. общая сумма символов доцезурной части двустушия будет равна 15 — числу единения *инь* и *ян*. Постцезурная часть представлена триграммами, относящимися к типам «молодого инь» и «молодого ян» соответственно; следовательно, их числовыми символами будут 8 и 7, и общая сумма символов постцезурной части двустушия также окажется равной 15. Итак, доцезурная и постцезурная части в рамках логики «*Чжоу и*» оказываются полностью равновесными. Абсолютно то же самое можно сказать и о двустушии В: доцезурная часть в нем такая же, как и в А, а триграммы постцезурной части также соответствуют типам «молодого ян» и «молодого инь».

Так, учитывая вышесказанное, вполне можно определить базовую форму *люйши* как воплощение абсолютного символического равновесия частей, полностью подчиненного логике знаковых соответствий «Книги перемен». Тем не менее не все части уставного стихотворения, даже строго соответствующего базовой форме, стопроцентно равнозначны и абсолютно отвечают этому принципу. Подразумевающееся символическое неравенство частей *люйши* отражено в самих названиях этих частей.

Так, первое двустушие называется «головным» (кит. *шоу лян*ь, 首聯), второе — «лобным» (кит. *э лян*ь, 額聯), третье — «шейным» (кит. *цзин лян*ь, 頸聯), четвертое — «хвостовым» (кит. *вэй лян*ь, 尾聯) [10. С. 63]. При кажущемся родстве семантики названий первое и четвертое явно взяты из принципиально другой парадигмы по сравнению со вторым и третьим. Если предположить, что во всех четырех случаях за основу бралась некая условная часть «тела» — текста произведения в целом — то названия 1-го и 2-го двустуший явно вступают в противоречия друг с другом, поскольку лоб есть лишь часть головы, и противопоставление лба и головы как разных частей целого логически невозможно. Поэтому более оправданным кажется трактовка названий 1-го и 4-го двустуший как «начальное» и «конечное» или «открывающее» и «завершающее», в то время как предложенный выше вариант перевода именовании 2-го и 3-го двустуший, очевидно, не требует пересмотра.

Таким образом, восприятие 2-го и 3-го двустуший было в некотором роде особенным, двустушия эти должны были играть некую специальную роль и чем-то отличаться от «открывающих» и «замыкающих» строк. Та же логика прослеживается и в правилах чередования тонов. В то время как организация первой строки стихотворения могла видоизменяться по сравнению с рассмотренными моделями (рис. 18а и б), если обе строчки первого двустушия содержали рифму (схемы 2 и 4), второе двустушие в базовой форме оставалось неизменным, являясь неким центром устойчивости первой строфы. В таком случае для сохранения принципа равновесия, рассмотренного выше, ему в той же роли должно было соответствовать оппозиционное двустушие из второй строфы, т. е., 5-й и 6-й строки *люйши*.

Еще одним свидетельством особой роли и, следовательно, особого восприятия этих двустуший является наличие в них параллелизма. Согласно правилам стихосложения,

во втором и третьем двусиствиях обязан был присутствовать параллелизм [33. С. 15]. Китайское понимание параллелизма в двусиствии традиционно описывалось в работах по истории литературы как чрезвычайно строгое и затрагивающее все области от композиции до лексики. Действительно, в параллельных стихотворных строках (кит. *дуй лян*, 對聯) мыслилась не только идентичная грамматическая организация, но и антагонистичная лексическая оппозиция соответствующих друг другу элементов, и сходность ситуационных парадигм описываемого [о грамматическом аспекте в стихотворном параллелизме см., напр.: 5. С. 210 и 6. С. 143; о сходности ситуационных парадигм см.: 9. С. 111]. Так, обе строки должны были быть либо отсылками к некоему знаменитому событию или изречению, либо отвлеченными рассуждениями, либо «благопожеланиями» и т. п., но «благопожелательная» строка не могла быть в чистом виде объединена в параллельную конструкцию с пейзажной зарисовкой (варианты иносказательного толкования, скрытых цитат, иероглифических ребусов и пр. в данном случае не рассматриваются). Принцип этот коренится в самой сути антогонистического противопоставления (кит. *дуй*, 對), подробнее рассмотренного выше и лежащего в основе не только параллелизма в китайской поэзии, но и присутствующего в его названии.

Таким образом, наличие параллелизма во 2-м и 3-м двусиствиях не только добавляет в них еще один уровень оппозиционности (лексический), но и неразрывно связывает эти строки в единое целое, сообщая им общую грамматическую организацию и относя их к единой ситуационной парадигме.

Итак, относительно структурных принципов *люйши* можно сделать следующие выводы:

1. Организация уставного стихотворения опирается на числовую символику, лежащую в основе «Чжоу и».
2. Соотношения организующих *люйши* структур подчиняются логике знаковых взаимосвязей «Чжоу и».
3. Формообразующей идеей построения схемы уставного стихотворения оказывается четко выверенная система взаимно оппозиционных и взаимно порождающих связей.
4. Уставное стихотворение мыслится воплощением абсолютного символического равновесия частей.
5. Композиционным и символическим центром *люйши* являются 2-е и 3-е двусиствия.

Относительно же символической значимости, как это явствует из сказанного выше, ритуальная мироустроительная функция *вэнь* в случае пятисловных *люйши* оказывается проявленной в весьма продуманной, в высшей степени равновесной форме, опирающейся на принципы взаимной оппозиционности и взаимного порождения, прослеживающиеся на всех уровнях организации (от метрики до лексического параллелизма).

Принципы организации других форм и подвидов уставного стиха

Все те же закономерности сохраняются и в семисловной форме уставного стиха. Отличие ее от пятисловной состоит в прибавлении к доцезурной части еще двух слогов одного тона (ровного либо модулирующего). Если за основу принять пятисловную форму *люйши*, то к строкам, начинающимся ровным тоном, добавляются два слога в модулирующем, а к строкам, начинающимся модулирующим, — два слога в ровном

тоне. В результате получаются следующие четыре схемы и четыре соответствующие им диаграммы 19):

(1) $\underline{P}P\underline{M}M PPM$
$\underline{M}M\underline{P}P MMP$
$\underline{M}M\underline{P}P PMM$
$\underline{P}P\underline{M}M MPP$	(2) $\underline{P}P\underline{M}M MPP$
$\underline{M}M\underline{P}P MMP$
$\underline{M}M\underline{P}P PMM$
$\underline{P}P\underline{M}M MPP$	(3) $\underline{M}M\underline{P}P PMM$
$\underline{P}P\underline{M}M MPP$
$\underline{P}P\underline{M}M PPM$
$\underline{M}M\underline{P}P MMP$	(4) $\underline{M}M\underline{P}P MMP$
$\underline{P}P\underline{M}M MPP$
$\underline{P}P\underline{M}M PPM$
$\underline{M}M\underline{P}P MMP$
$\underline{P}P\underline{M}M PPM$
$\underline{M}M\underline{P}P MMP$
$\underline{M}M\underline{P}P PMM$
$\underline{P}P\underline{M}M MPP$	$\underline{P}P\underline{M}M PPM$
$\underline{M}M\underline{P}P MMP$
$\underline{M}M\underline{P}P PMM$
$\underline{P}P\underline{M}M MPP$	$\underline{M}M\underline{P}P PMM$
$\underline{P}P\underline{M}M MPP$
$\underline{P}P\underline{M}M PPM$
$\underline{M}M\underline{P}P MMP$	$\underline{M}M\underline{P}P PMM$
$\underline{P}P\underline{M}M MPP$
$\underline{P}P\underline{M}M PPM$
$\underline{M}M\underline{P}P MMP$

Схема (1) соответствует диаграмме на рис. 19а, схема (2) — рис. 19б, схема (3) — рис. 19в, схема (4) — рис. 19г.

Как видно из приведенных схем и диаграмм, семисловная структура *люйши* вполне может считаться производной от пятисловной в плане организации строфы. Подобная ситуация возникает и в содержательном аспекте: первые два иероглифа доцезурной части семисловной строки, как правило, играют поясняющую, уточняющую роль, но не являются основными для понимания сути описываемого в строке в целом. Поэтому, принимая во внимание сказанное выше относительно концепции неделимости идеального принципа, можно предположить, что заложенные в базовую пятисловную форму числовые символы и знаковые коды мыслились также присутствующими и в производной от нее семисловной форме.

Аналогичным образом, очевидно, обстоит дело и с упоминавшимися выше «оборванными строфами» — *цзюэ цзюй*, а также с *пай люй* — уставными стихами крупной формы. В первом случае, как это совершенно понятно, далеко не все структурные особенности *люйши* могут быть прослежены, особенно если в начальном двустииши обе строки содержат рифму и симметрическое равновесие между двустиишиями в плане метрики становится невозможным. Однако, поскольку восприятие *цзюэ цзюй* было неразрывно связано с базовой, восьмистрочной, формой уставного стиха («оборванные строки» понимались как «половина люйши» [10. С. 65]), данная потеря принципа равновесия ничуть не сказывалась ни на общей символической основе, ни на соблюдении других общих для уставных стихов правил. В случае *пай люй* это становится еще более заметным: здесь сохраняется и принцип смещения акцента к центральной части, характерный для восьмистрочных уставных стихов, — первое и последнее двустиишия оказываются свободными от параллелизмов, в то время как во всех других двустиишиях использование параллельных конструкций мыслилось обязательным [10. С. 15].

Организация *люйши* и принцип построения «Карты Великого предела»

Итак, учитывая вышесказанное, можно утверждать, что в структуре уставных стихов имеется общий, базирующийся на основе знаковых взаимосвязей «*Чжоу и*», принцип, характеризующийся центростремительностью и цельностью, порожденный взаимной оппозиционностью и взаимной интегрированностью частей. Пример восьмистрочных

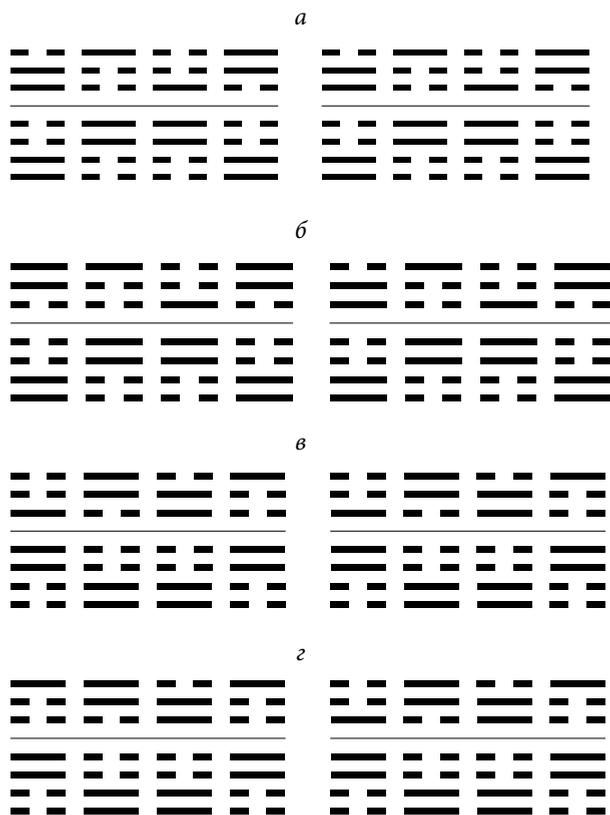

Рис. 19.

люйши позволяет определить, что внешняя связь этих частей опирается на отношения взаимной «перевернутости», а внутренняя — на взаимную антагонистичность.

Весьма знаменательно, что выражающей подобные взаимоотношения графической моделью является так называемая сунская «Карта Великого предела» (кит. *Тай цзи ту*, 太極圖) (рис. 20). Ее авторство и время возникновения в истории не зафиксировано. Появление ее в официальных сводах философских текстов и последующее широкое распространение традиционно ассоциируется с именем одного из основателей неоконфуцианства, крупнейшего философа и литератора династии Сун Чжу Си (朱熹, 1130–1200), к которому, согласно легенде, то ли напрямую, то ли через посредство друзей данный рисунок попал от неких даосских отшельников. И хотя многие положения основанных на «Чжоу и» философских систем зачастую повторяют принципы построения этой схемы, графическое ее выражение становится известным только с XII в.¹¹ В то же время нельзя не признать соотнесенность с данной схемой ряда нумерологических и сим-

Рис. 20.

太極圖

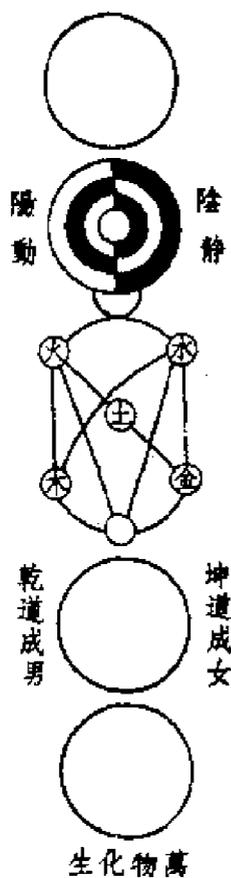

Рис. 21.

же мировоззренческих основах, которые в полной мере проявляются в последующих сунских преобразованиях конфуцианской доктрины.

Примечания

¹ Цинь (221–207 до н. э.) — китайская династия, объединившая страну в III в до н. э.

² Мавандуй (馬王堆) — название местности близ Чанша (長沙), провинция Хунань (湖南).

³ Мэнхэ — название реки на территории нынешней провинции Цзянсу (江蘇).

⁴ В некоторых сводах — глава 10.

⁵ Река Ло — название реки на территории нынешних провинций Шэньси (陝西) и Хэнань (河南).

⁶ Пин шэн — ровный тон, разделившийся в современном стандартном китайском языке *путунхуа* (普通話) на *инь пин* (陰平) — ровный тон (1-й тон *путунхуа*) и *ян пин* (陽平) — восходящий тон (2-й тон *путунхуа*).

⁷ Данная классификация не совпадает с современной классификацией тонов в *путунхуа* (普通話) ввиду отсутствия в последнем аналогов некоторым ее исходным составляющим, напри-

волических моделей, получающих широкую популярность в танское время, в том числе и описанных выше схем организации уставных стихов. Существовала ли такая связь на самом деле, и стало ли появление сунской «Карты Великого предела» неким обобщением предыдущего опыта, или данный рисунок действительно попал в руки Чжу Си случайно, сказать невозможно. Заметим только, что другие, более ранние, схемы «Великого предела», в том числе иллюстрировавшие знаменитые рассуждения на данную тему известного сунского философа Чжоу Дунь-и (周敦頤, 1017–1073), представляли собой сложные композиции из нескольких кругов, размещенных в строгой геометрической последовательности. Логическим центром композиции был круг, составленный из нескольких секторов черного и белого цветов, расположенных в порядке строгой взаимной антагонистичности, однако идея оппозиционной «перевернутости» в этой схеме представлена не была (рис. 21) [подробнее о «Карте Великого Предела» Чжоу Дунь-и см.: 14. С. 103–126].

Следовательно, совершенно очевидно, что принцип оппозиционности частей уставного стихотворения явно тяготеет именно к схеме, приведенной на рис. 20 и, значит, возможность существования некой единой философской основы, проявившейся в модели построения *люйши* и, позднее, в идее композиции данного варианта «Карты», нельзя отвергать.

Таким образом, можно сделать вывод, что коренящаяся в принципах «Чжоу и» идея о мироустроительной роли письменного слова в танское время находит воплощение в новых формах организации стиха, и предположить, что проявленные в этих формах принципы базируются на тех

мер «входящему» тону (кит. *жу шэн*, 入聲), но иногда применяется для описания некоторых китайских диалектов.

⁸ *Шан шэн* — в современной классификации соответствует нисходяще-восходящему тону (3-й тону в *путунхуа*).

⁹ *Цюй шэн* — в современной классификации соответствует «падающему» тону (4-й тону в *путунхуа*).

¹⁰ *Жу шэн* — не имеет аналогов в системе *путунхуа*; «входящий» тон, предполагающий наличие на конце слога импловивной согласной *p*, *t* или *k*. Имеется в ряде южно-китайских диалектов, например в гуандунском. При изучении основ классического стихосложения выходцы с севера Китая в последующие эпохи должны были выучивать наизусть те иероглифы, которые изначально принадлежали к тону *жу шэн*, комбинируя их в 17 специально составленных групп [10. С. 26–31].

¹¹ Сразу оговоримся, что декоративный мотив, сходный с данной схемой «Карты Великого предела», встречается еще на иньских бронзовых изделиях [2. С. 56], но философская его привязка именно к данной философской категории впервые появляется только при Сун.

Литература

1. Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений»: Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии / Издание текстов, предисл., пер. и коммент. Л. Н. Меньшикова. Отв. ред. Б.Л. Рифтин. М., 1963.
2. Ван Гуллик Р. Сексуальная жизнь в древнем Китае. СПб., 2000.
3. Серебряков Е. А. Ду Фу: Критико-биографический очерк. М., 1958.
4. Серебряков Е. А. Китайская поэзия X–XI веков. Жанры ши и цы. Л., 1979. С. 248.
5. Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики / Пер. с кит. Г. Н. Райской. М., 1954. С. 261.
6. Вахтин Б. Б. Возможен ли научный подход к художественному переводу? // Народы Азии и Африки. 1965. № 3. С. 139–146.
7. Еремеев В. Е. Символы и числа «Книги перемен». М., 2005. С. 600.
8. Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А. И. Кобзева. М., 1993. С. 606.
9. Эйдлин Л. З. Заметки о переводе иероглифической поэзии на русский язык // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 109–117.
10. Ван Ли. Ши цы гэлюй гайяо (Основы метрики стихов ши и цы). Пекин, 2002. С. 224.
11. Да Дай ли цзи цзегу Ван Пинь чжэнь чжуань (Толкование «Да Дай ли цзи». Толкование Ван Пинь-чжэня). 大戴禮記解詁. 王聘珍撰. Пекин, 1983. С. 261.
12. Дао шу шиэр чжун (Даосские книги двенадцати категорий). 道書十二種. Бм., бг. С. 705.
13. Ле-цзы. Комментарий Чжан Чжэня. 列子. 張湛注. Шанхай, 1986. С. 101.
14. Лян Шао-хуй. Чжоу Дунь-и пинчжуань (Комментированная биография Чжоу Дунь-и). 梁紹輝. 周敦頤評傳. Нанкин, 1994. С. 451.
15. Хань юй да цыдянь (Большой словарь китайского языка) / Глав. ред. Ло Чжу-фэн. 漢語大詞典. 主編羅竹風. Шанхай, 1986. Т. 1–12.
16. Хань Юн-лань. Чжоу и цзе юань (Разъяснения Книги перемен). 韓永覽. 周易解源. Пекин, 1991. С. 485.
17. Чжан Янь-шэн. И сюэ жу мэнь (Введение в ицзинистику). 張延生. 易學入門. Пекин, 2004. С. 383.
18. Шицзин (Книга песен) / Под ред. Цинь Ина. 詩經. 責任編輯 秦穎. Чанша, 1993.
19. Шуфа чжиши цянь ти (Тысяча вопросов о каллиграфии) / Сост. Чжоу Цзюнь-цзе. 書法知識千題. 周俊傑編著. Чжэнчжоу, 1991. С. 990.

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94.32.327.2;325.36

С.Е. Григорьев

НЕИЗВЕСТНАЯ КАРТА КАБУЛА ИЗ СОБРАНИЙ АРХИВА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

«Большая игра» — «The Great game» закончилась. Этим словосочетанием западные и прежде всего британские политики, политологи, историки традиционно называли империалистическое соперничество между Британской и Российской империями за господство над Центральной Азией в период с 1813 по 1907 г. Существует несколько версий того, кто первым ввел в политический и научный обиход это словосочетание, которое используют вплоть до настоящего времени. Большинство исследователей полагает, что «изобретателем» этого термина был классик британской литературы, первый британский лауреат Нобелевской премии в области литературы — «бард британского империализма» (так его называли советские литературоведы) Редьярд Киплинг. Впервые это словосочетание встречается в его малоизвестном в России романе «Ким».

Это противостояние — «холодную войну XIX в.» советские исследователи обычно именовали русско-британским колониальным соперничеством в Азии. Британия опасалась усиления Российской империи, ее возможного выхода к Индийскому океану через Иран (Персию) и Афганистан и военного похода русской армии в Британскую Индию. Российская же империя оправдывала свое движение на юг — в те территории, что тогда именовали Туркестаном, желанием «цивилизовать», как тогда казалось, его отсталые народы, прекратить набеги кочевников на русские владения, открыть местные рынки для русских товаров и получить доступ к местному сырью — прежде всего хлопку, в котором так нуждалась бурно развивавшаяся русская промышленность.

Уже давно нет Британской и Российской империй. Нет и СССР. Но в центре Азии — в Таджикистане — после распада СССР в начале 90-х годов XX в. оставались русские погранзаставы, передачу которых таджикским пограничникам в 2004 г. можно считать завершающим ходом «Большой игры» в ее киплинговском, викторианском понимании. Русские пограничники ушли и с территории Памира — одной из высочайших горных областей Евразии, лежащей в пределах Горно-Бадахшанской автономной области республики Таджикистан и провинции Бадахшан соседнего Афганистана.

Памир долго был «передним краем» русско-британского противостояния. На юге лишь длинный Ваханский коридор (в самом узком месте его ширина не превышает 11–12 км), принадлежащий Афганистану, отделял русские владения в Центральной Азии от британских территорий в Индии. Передача усилиями британской дипломатии Ваханского коридора Афганистану в середине 90-х годов XIX в. знаменовала собой окончательное его превращение в страну-буфер, отделявшую Британскую и Российскую империи в Азии друг от друга.

Памир, лежащий в центре Азии, во второй половине XIX в. был ареной столкновения интересов нескольких государств — России, Британии и Китая. По англо-русскому соглашению 1872 г. Памир считался сферой влияния Российской империи. Однако до начала 90-х годов XIX в. Россия не проявляла большого интереса к этому труднодоступному району в центре Азии. Поэтому соседи российской империи — Китай, Британия и ее протекторат — Афганистан — пытались укрепиться там.

В 1883 г. войска афганского эмира Абдурахман-хана заняли на время западнопамирские бекства — Рошан и Шугнан, оставив по себе дурную славу своими зверствами. В 1884 г. в восточные районы Памира, где обитали преимущественно киргизы, считавшие себя подданными «Белого царя», т. е. императора Российской империи, вторглись военные отряды Цинской империи, которые к 1889 г. успели построить свои военные посты и форты даже в центральных районах Памира. В конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. участились поездки британских офицеров из Индии в восточный и центральный Памир с целью проведения разведки.

Весной 1891 г. генерал-губернатор Туркестанского края Российской империи барон А. Вревский отдал приказ отряду под командованием полковника М.Е. Ионова восстановить справедливость на Памире. Отряд, состоявший из 122 человек, прошел по восточным пределам южного Памира. Затем, перейдя через хребты Восточного Гиндукуша, зашел на территорию ханства Ясин, соседствовавшего с территорией вассального англичанам княжества Кашмир, и вернулся обратно на Памир. С территории Памира этим отрядом были выдворены несколько английских офицеров, проводивших рекогносцировку, а также китайские разъезды.

В 1892 г. большой по численности отряд Оренбургских казаков и пехотинцев Туркестанского военного округа под командованием все того же полковника М.Е. Ионова совершил так называемый второй Памирский поход, в ходе которого на восточном Памире имело место вооруженное столкновение между русскими и афганскими войсками, а потом бой с китайским отрядом. В обоих случаях победу одержал русский отряд. Для закрепления за Россией восточного Памира в самом его центре в 1892 г. было построено укрепление, названное Памирским постом (сейчас — поселок Мургаб, являющийся административным центром восточной части Горно-Бадахшанской автономной области республики Таджикистан), бывшим вплоть до 1895 г. главной русской военной базой на Памире. В 1893–1894 гг. афганские и китайские разъезды и патрули неоднократно пытались проникнуть на ставший уже русским Памир. Однако они всегда встречали там достойный отпор.

Русские офицеры внесли большой вклад в изучение Памира. Среди этих первопроходцев особо хотелось бы отметить капитана А.Г. Скерского, подполковника Н.Н. Юденича (будущего выдающегося полководца Первой мировой войны и одного из вождей белого движения) и полковника М.Е. Ионова. Летом 1894 г. русские отряды вышли к реке Пяндж, отделявшей Афганистан от Российской империи (так называется река

Аму-Дарья в верхнем ее течении), куда потом в окрестности кишлака Хорог была перенесена из Памирского поста штаб-квартира русских войск на Памире. Хорог стал впоследствии административным центром русского и советского Памира.

В 1897 г. в Хороге был расквартирован пограничный отряд, созданный на базе русских войск, находившихся на Памире. Вследствие геополитической важности этого района и его стратегического значения для Российской империи, он состоял не из чинов Отдельного корпуса пограничной стражи, а из солдат, унтер-офицеров и офицеров регулярной русской армии и непосредственно подчинялся Главному штабу российской армии. Численность его личного состава — в среднем от 150 до 400 нижних чинов, унтер-офицеров и офицеров.

Первым начальником Памирского поста в 1896–1897 гг. был полковник, а потом генерал-майор Михаил Ефремович Ионов. В 1897–1902 гг. Памирским постом и памирским погранотрядом командовал штабс-капитан Карл Кивекэс. Именно при нем и в значительной степени благодаря его усилиям штаб русских войск на Памире был перенесен в Хорог. В 1902–1904 гг. начальником Памирского погранотряда был капитан Андрей Евгеньевич Снесарев. Подполковник Николай Михайлович Муханов был начальником отряда с 1904 по 1912 г. С 1912 по 1914 г. начальником Памирского отряда служил подполковник Генерального штаба Григорий Андреевич Шпилько. Последним командиром русских войск на Памире с 1914 по 1918 г. был полковник Иван Дионисиевич Ягелло.

Все эти люди были выдающимися военными деятелями. М.Е. Ионов дослужился до звания генерала от инфантерии, был награжден многими орденами, был губернатором Семиреченской области и погиб в 1920 г. в боях с отрядами Красной Армии на границе Казахстана и Синьцзяна. Карл Кивекэс — швед по происхождению, уроженец великого княжества Финляндского, дослужился до звания генерал-майора, а в 1919 г. был назначен маршалом К.Г. Маннергеймом комендантом Свеаборгской крепости уже независимой Финляндии. А.Е. Снесарев дослужился до звания генерал-лейтенанта, после октябрьского переворота 1917 г. перешел на сторону красных, был военспецом при обороне Царицына, где вступил в конфликт с И. Сталиным. Впоследствии находился на преподавательской работе в ряде военных академий СССР. С 1930 по 1934 г. отбывал заключение в Соловецком лагере особого назначения. Умер в 1937 г. Н.М. Муханов дослужился до чина генерал-майора русской армии, который был присвоен ему в годы Первой мировой войны. Во время гражданской войны он некоторое время служил в частях Белой гвардии, воевавших в Туркестане, но потом перешел на сторону советской власти, служил военспецом во второй Туркестанской дивизии. И.Д. Ягелло дослужился до звания полковника, командовал полком в годы Первой мировой войны. После октябрьского переворота перешел на сторону большевиков, служил в Ярославле, Ташкенте, в начале 30-х годов XX в. преподавал язык хинди в военной академии РККА (сейчас академия им. М.В. Фрунзе).

Эти офицеры были также крупными учеными и исследователями Памира, Центральной Азии, Афганистана и Индии [1]. Н.М. Муханов написал «Военно-стратегическое описание Туркестанского военного округа. Памирский район» и был автором персидско-арабско-русского словаря. И.Д. Ягелло составил персидско-русский словарь, в котором зафиксированы многие слова, распространенные только на афганском и русском Памире.

А.Е. Снесарев был выдающимся афганистом, знатоком Индии и Центральной Азии

и автором многих книг и статей, не потерявших своей значимости и сейчас. Список научных трудов этих людей и многих других офицеров русской армии, служивших на Памире в конце XIX — начале XX в., можно продолжать очень долго.

Одной из важнейших задач, вмененных в обязанности офицеров памирского погранотряда, было всестороннее и прежде всего военно-географическое изучение территории соседнего Афганистана и севера британской Индии. Это изучение, а точнее разведка, осуществлялась самыми разными, в том числе и агентурными, способами. Командованием Туркестанского военного округа и генеральным штабом русской армии, которому подчинялся памирский погранотряд, Афганистан, бывший британским протекторатом, рассматривался в качестве потенциального врага, и считалось, что в случае войны между Российской и Британской империями он будет верным союзником последней.

Подписание в 1907 г. русско-британской конвенции о разделе сфер влияния в Азии между двумя империями практически сняло с повестки дня вопрос о русско-британском вооруженном столкновении в глубинах Азии. Однако разведывательная деятельность русской императорской армии на Памире продолжалась вплоть до 1917 г.

Корпус военных топографов Императорской русской армии и его Военно-топографическое депо были важнейшими органами русской военной разведки и обеспечивали точными картами всю российскую армию. Императорское русское географическое общество, учрежденное Высочайшим соизволением в 1845 г., также вносило свой заметный вклад в военно-картографическое обеспечение армии Российской империи, а также организовывало экспедиции многих выдающихся русских географов, включая и военных, во многие районы мира и Российской империи, в том числе и в недавно завоеванный Туркестан.

Англичане также изучали Афганистан и русские владения в Центральной Азии с военной точки зрения. Существовавшая в Британской империи Военно-топографическая и геодезическая служба Королевского географического общества отвечала за составление подробных карт территорий самой империи, ее соседей, а также потенциальных театров военных действий, на которых могли бы воевать британские войска. В Британской Индии на правах отделения Военно-топографической и геодезической службы Королевского географического общества имелось Управление большой тригонометрической съемки Индии. На земли русского Туркестана неоднократно инкогнито прибывали британские разведчики, обычно бывшие уроженцами Британской Индии и выдававшие себя за паломников, купцов, дервишей и т. п.

Некоторое время тому назад во время работы в архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге мое внимание привлек документ, озаглавленный «Пояснения к плану города Кабула, составленному начальником Памирского отряда Генерального штаба подполковником Шпилько в 1914 г. (с планом города Кабул). Копия» [2].

Подполковник Генерального штаба Григорий Андреевич Шпилько командовал Памирским отрядом с 1912 по 1914 г. Он родился в 1876 г. в г. Ржев. Закончил Ржевскую гимназию, а в 1896 г. пехотное училище в Санкт-Петербурге. В звании подпоручика и поручика служил в 157-м пехотном Имеретинском полку. Стал поручиком в 1900 г. Участвовал в русско-японской войне. В 1904 г. ему был присвоен чин штабс-капитана. В 1907 г. Г.А. Шпилько окончил Николаевскую Академию генерального штаба. Стал капитаном в 1907 г. и опять проходил службу в 157-м Имеретинском полку. В 1909–1912 гг. был обер-офицером для поручений при штабе Туркестанского военного округа в Таш-

кенте. С 1912 по 1914 г. был начальником Памирского пограничного отряда. В 1913 г. ему был присвоен чин подполковника, а в 1914 г. — полковника русской армии. Это очень быстрое чинопроизводство. Принимал участие в Первой мировой войне. После октябрьской революции в 1918 г. вступил в Красную Армию. И там он занимал высокие посты. В 1919–1923 гг. был начальником штаба Петроградского военного округа. Позже занимался наукой. Скончался в 1936 г. Был награжден орденами Св. Станислава III и II степени и Св. Анны III степени [3].

Григорий Андреевич Шпилько внес значительный вклад в «обустройство» и изучение русского Памира. При его активном участии на реке Гунт была построена малая гидроэлектростанция. Электричество, выработанное на ней, освещало здания памирского отряда и центральные улицы Хорога. Г.А. Шпилько первым изучил Сарезское озеро, образовавшееся после землетрясения 1911 г. на месте кишлака Усой, уничтоженного скально-земляным завалом вместе со всеми своими жителями. Его подчиненный поручик Н.Л. Корженевский, ставший впоследствии выдающимся русским и советским географом, гляциологом и одним из основателей Ташкентского университета, много раз исследовал восточный и западный Памир и сделал первые фотоснимки одной из высочайших вершин — 7134 м — Российской империи (впоследствии СССР), сменившей за менее чем сто лет три названия — пик Кауфмана, пик Ленина, пик Абуали Ибн Сино. Перу Н.Л. Корженевского принадлежит много исследований, а также книга путевых записок «Через Памир к Гиндукушу», насыщенная в том числе и информацией этноконфессионального характера.

Упомянутый нами выше документ, озаглавленный «Пояснения к плану города Кабула, составленному начальником Памирского отряда Генерального штаба подполковником Шпилько в 1914 г. (с планом города Кабул). Копия», состоит из трех частей: 1) собственно карты Кабула — столицы соседнего Афганистана, 2) «пояснения к плану города...» и 3) семи (по всей видимости, исходных) страниц текста на языке дари (фарси-кабули). Карта, очевидно, является копией оригинала, местонахождение которого нам не известно.

«Пояснения к плану города...» представляют собой машинописный текст на русском языке объемом в 21 страницу. Страницы 18 и 19 отсутствуют. На 21 странице имеется дата — 18 августа 1914 г. Видимо, это дата составления «Пояснений к плану города Кабула...» Приводится также и место их составления — пост Хорог. Документ подписан начальником Памирского отряда Генерального штаба подполковником Шпилько. «Пояснения к плану города Кабула...» снабжены указателем о «назначении зданий», который содержит шесть разделов:

1. Дворцы и здания, принадлежащие эмиру и членам эмирского рода — всего 36 объектов.
2. Школы — 3 объекта.
3. Мечети — 25 объектов.
4. Казармы — 6 объектов.
5. Базары — 28 объектов.
6. Караван-сарай — 12 объектов.

Напротив каждого из разделов указаны номера этих объектов на карте. «Пояснения к плану города Кабула» начинаются краткой — всего две страницы машинописного текста — (но не всегда точной) информацией о городе. Указывается местоположение столицы Афганистана, его высота над уровнем моря — 2000 футов над уровнем моря

(это не соответствует истине, поскольку Кабул находится на высоте около 1400 м, т. е. около 5 тысяч футов над уровнем моря), перечисляются основные дороги, подходящие к Кабулу. Особенно важным, поскольку статистика никогда не была сильной стороной Афганистана, представляется указание на численность населения его столицы — 60 тыс. человек. Большое внимание в «Пояснениях к плану города Кабула...» уделяется основным военным укреплениям столицы Афганистана, из которых упоминаются: Шерпур, Арк и Бала Хиссар. В «Пояснениях к плану города Кабула...» имеется упоминание о землетрясении, имевшем место 14 октября 1874 г., в результате которого было разрушено более тысячи домов и погибло немало жителей города.

В «Пояснениях к плану города Кабула...» подчеркивается, сохранившееся и сейчас, деление города на две части: «старую» — *шар-и кухня* и «новую» — *шар-и нау*. Там же отмечается, что в старом городе, лежащем на правом берегу реки Кабул-Дарья, улицы узки, грязны, извилисты и мало пригодны для колесного транспорта. Там практически нет садов и парков, но есть множество караван-сараев и базаров. Старый город Кабула в основном заселен бедным людом. Новый же город, расположенный на левом берегу реки Кабул-Дарья, отличается почти что европейской планировкой, прямыми, широкими улицами, пригодными для движения велосипедов и автомобилей. Там много публичных садов, особняков и вилл, принадлежащих элите афганского общества – членам эмирского рода и высокопоставленным чиновникам.

Далее даются краткие сведения о важнейших объектах Кабула, которые представлены в следующих разделах [2. С. 4–21]:

1. Новый город со 135 объектами — фортами, кишлаками, кладбищами (в том числе и христианским — «*макбара-йи мардом-и англиз*» (существующее и сейчас так называемое «английское кладбище»), где похоронены английские солдаты и офицеры, погибшие в Кабуле во время первой и второй англо-афганских войн, а также немногочисленные европейцы, скончавшиеся в Кабуле в XIX и XX вв., среди которых можно упомянуть и Ориэла Стейна — известного британского востоковеда и исследователя «Великого шелкового пути», умершего в Кабуле в начале 40-х годов XX в.). В этом разделе упомянуты также мечети, казармы, здания, занятые государственными учреждениями, склады, дома членов семьи эмира и его родственников, конюшни, госпитали, здание английского дипломатического представительства (*хана-йи сафир-и англиз*), караван-сарай, общественные бани, базары, мельницы, хлебопекарни, «полицейские участки», государственный военный завод (*машин-хана*, называвшийся жителями Кабула *инджин*, индуистский храм (*дхарма-сал-и хиндуха*), пруды, комплекс эмирских дворцов (Арк).

2. Мосты через реку Кабул. Перечислены и кратко охарактеризованы 7 постоянных мостов через реку. Даются их названия. Указаны материалы из чего они сделаны — камень, дерево, металл. Особо отмечается грузоподъемность мостов, а также имеются указания на то, могут ли через них переправляться всадники и гужевого транспорт. Приводятся сведения о числе устоев мостов. В тексте раздела приводятся также неполные чертежи двух мостов.

3. Старый город с 67 объектами — площадкой для игры в крикет, теннис, площадью для народных гуляний (*Чаман-и айина хана*), мечетями, государственными учреждениями, караван-сараями, базарами (с указанием продаваемых товаров), банями, домами афганской знати, крытыми торговыми улицами, тюрьмами, мазарами (могилами мусульманских святых), индуистскими храмами и т. п.

В «Пояснениях к плану города Кабула...» приводятся также чертежи стен и рвов

Кабульской цитадели — Арка и мостов через реку Кабул; рисунки некоторых городских достопримечательностей.

Город Кабул — столица Афганистана — дан на карте в масштабе 25 саженей в одном дюйме. На ней обозначены р. Кабул, главные дороги, улицы, кварталы, площади, казармы, форты, мосты, мечети, мазары, индуистские храмы, дворцы и дома афганской знати, базары, караван-сарай, фабрики и школы, сады, поля и холмы. Объекты, указанные на карте, имеют порядковые номера от 1 до 242. В «Пояснении к плану города Кабула...» даются краткие сведения о каждом из них. Например: «120 — “Дохтур-хана”; казенный дом для индусского врача» [2. С. 12.] «135 — “Джо-и англиза”; дом, построенный на средства эмира для квартир английских инженеров, мастеровых и служащих на фабрике» [2. С. 13].

На трех с половиной больших, не пронумерованных листах, которые помещены перед «Пояснениями к плану города Кабула...», дается некомментируемый список всех кабульских объектов на языке дари. Список написан карандашом четким «писцовым» почерком *насталик* с элементами скорописного почерка *шикасте* и имеет номера от 1 до 242. Объекты с порядковыми номерами от 135 до 143 в разделе на языке дари отсутствуют. Список на языке дари в целом аутентичен списку на русском языке.

Изучение этой части документа указывает на то, что информатором начальника Памирского отряда Генерального штаба подполковника Григория Андреевича Шпилько был афганец, по всей видимости, кабульский чиновник. Сначала он составил список на языке дари. Потом список был переведен на русский язык (правда, с ошибками) и прокомментирован. Вероятно, что карта Кабула была сделана со слов информатора уже в Хороге. Достоверных карт Кабула начала XX в. нет. Есть только несколько схематических планов, которые являются приложениями к мемуарам нескольких англичан и американцев, посетивших Афганистан в начале XX в. по служебным целям. Подданных же Российской империи, официально посетивших Кабул в XIX — начале XX в., можно перечислить по пальцам. Это, во-первых, И. Виткевич — адъютант Оренбургского военного губернатора, поручик Русской армии, побывавший в 1837–1838 гг. в Афганистане и заключивший тогда выгодный для России русско-афганский договор с правителем кабульского княжества Дост Мухаммад-ханом. Однако результаты его деятельности в Афганистане были сведены на нет под нажимом Великобритании, а он сам по возвращении в Санкт-Петербург покончил жизнь самоубийством или был убит.

Его бумаги, дневники и документы (среди которых, вероятно, имелась и карта города Кабула) исчезли перед его гибелью [4. С. 200]. В 1878 г. Кабул посетило русское посольство во главе с генералом Н.Г. Столетовым, перед которым были поставлены политические задачи, направленные не только на укрепление русско-афганских отношений, но и на отвлечение внимания англичан от событий на Балканах, следовавших после окончания Балканской войны. Один из членов этого посольства — русский военный врач И.Л. Яворский — написал и издал книгу воспоминаний о своем путешествии в Афганистан [5], где дается краткое (к сожалению, без карты) описание афганского столичного города.

Карта Кабула, входящая в состав «Пояснения к плану города Кабула, составленного начальником Памирского отряда Генерального штаба подполковником Шпилько в 1914 г. (с планом города Кабул). Копия» особенно ценна тем, что она показывает нам тот Кабул, которого сейчас уже давно нет. В конце 50-х — начале 60-х годов XX в. через центральную часть старого города — *шар-и кухня* была проведена главная магистраль

столицы — проспект Майванд. В ходе реконструкции центра Кабула были снесены сотни домов, десятки караван-сараев и базаров, ликвидированы несколько улиц и, к сожалению, уничтожен ряд исторических памятников.

Историю появления документа «Пояснения к плану города Кабула, составленному начальником Памирского отряда Генерального штаба подполковником Шпилько в 1914 г. (с планом города Кабул). Копия» в архиве Русского географического общества нам выяснить, однако, не удалось. Также неудачей закончилась наша попытка проиллюстрировать эту статью планом города Кабула, извлеченным из этого документа.

«Пояснения к плану города Кабула...», сделанные на базе материалов, полученных из Афганистана, — ценный источник по исторической географии и истории этого города и одновременно письменный памятник, созданный русскими военными разведчиками и исследователями Афганистана и Центральной Азии в краткий исторический период, последовавший после завершения «Большой игры» в Центральной Азии, продлившийся лишь до 1917 г.

Литература

1. *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005.
2. Пояснения к плану города Кабула, составленному начальником Памирского отряда Генерального штаба подполковником Шпилько в 1914 г. (с планом города Кабул). Копия // АРГО. Разд. 87. Оп. 1. Ед. хр. 10. Д. Ж-20.
3. Подробнее о начальниках Памирского пограничного отряда, служивших в Красной Армии см.: *Кавтарадзе А.Г.* Военспецы на службе Республики Советов. М., 1988.
4. *Григорьев С.Е., Харатишвили Г.С.* Россия и Афганистан: Россия и Восток. СПб., 2000. С. 200.
5. *Халфин Н.А.* Драма в номерах «Париж» // Вестник истории. 1966. № 10.
6. [Яворский И.Л.] Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Из дневников члена посольства д-ра И.Л. Яворского. Т. I–II. СПб., 1882–1883.

УДК 94

М.Ю. Илюшина

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ МАМЛЮКСКОГО ФЕНОМЕНА В ЕГИПТЕ В ОСМАНСКИЙ ПЕРИОД (XVI–XVIII вв.)*

Институт мамлюков прошел несколько этапов исторического развития. В XIII в. мамлюки, которых знаменитый средневековый мыслитель Ибн Хальдун назвал поборниками веры и защитниками мусульман, сохранившими «нрав кочевников, не испачканный дурными качествами, не перемешанный с грязью наслаждений, не испорченный благами цивилизации...» [66. 428. ص], остановили продвижение крестоносцев и были единственной военной силой, способной противостоять монгольским войскам, стремившимся после захвата Багдада на запад, в Сирию и Египет. Государство, созданное мамлюками, просуществовало около двухсот пятидесяти лет. После того как в 1517 г. мамлюки потерпели поражение от армии Селима I и Египет вошел в состав Османской империи, традиционная идеология и система организации мамлюкской элиты была адаптирована к изменившимся условиям. «Османизация» позволила мамлюкам выжить, восстановить силы, консолидироваться и нанести ощутимый удар по устоям османской государственности, предложив собственный альтернативный проект управления Египтом в форме бейликата. Кульминацией продвижения мамлюков к обладанию всей полнотой власти в Египте стала предпринятая в середине XVIII в. 'Али-беем аль-Кабиром попытка создать централизованное суверенное мамлюкское государство и возродить могущественную империю мамлюков. Изучение истории Египта в период османского владычества позволяет выявить содержание элементов, формирующих мамлюкский культурный архетип, в условиях, когда политический, социальный и экономический статус мамлюков претерпел значительные изменения в результате насильственной смены государственной власти.

Обширный материал для изучения истории Египта XVI–XVIII вв. дают архивные финансовые и юридические документы. В 1954 г. в Каире был основан Национальный архив¹, в котором были собраны документы, доставленные из Европы, США, Ближнего Востока для изучения истории королевской семьи, а также обширные собрания, находившиеся ранее во дворце аль-'Абидин²: судебные акты, приказы и распоряжения, финансовая документация XVII–XVIII вв. и др. Некоторые материалы Национального архива еще не прошли надлежащую обработку и остаются вне поля зрения исследователей³. Часть документальных свидетельств османской эпохи находится в Архиве общего хранения в Цитадели (дафтархана Мухаммада Али)⁴, в Египетской Публичной библиотеке⁵, в Архивах земельной собственности Каира и Александрии⁶. Последние

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© М. Ю. Илюшина, 2009

содержат протоколы заседаний Военного суда с 1553 по 1875 г., а также детальную информацию о товарах и ценах, о событиях повседневной жизни, традициях и обычаях жителей названных городов [69. 15, 19, 22. ص.]. Большим архивным материалом, в значительной мере нуждающимся, однако, в сортировке и каталогизации, располагает Коптская Патриархия, монастырь Св. Екатерины и Министерство вакфов [68]. Часть документов из библиотеки монастыря Св. Екатерины благодаря усилиям египетских ученых была отснята на пленку; микрофильмы хранятся в музее филологического факультета Александрийского университета. Особую ценность представляет собой Архив Главных шариатских судов⁷. Там же хранятся протоколы Верховного дивана, самый ранний из которых датирован 1740 г. [72. 21–23. ص.].

Целый пласт первоисточников составляет вакуфная документация, которая при внимательном изучении позволяет воссоздать отдельные эпизоды истории, подтвердить, опровергнуть или дополнить свидетельства хронистов, путешественников; используется как мощный ресурс для научных изысканий в области мусульманского права, архитектуры, социологии, экономики, политики [20. Р. iii]. Существенные дополнения в объективную картину политической, социальной, экономической и культурной жизни Египта второй половины XVIII в. внесли публикации Даниэля Креселиуса, посвященные тщательному анализу вакуфной документации Мухаммад-бея 'Абу-з-Захаба [10, 12]. Вакуфная документация и другие архивные материалы легли в основу широко известного среди специалистов труда Андре Рэмона, вышедшего в свет в Дамаске в 1973–1974 гг. [30].

Постоянную работу в хранилищах страны ведут арабские ученые⁸. Подробный обзор и классификация документов, которые содержат информацию об экономике Египта в османский период, был представлен 'Абд ар-Рахимом 'Абд ар-Рахманом 'Абд ар-Рахимом. Он выделяет записи об ильтизамах, таможенные документы, записи о выдаче пайков и фуража, вакуфную документацию, административные, налоговые и судебные документы, записи диванов, а также единственную обнаруженную им тетрадь с записями, касающимися финансово-юридической стороны постройки и содержания мостов [72. 15–23. ص.]. Особого внимания заслуживает работа доктора 'Абд аль-'Азиза Нуvara «*Ан-Нахда ал-'арабия ал-хадиса*», вышедшая сравнительно недавно — в 2002 г. Она содержит тексты целого ряда документов второй половины XVIII — начала XIX в., в том числе несколько писем австрийских дипломатов, свидетельства об учреждении 'Али-беом аль-Кабиром вакфов, его обращение к жителям Дамаска, которое датируется 1770 г. и др. [73]. Изучением финансовых документов XVII–XVIII вв. занималась доктор Лейла 'Абд аль-Латиф 'Ахмад. Она отмечает, что большинство записей сделано особым почерком⁹, который невозможно расшифровать без предварительной специальной подготовки. Это своеобразная скоропись, содержащая укороченные и удлиненные буквы, а также знаки, совмещающие в себе сразу две или три буквы [75]. Для ведения документации в купеческих и ремесленных гильдиях использовали специальную систему знаков, которая делала внутреннюю информацию недоступной для посторонних [1. Р. 1427]. Для того чтобы разобрать и упорядочить весь огромный архивный материал османской эпохи в Египте, требуются значительные усилия и время, и до сих пор часть документов остается труднодоступной не только для зарубежных, но и для местных исследователей. В последнее время к изучению документальных свидетельств XVI–XVIII вв. активно подключаются молодые арабские исследователи [67, 69]. Неоценимым помощником в работе с документами каирских архивов является каталог, выпущенный Мухамма-

дом Мухаммадом Амином. Он включает в себя факсимильное издание нескольких рукописных бумаг, которое сопровождается построчным «переводом» на современный арабский язык текстов, записанных специфическим средневековым почерком [76].

Некоторый объем данных, позволяющих раскрыть отдельные аспекты политической деятельности египетских беев, находится в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В Архиве внешней политики Российской империи содержатся материалы по истории русско-турецких войн. Большой интерес представляют также фонды «Сношения России с Мальтой» и «Сношения России с Венецией», включающие в себя информацию о развитии дипломатических контактов между Россией и Египтом.

Большая часть источников, связанных с историей внешней политики России XVIII в., находится в Российском государственном историческом архиве в Петербурге, в частности, «переписка В. Нессельроде с С.Р. Воронцовым о текущих событиях международной жизни (20 апреля 1781 г. — 3 мая 1793 г.)» (Ф. 1676), которая представляет подробное описание русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Уникальный материал для исследования имперской политики 'Али-бея аль-Кабира и мамлюкского феномена в целом представляют собой письма «князя египетского Григория Гаджи-бея» на имя императора Павла I [47, 59].

Фонды Российского государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного архива Военно-Морского флота, а также ряд опубликованных документальных источников были подвергнуты тщательному изучению в трудах И.М. Смилянской [61], а также в исследованиях Т.Ю. Кобищанова, посвященных контактам между Российской империей и мамлюкскими беями Египта в последней трети XVIII в. [49, 50].

В Российском государственном архиве Военно-морского флота хранится значительное количество материалов, посвященных русско-турецкой войне 1768–1774 гг. и действиям русского флота в Архипелаге Средиземного моря. Среди документов фонда Военно-походной канцелярии адмирала Г.А. Спиридова особого внимания заслуживает рапорт лейб-гвардии Преображенского полка поручика барона Магнуса о переговорах с шейхом Дахиром и письма последнего, адресованные графу А.Г. Орлову с описанием подготовки 'Али-бея к последнему походу в Каир и битвы при ас-Салихии [56]. В документах РГАВМФ находятся свидетельства того, что командование российской эскадры в Архипелаге предприняло по крайней мере одну, вероятнее всего, безуспешную попытку установить контакт с Мухаммад-беем 'Абу-з-Захабом, после того как он пришел к власти в Египте, а также рапорт адъютанта Г. Ризо с подробным описанием турецкого судна с «подарками... посылаемыми от султана в Египет к Мехмет-бею в награждение его повинения и подати, которую он послал из Египта к султану...» [57, 58]. Упомянутые выше документы представляют значительный интерес для изучения периода правления Мухаммад-бея 'Абу-з-Захаба в Египте, практически не освещенного в отечественной историографии.

Важнейшим источником исследования Египта эпохи поздних мамлюков являются летописные своды, созданные в османскую эпоху. К хроникам типа «султан-паша» [22. Р. 11; 18. Р. 215] относятся работы арабского автора XVII в. Мухаммада б. Мухаммада 'Абу-с-Сурура аль-Бакри. В его сочинении «*Аль-Кавакиб ас-са'ира фи 'ахбар миср валь-Кахира*», насколько нам известно, до сих пор неопубликованном, особый интерес представляет последняя часть третьей главы, которая содержит подробное описание деятельности выдающегося мамлюкского лидера второй трети XVII столетия Ридван-

бея аль-Факари, с 1631 по 1656 г. удерживавшего пост главы каравана паломников [46. С. 183]. Вышеназванная рукопись охватывает события вплоть до 1652 г. Укороченный вариант «Аль-Кавакиб...» (до 1632 г.) известен как «Ар-Равда аз-захия фи вулат Миср аль-Кахира аль-Му'иззия» [18. Р. 214–215]. Перу того же автора принадлежит работа, посвященная истории Османской империи. Она озаглавлена «Аль-Минах ар-рахмания фи та'рих ад-даваля аль-'усмания»¹⁰ и содержит, помимо прочего, сообщения об османских наместниках Египта. Период правления последнего из упомянутых 'Абу ас-Суруром аль-Бакри султанов — Мустафы ибн ас-Султана Мухаммада продолжался с 1617 по 1618 г. Дополнением к данной работе является рукопись под названием «Аль-Лата'иф ар-раббания фи минах ар-рахмания»¹¹, в которой на ста пятидесяти четырех страницах описаны события последующих двух лет — 1618 и 1619 гг. 'Абу ас-Сурур аль-Бакри продолжил свою летопись и довел ее до 1654 г. в «Нусрат ахль аль-иман би-даулят аль-'усман»¹². В 1976 г. в «Аль-Маджалля ат-тарихия аль-мисрия» был опубликован его труд под названием «Кашф аль-курба фи раф' ат-тулба»¹³. Истории Египта в период с 1517 по 1645 г. этот неутомимый ученый посвятил еще одно сочинение — «Ар-Равда аль-мануса фи ахбар Миср аль-махруса»¹⁴, содержащее наряду с другим материалом сообщения о деятельности военного суда [69. 21–30. ص]

Доктор 'Абд ар-Рахим 'Абд ар-Рахман 'Абд ар-Рахим, в сфере научных интересов которого одно из центральных мест занимают экономический и социальный аспекты истории османского Египта, обратил внимание на источник иного, нежели сочинения 'Абу ас-Сурура аль-Бакри и других хронистов, характера. Это комментарий к касыде народного поэта, известного под именем 'Абу Шадуф, составленный в XVII в. Йусуфом ибн Мухаммадом ибн 'Абд аль-Джавадом аш-Ширбини¹⁵. Необыкновенная популярность поэмы 'Абу Шадуфа, повествующей о нуждах и тяготах феллаха, вызвала беспокойство властей. Было принято решение написать к ней уничижительный, остроумный и стилистически доступный широким массам комментарий. Эту работу поручили Йусуфу аш-Ширбини, который родился в сельской местности, был прекрасно знаком с языком, обычаями, повседневной жизнью египетских крестьян. О его биографии имеются весьма скудные сведения: аш-Ширбини окончил университет Аль-Азхар, сам стал преподавать, читал проповеди, в 1664 г. совершил хадж. Первая часть написанного им сочинения включает в себя юмористические рассказы, высмеивающие невежество, глупость и дурные привычки деревенских жителей. Во второй автор подробно комментирует касыду 'Абу Шадуфа [72. 47, 55–73. ص]. Аш-Ширбини зафиксировал в своей книге язык, особенности произношения звуков, песенную традицию феллахов, подробно описал их обычаи, праздники и даже пищу, дал детальную характеристику социального и экономического положения египетской деревни на этапе перехода к новой системе сбора налогов, получившей название 'ильтизам [72. 73–74. ص]. Эту систему Высокая Порта ввела взамен старой, переставшей быть эффективной *амана*¹⁶, и еще более ранней — *икта*¹⁷. В отличие от *икта*, который давался за службу султану, держателем ильтизама мог стать любой человек, обладающий достаточными финансовыми средствами, чтобы его приобрести, и военной силой, чтобы обеспечить сбор налогов. В Египте крупнейшими мультызамами стали офицеры оджаков и мамлюкские эмиры. Благодаря доходам от прибыльных ильтизамов эмир или бей поддерживал свой элитарный статус и тратил остальные средства на покупку, обучение и вооружение новых мамлюков — молодых членов «дома». Таким образом, он укреплял свое могущество и получал, или подтверждал, свое право занимать достойное место во властной элите

страны. В своем сочинении аш-Ширбинини, используя яркие образы, обороты живого народного языка, показал, как переходный период отразился на жизни простого феллаха, оказавшегося в крепких руках военных, в большинстве случаев — мамлюков, которые стали держателями крупных ильтизамов в деревне.

Еще одну разновидность арабских источников по истории османского Египта представляют собой записки, оставленные паломниками и путешественниками. Среди них сочинения магрибинского факиха 'Абу Салима 'Абдаллаха б. Мухаммада б. 'Абу Бахра аль-'Аййаши (1627–1680)¹⁸. Аль-'Аййаши трижды совершал хадж (в 1649, 1653, 1661 гг.) и составил подробное описание своих путешествий, в котором много внимания уделяет египетскому каравану и тому, что привлекло его внимательный взгляд и пылкий ум на многочисленных стоянках на пути в Хиджаз, в том числе и в Египте [69. 42–43. ص]. Алжирский паломник аль-Хусайн б. Мухаммад аль-Вирсилани (1713–1779) озаглавил свои воспоминания «*Нузхат аль-'анзар фи фадль 'ильм ат-тарих ва-ль-'ахбар*»¹⁹. Аль-Вирсилани совершил хадж в 1765 г., почти через сто лет после аль-'Аййаши. Сравнительный анализ двух названных работ дает возможность оценить динамику развития института паломничества в мусульманских странах Северной Африки в османский период и проследить, какие перемены наблюдались в отдельных сферах экономической, политической и социальной жизни Египта в XVII–XVIII вв. [69. 44–45. ص].

Для анализа событий истории Египта XVII–XVIII в. основополагающее значение имеет хроника 'Абд ар-Рахмана аль-Джабарти, известная в русском переводе под названием «Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий» [41, 42, 43]. Интересующий нас период с 1711 по 1798 г. охвачен в двух томах фундаментального сочинения аль-Джабарти — первом (с 1711 по 1766 г.), пока не имеющим, насколько нам известно, опубликованного перевода на русский язык, и втором (с 1776 по 1798 г.), вышедшем в 1978 г. в переводе Х.И. Кильберг с предисловием и подробными комментариями. Труд аль-Джабарти широко известен и получил высокую оценку как отечественных, так и зарубежных исследователей. Английский арабист Э.У. Лэйн назвал это произведение «превосходной хроникой событий египетской истории» [53. С. 195]. Авторитетный автор работ по мамлюкской тематике Д. Айалон подчеркивал значение хроники аль-Джабарти для изучения османского Египта [4]. Московские востоковеды Ф.М. Ацамба и С.А. Кириллина характеризуют это произведение как «одну из наиболее ярких, отмеченных исключительной информативной насыщенностью летопись» [44. С. 138]. В предисловии к выполненному им переводу третьего тома хроники аль-Джабарти известный востоковед И.М. Фильштинский пишет: «В арабской историографии XV–XIX вв. едва ли можно найти какое-либо другое сочинение, которое могло бы сравниться с нею [хроникой] как по объему, так и по научному значению заключенного в ней материала» [42. С. 8].

'Абд ар-Рахман аль-Джабарти (1756–1825) происходил из семьи потомственных ученых, преподавал в Университете аль-Азхар и был свидетелем переломной эпохи в истории своей родины. Основное внимание в своем произведении он уделит политической истории Египта, вместе с тем «Удивительная история прошлого...» содержит сведения о торговле, ремесле, налогообложении, яркие зарисовки повседневной жизни горожан, множество уникальных фактов биографического характера.

Для написания «Удивительной истории прошлого...» аль-Джабарти использовал более ранние хроники. Среди них труды 'Ахмада Шалаби²⁰ и 'Ахмада ад-Дамирдаши²¹, охватывающие период с 1688 по 1737 и 1755 гг. соответственно. Обе работы представ-

ляют собой, по мнению некоторых западных исследователей, отдельную арабо-османскую ветвь исторической литературы, в которой органично соединились две традиции и два языка [13. Р. 73]. 'Ахмад Шалаби располагает материал в соответствии с периодами правления османских наместников и сообщает о событиях, очевидцем которых в большинстве случаев был сам. Достоверность его хроники подтверждается архивными документами [72. 84, 90-91. ص]. Рукопись 'Ахмада Шалаби была издана в Каире в 1978 г. и стала источником научных изысканий как зарубежных, так и российских востоковедов [16, 22].

Ряд летописей конца XVI — начала XVII в., сходных по стилю изложения и перекликающихся по содержанию, составляют, по мнению исследователей, единый комплекс [19. Р. 270; 22. Р. 19]. Сравнительный анализ этих рукописей, известных под общим названием «Хроника ад-Дамирдаши», провел арабский ученый 'Абд аз-Захаб Бакр. Он предположил, что манускрипты написаны четырьмя авторами, либо представляют собой разные версии первоначального, неизвестного современным исследователям текста. Весь комплекс рукописей ад-Дамирдаши был издан в переводе и под редакцией Даниэля Креселиуса и 'Абд аз-Захаба Бакара в 1991 г. [2].

Арабские ученые внесли большой вклад в изучение источников по истории Египта в османский период. Благодаря их кропотливой работе научному сообществу стали доступны ранее неизвестные манускрипты. В 1968 г. на страницах журнала «*Аль-Маджалля ат-тарихия аль-мисрия*» была опубликована рукопись 'Али б. Мухаммада аль-Шадхили «*Зикр ма вака' байна аскара аль-махруса аль-Кахира*»²², которая датируется 1711 г. Она была одним из основных источников исследования Андре Рэмона, посвященного событиям «Великого возмущения», имевшим место в Египте в начале XVIII в. [31]. Анвар Заклама в своей работе, посвященной истории мамлюкского Египта [65], сообщает о коптском историке по имени Шамс ад-Дин. Особого внимания, по мнению Закламы, заслуживает труд этого автора, проливающий свет на экономическое положение Египта в османскую эпоху [65. . 10]. Доктор Лейла 'Абд ал-Латиф 'Ахмад провела исследование и подготовила к публикации рукопись 'Ахмада ар-Рашида «*Хусн ас-сафа ва-ль-ибтихадж би-зикр ман валля имарат аль-хаджж*»²³. Автор летописи повествует о событиях исламской эпохи вплоть до 1764 г., сосредоточив внимание на вопросах, связанных с организацией в Египте ежегодного паломничества мусульман в Священные города — Мекку и Медину. Работу 'Ахмада ар-Рашида продолжил неизвестный хронист. Он довел повествование до 1782 г. Комментированное издание манускрипта вышло в свет в 1980 г. в Каире. Значительная часть сочинения 'Ахмада ар-Рашида посвящена истории XVIII в., его безымянный последователь подробно пишет о роли мамлюков в подготовке и проведении хаджжа, о том, какие изменения произошли в организации паломничества в целом во второй половине XVIII столетия, когда власть в стране фактически бесконтрольно принадлежала эмирам «дома» Каздугли [69. 37-39. ص].

Ряд источников по истории османского Египта, большая часть которых не опубликована, перечисляет уже упомянутый арабский исследователь 'Абд ар-Рахим 'Абд ар-Рахиман 'Абд ар-Рахим. Так, он сообщает, что события с 1660 по 1701 г. охватывает труд 'Ибрахима ас-Савалихи аль-'Уфи «*Ас-Сава'ик фи вак'ат ас-санаджик*» [63], содержащий, в том числе, информацию о ценах на некоторые товары; в конце рукописи 'Абдаллаха аш-Шубрави «*Рисалят сарх ас-садар фи газват Бадр*» помещен исторический очерк (до 1717 г.)²⁴; хроника Мустафы б. аль-Хаджа 'Ибрахима «*Тарих вака'и' Миср*»²⁵ посвящена истории Египта с 1689 по 1737 г. [72. 82-84. ص]. Сам доктор 'Абд ар-Рахим 'Абд ар-Рахим

ман 'Абд ар-Рахим, ныне уже покойный, занимает особое место среди арабских ученых новейшего времени, избравших сферой своих исследовательских интересов османскую эпоху. Долгие годы он занимался изучением документов этого времени и осуществил публикацию объемного блока источников по истории османского Египта, снабдив их подробными комментариями. Он является автором нескольких монографий, много лет трудился на историческом факультете в Университете аль-Азхар, преподавал в университетах Катара, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов и воспитал целую плеяду молодых ученых, пробуждая их интерес к работе с рукописными и архивными материалами. Доктор 'Абд ар-Рахим принимал активное участие в деятельности Арабской лиги османских исследований, под эгидой которой, начиная с 1981 г., проходят регулярные научные конференции [71].

К числу публикаций египетских ученых, осуществленных в последние два десятилетия, относится комментированное издание рукописи 'Исма'ила ибн Са'да аль-Хашшаба (ум. в 1814 г.) «*Ахбар 'ахль аль-карн ас-сани 'ашар*», освещающей события истории Египта с 1708 по 1798 г. [64]. Автор этого сочинения родился в семье плотника (точная дата неизвестна), изучал суфизм и фикх, был знаменит своими обширными познаниями в истории, увлекался поэзией и сам писал стихи. В период французской оккупации он служил при вновь образованном Постоянном диване и вел ежедневные и подробные записи всех заседаний. В течение многих лет аль-Хашшаб поддерживал дружеские отношения со знаменитым египетским хронистом 'Абд ар-Рахманом аль-Джабарти и вне всякого сомнения предоставлял информацию для его летописи [4. Р. 241–243]. Опубликованный манускрипт представляет собой тетрадь, состоящую из двадцати пяти листов (по семнадцать строк на каждой странице), которая содержит единый, не разделенный на главы текст. Во введении к своей работе аль-Хашшаб сообщает, что написал о событиях, свидетелем которых был сам, либо пользовался в их изложении достоверными материалами. Он коротко пишет о «войне между Факария и Касимия», разразившейся в начале восемнадцатого столетия и не утихавшей «около XVIII дней», затем приводит два эпизода из жизни 'Исмаил-бея ибн 'Иваз-бея, возглавившего бейликат в 1717 г., и если первый больше похож на исторический анекдот, то второй, о котором автор узнал от шейха Шихаб-ад-дина 'Ахмада б. Муссы б. Давуда аль-'Аруси (1721–1793), содержит интересный материал о характере взаимоотношений мамлюкских эмиров и крупных каирских коммерсантов, а также о структуре египетской внутренней и внешней торговли в первой трети XVIII в. Далее центральными фигурами повествования аль-Хашшаба становятся Мухаммад Черкес, Зу-ль-Факар-бей, 'Усман-бей Зу-ль-Факар, 'Ибрахим Кятхода Каздугли и Ридван-бей аль-Джульфи. Тут и там автор сопровождает свой сжатый рассказ конкретными деталями, что существенно повышает ценность его труда как источника для изучения социальной, экономической и политической жизни Египта XVIII в. Аль-Хашшаб сообщает, что честь основания «дома» Джульфия принадлежит бывшему работнику маслобойни, который по воле случая помог некоему военному из корпуса азабов устроить в его доме тайник для хранения денег. Когда военный умер, не оставив после себя наследников, этот работник приобрел его дом, расплатился за него деньгами из тайника и, чтобы не вызывать лишних подозрений, с оставшимися средствами покинул Каир. Он отправился в местечко Синн Джульф в провинции аль-Мануфия и спустя некоторое время вернулся в столицу богачом, стал приобретать мамлюков, среди которых был Сулейман Кятхода, хозяин упоминавшегося выше Ридван-бея аль-Джульфи [64. 12, 23–41, 65. ص]. Таким образом, согласно этой

версии, основателем мамлюкского «дома» был не только не мамлюк, но даже не военный одного из османских корпусов, как это имело место в случае с «домом» Каздугли. Им стал египтянин, простой каирский ремесленник. Даже если этот факт не найдет подтверждения в дальнейших исследованиях, само наличие подобной гипотезы может свидетельствовать о существенных изменениях, которые происходили в мамлюкской системе в XVIII в. и в структуре бейликата в целом.

Далее автор манускрипта последовательно излагает историю возвышения «дома» Каздугли и переходит к эпохе, связанной с именем выдающегося мамлюкского лидера османского Египта 'Али-бея аль-Кабира. Обозначив основные вехи его политической карьеры, он в нескольких строках характеризует его преемника — Мухаммад-бея 'Абу-з-Захаба и более подробно останавливается на событиях последних десятилетий XVIII в., предшествовавших вторжению войск Наполеона в Египет.

Арабский ученый 'Абд аль-'Азиз Джамаль-ад-дин 'Имад 'Абу Гази, подготовивший рукопись 'Исма'ила б. Са'да аль-Хашшаба к публикации, снабдил текст подробным комментарием, а также удобными индексами, включающими список имен собственных, должностей, титулов, географических и топографических названий, перечень зданий и других архитектурных сооружений, названий племен, военных корпусов, мамлюкских «домов» и т. д. [64. 42–100. ص].

Подробный перечень исторических событий, а также обширный материал для изучения интеллектуальной, социальной, экономической и политической жизни Египта содержит хроника начала XVIII в., автором которой является Йусуф аль-Маллавани²⁶. Сравнительный анализ текстов работы аль-Маллавани и эпохального труда аль-Джабарти позволяет с большой степенью вероятности предположить, что аль-Джабарти неоднократно обращался к материалам хроники аль-Маллавани. Йусуф аль-Маллавани, известный как Ибн аль-Вакиль, был автором нескольких книг²⁷, скончался в 1719 г. Его работу еще в течение десяти лет продолжал Муртада-бек б. Мустафа-бек б. Хасан-бек аль-Курди ад-Димашки, который называет себя другом аль-Маллавани [78. 242. ص]. Таким образом, хроника заканчивается событиями 1729 г. Она была издана в Каире в 1999 г. под редакцией Мухаммада аш-Шаштави [72]²⁸.

Аль-Маллавани создал свой труд в соответствии с классическими образцами арабской исторической литературы. Повествование открывается введением — после традиционных строк, посвященных Всевышнему, следует краткий обзор содержания хроники. Затем автор обращается к Корану и сунне и приводит несколько аятов и хадисов, в которых речь идет о Египте, и называет пророков и мудрецов, посетивших страну. Большая часть введения (около тринадцати страниц в каирском издании) посвящена пророку Мухаммаду. После нее аль-Маллавани уделяет необходимое внимание истории праведных халифов, четырем основным суннитским мазхабам и переходит к сжатому рассказу о египетских диковинках и достопримечательностях. Первая глава содержит сведения о том, кто правил страной до исламского завоевания, вторая повествует об эпохе омейядских, абасидских и фатимидских халифов, третья — об аййубидах и мамлюкских султанах. Последние три четверти работы посвящены османскому периоду в истории Египта. Материал расположен в хронологическом порядке, каждая новая часть соответствует времени правления очередного паши. Наиболее подробно автор пишет о событиях начала XVIII в. Этому короткому по времени периоду посвящена почти половина всей хроники. Свидетельства Йусуфа аль-Маллавани, современника и очевидца бурной и напряженной политической жизни страны, написанные стройным,

ясным и простым языком, содержащие большое количество важных деталей, которые отсутствуют в других источниках, представляют собой ценный и чрезвычайно интересный материал для изучения периода поздних мамлюков в Египте.

Важной вехой в изучении османского периода в истории Египта стала научная конференция, посвященная арабским манускриптам, в которых описываются исторические события в Египте XVIII в. Она проходила в марте 1990 г. в Калифорнийском государственном университете (США, Лос-Анжелес). Под редакцией профессора Даниэля Креселиуса — непосредственного участника и вдохновителя научных встреч — вышел сборник материалов конференции [13]. Ученые обсудили широкие перспективы исследования не введенных ранее в научный оборот рукописных материалов [7. Р. 320–321]. В 2003 г. автор нескольких блестящих монографий Нелли Хана опубликовала работу [15], основу которой составляет анализ не упоминавшегося ранее в источниковедческой литературе безымянного манускрипта. Он был написан в Каире между 1740 и 1765 гг. Мухаммадом б. Хасаном 'Абу Закиром, представителем прослойки образованных столичных горожан — коммерсантов, ремесленников, чиновников, не принадлежащих ни к правящей элите, ни к числу мусульманских богословов, и содержит уникальный материал по социальной, экономической и культурной истории Египта XVIII в. [39. Р. 526–527].

Особую группу источников составляют записки, дневники, воспоминания и полномасштабные отчеты-описания европейцев, посетивших Египет в XVII–XVIII в. В это время в Европе возрождается интерес к литературному жанру путешествий. Книги о тайнах и диковинках загадочного Египта, о котором писали еще древние греки, находят живой отклик у читательской аудитории, ставшей значительно шире за счет окрепшего в финансовом отношении среднего класса. Католическая и протестантская церкви ведут активную миссионерскую работу, и большая коптская община становится одним из объектов внимания священнослужителей, стремящихся распространить свое вероучение на Востоке. Во второй половине XVIII столетия ситуация меняется. Цели и задачи европейских экспедиций прямо или косвенно диктуются экономическими интересами [70. 8–10. ص].

Среди европейцев, посетивших Египет в XVII в. были француз Ж. Копа и французский подданный немецкого происхождения Р.Д. Ванслиб [69. 44–47. ص]. Ж. Копа побывал на Востоке дважды — в 1637–1639 гг. и в 1643–1646 гг. В 1971 г. в Каире было осуществлено переиздание его труда [9]. Свои размышления и впечатления от путешествий, совершенных в 1663 и 1672–1673 гг., Р.Д. Ванслиб изложил в сочинении, которое вышло в свет в 1678 г. и было переиздано в 1972 г. [35].

По приказу датского короля Кристиана VI, с целью сбора информации, необходимой для установления стабильных коммерческих контактов с Эфиопией и другими странами Африки, в Египет в 1737 г. прибыл морской офицер Фредерик Людвиг Норден (1708–1742). Отчет о его путешествии, снабженный картами и рисунками, был опубликован в Копенгагене в 1755 г. [28], получил хорошие отзывы и использовался при подготовке последующих датских экспедиций на Восток [38].

Соотечественник Фредерика Нордена, Карстен Нибур (1733–1815) по воле датского короля Кристиана VII отправился в путешествие по Аравийскому полуострову и Северной Африке. К. Нибур родился в семье фермера, получил образование в Геттингене, изучал математику, астрономию, географию, был прекрасным картографом и геодезистом. В состав исследовательской группы кроме него вошли датский филолог Фредерик

Кристиан фон Хавен, шведский натуралист, ученик К. Линнея Петер Форсскаль, врач Кристиан Карл Крамер, художник, гравировщик Георг Вильгельм Бауренфайнд и шведский офицер Берггрен [33. P. 857]. 4 января 1761 г. экспедиция погрузилась на борт военного корабля под командованием контр-адмирала Генриха Фишера и благополучно была доставлена в Константинополь [8. S. VII–VIII]. 8 сентября 1761 г. путешественники отправились в Александрию [27. S. 34], посетили Каир, Дамьетту, ар-Рашид и другие города Египта.

Труд, составленный Нибуrom по окончании путешествия, содержит подробные сведения о нравах, обычаях, материальной культуре арабов, описание климата, растительности и пр., а также отдельные главы, посвященные Йемену, Хадрамауту, Оману, Египту и другим арабским странам и городам, в которых побывал ученый. Книги (общая часть и двухтомный отчет об экспедиции) снабжены картами и рисунками, в частности «Таблица X» содержит детальные изображения медных монет, найденных Нибуrom в Александрии [8. S. 99]. Путешественник делает весьма ценные замечания о работе таможенной службы Египта, о торговле с европейцами, о том, как регулировались отношения между бедуинами и жителями городов, о состоянии коптских церквей. Рассказывая о своем пребывании в Александрии, Карстен Нибуr пишет, что в этот город стекались товары со всего света. Здесь были открыты французское, венецианское и голландское консульства, причем голландский консул представлял одновременно интересы англичан, а венецианский — датчан, шведов, тосканцев и неаполитанцев. Те иностранцы, которые не знали арабского языка, использовали для общения с местным населением итальянский.

Далее Нибуr сообщает об одной из стычек, которая произошла между жителями Александрии и расположившейся неподалеку от города группой бедуинов. Путешественник отмечает, что племена бедуинов получали определенную плату от правительства и тогда выступали как его вассалы или союзники. В противном случае они нападали на караваны и населенные пункты. Подробное описание Каира включает в себя характеристику положения османского наместника в Египте. Резиденция паши, расположенная в Цитадели, согласно определению Нибура, представляет собой руины и находится в таком ужасном состоянии, что «трудно искать здесь жилище правителя всего Египта» [27. S. 114]. Автор объясняет это положение тем, что османские наместники оставались в стране на очень краткие сроки и не утруждали себя заботами о своем временном пристанище. Карстен Нибуr перечисляет всех членов Верховного дивана, действовавших в период его пребывания в стране. Имя каждого из восемнадцати названных им беев сопровождается сообщением о том, рожден ли был этот человек свободным мусульманином, был ли мамлюком, и если да, то чьим [27. S. 47, 52–54, 63, 114, 132–136]. Столь полный, аккуратный и исключительно информативный список представляет собой прекрасный материал для изучения особенностей и основных принципов формирования и функционирования египетского бейликата в XVIII в.

В числе ценных приобретений, сделанных членами экспедиции Карстена Нибура, была летопись Мустафы ибн аль-Хаджа 'Ибрахима аль-Маддаха аль-Кинали «*Маджму' латиф яштамиль ала ваки Миср аль-Кахира мни санат 1100 иля ахир тарих аль-маджму'*», в которой повествуется о событиях истории османского Египта с 1688 по 1737 г. Сочинение Мустафы аль-Кинали входит в так называемую «группу хроник ад-Дамирдаши», о которой говорилось выше. Рукопись содержит четыреста тридцать страниц, текст рукописи образует прямоугольную рамку, на каждой странице расположено 17

прямых строк на одинаковом расстоянии друг от друга. Цветные чернила и киноварь не использованы. На каждой странице имеется *хафиз* — так называемый хранитель порядка листов. На полях изредка встречаются поправки переписчика. Текст разделен на абзацы и выполнен в почерке *наسخ*, что может быть рассмотрено как отражение общей тенденции сокращения вариативности почерков в османский период. В эпоху османского владычества почерк *наسخ* являлся предпочтительным, в некоторых манускриптах для вступления, начинавшегося традиционной формулой «Во имя Бога...», использовался почерк *аль-мухаккак*, однако позднее и он вышел из употребления. В данной рукописи вступление выполнено в обычном почерке *наسخ* и умещается в три стихотворных строки. Такая лаконичность посвящения была характерна для произведений «людей меча», в отличие от витиеватого слога вступлений в улемских хрониках.

Рукопись заключена в красивый кожаный переплет красного цвета. Красный цвет, наряду с желтым и зеленым, являлся традиционным для кожаных переплетов, а козья кожа считалась наиболее удобным для нанесения орнамента материалом. Если говорить об османской эпохе, то наивысшего расцвета искусство украшения кожаных переплетов достигло в XVI в. В XVII в., в условиях начавшегося в империи экономического и политического кризиса, орнаментовка становится менее изысканной и богатой. На обложке данной рукописи виден простой медальон, углы и рамка выделены прямыми линиями и не украшены узором. В то же время отличная выделка кожи, добротность переплета, четкий, аккуратный почерк переписчика свидетельствуют о хорошем качестве рукописной книги, которая, учитывая ее содержание, могла стать достойным пополнением частной коллекции одного из представителей военной элиты Египта.

Упомянутая рукопись хранится в настоящее время в Королевской библиотеке в Копенгагене. Она была куплена в Каире в 1763 г. спутником Нибура Фредериком Кристианом фон Хавеном (1727–1763) [25], учеником геттингенского ориенталиста Йохана Давида Михаэлиса (1717–1791), представившего датскому королю Кристиану VII проект аравийской экспедиции. Один из лучших учеников Й.Д. Михаэлиса Фредерик Кристиан фон Хавен (1727–1763) сразу же предложил свою кандидатуру для участия в экспедиции. Он делал значительные успехи в арабском и под руководством своего наставника упражнялся в чтении манускриптов. В своих воспоминаниях Михаэлис отмечает: «Я с удовольствием обнаружил среди желающих отправиться в экспедицию датчанина; едва ли было возможно найти более квалифицированного человека, чем фон Хавен. Он посвятил себя изучению восточных языков, не преследуя определенной цели, но лишь по винуясь своей склонности к этому занятию. Он жаждал увидеть Восток. Ни от кого я не ожидал так много, как от него. Чтобы подготовиться к поездке, он отправился в Рим, где было больше возможностей познакомиться с восточными рукописями» [14. P. 70].

Фредерик Кристиан фон Хавен в общей сложности приобрел 116 рукописей, среди которых были сочинение по грамматике Ибрахима ибн Ахмада аль-Халаби, составленное в XIII в., поэтический диван йеменского поэта ‘Умары аль-Хакими, прибывшего ко двору фатимидских халифов в XIII в., сокращенное изложение риторики ат-Та‘алиби (XI в.), расположенное в алфавитном порядке и написанное в начале XVII в. ‘Абд аль-Ра’уфом аль-Манафи. Фон Хавен вел ежедневные записи и лично составил описание 103 арабских и 5 еврейских манускриптов. Все приобретенные им рукописи были доставлены в Копенгаген в Королевскую библиотеку и стали своеобразным памятником молодому исследователю, который не вынес тягот пути и скончался, предположительно от малярии, в мае 1763 г. после прибытия в Моху [23. S. 23–24, 28, 30].

В 1768 г. к истокам Нила отправляется британский путешественник и ученый Джеймс Брюс [21]. Одним из направлений его деятельности должны были стать изыскания новых возможностей для установления торгового пути в Индию через Египет. Брюс обладал широкими полномочиями, в 1773 г. он вернулся в Каир, Мухаммад-бей Абу-з-Захаб принял его, и результатом их беседы стал договор, открывающий перед Британией возможность выгодных коммерческих контактов с Индией через Египет. Мухаммад-бей гарантировал англичанам восьмипроцентную пошлину в Суэцком порту вместо прежних 14 процентов в Мохе и Джидде и освобождение от обычных дополнительных расходов (бакшиша). Взамен он потребовал только право приобретать любые привозимые британскими купцами в Египет товары, рассчитывая основать свою собственную монополию [11. Р. 150].

С намерением присоединиться к экспедиции Брюса прибыл в Египет в качестве миссионера протестантской церкви Джон Энтис. Тяжелая малярия заставила его изменить планы. Джон Энтис остался в Каире. Он провел в Египте двенадцать лет: с 1770 по 1782 г., погрузился в изучение арабского языка и работу над книгой о стране. Позднее его ежедневные записи были утеряны, на их восстановление потребовалось время, и труд вышел в свет только в начале XIX в. [3]. Размышляя об экономическом и политическом положении в современном ему Египте, внимательный и вдумчивый наблюдатель, Джон Энтис отмечает, что мамлюки были убеждены, что они созданы для того, чтобы орудовать мечом, каждый из них знал, что завтра может погибнуть, поэтому сегодня нужно взять от жизни все. Алчность и произвол беев привели к обнищанию населения, остановилось развитие ремесел. Энтис пишет, что преодолеть бедственное положение жителей богатейшей и благословенной земли, коей является Египет, поможет либо «мудрое покровительство» сильной державы, либо появление национального героя, который подобно Петру I в России проведет коренные преобразования и реформы [77. 16–18, 23–24, 171, 116–172, 189. ص].

Автор с похвалой отзываясь о записках других европейских путешественников — Ричарда Покока [29], Фредерика Нордена, Карстена Нибура. В то же время он выражает сомнение в ценности работ Клода Савари [32] и Франсуа Вольнея [36], первый из которых описывал Верхний Египет, «не ступив и шагу за пределы Каира», а второй провел в стране не более семи месяцев и не потрудился выучить арабский язык [77. 16–18, 23–24, 29–30. ص]. Возможно, Энтис располагал недостоверной информацией о Вольнее, который прибыл в Египет в 1782 г., уже после того, как сам Энтис отправился на родину. Константин-Франсуа Вольней владел арабским языком, его путешествие по Востоку продолжалось около трех лет [36].

В первую часть книги Энтиса вошло открытое письмо капитану Бланкету, который, по-видимому, интересовался караванами, направлявшимися вглубь африканского континента. Письмо содержит интересные и весьма подробные сведения о составе этих караванов, о торговле Египта с Нубией и другими южными соседями. Во второй главе автор рассказывает об эпидемиях чумы, поразивших страну в 70-х годах XVIII в. Дж. Энтис сообщает, что только за одно десятилетие — с 1771 по 1782 г. эпидемия чумы три раза обошла страну. Самые тяжелые последствия она имела в 1781 г., когда только в столице в день умирало до тысячи человек. Вспышка болезни началась после того, как на таможне были раскрыты сундуки со старой одеждой, которую еврейские купцы привезли для продажи в Каире из Измира, где не так давно бушевала эпидемия. Его повествование не носит эпический характер, в нем нет леденящих душу страшных кар-

тин смерти, как, например, в известном сочинении 'Абд ал-Латифа аль-Багдади [40, 74]. Скорее это руководство к действию для того, кто хочет избежать болезни, простые советы не один год прожившего в Египте европейца, его размышления и наблюдения, которые включают яркие и живые зарисовки каирских будней. Еще одна глава посвящена характеристике мамлюков и османов. Наряду с обобщениями, которые делает автор, она содержит ряд конкретных эпизодов из жизни военно-политической элиты страны. Свидетелем одних Энтис был сам, о других узнал от своих знакомых из числа мамлюкских эмиров. К последним относится рассказ о том, как в конце 70-х годов XVIII в. два мамлюка из окружения 'Ибрахим-бея были схвачены за незначительный проступок начальником каирской стражи 'Усман-беем. Их жены пришли просить 'Ибрахим-бея о заступничестве. Он немедленно отправил к 'Усман-бею гонца с просьбой освободить арестованных. 'Усман-бей заверил посланца в том, что тотчас отпустит мамлюков 'Ибрахим-бея, а сам тем временем собственноручно отрубил им головы, велел связать трупы и послать их 'Ибрахиму. Узнав о случившемся, 'Ибрахим, который в это время пил кофе, в ярости разбил чашку и приказал седлать коней и готовить оружие к бою. Казалось, что столкновение между беями неизбежно. Однако две женщины — теперь уже вдовы несчастных мамлюков — убедили 'Ибрахима забыть о мести и остановили кровопролитие. Продолжая свой рассказ, путешественник описывает случаи незаконного притеснения, которым подвергались иностранцы со стороны властей. Сам Энтис чудом остался жив, после того как его «арестовали» в ноябре 1779 г. у стен европейского квартала в Каире [77. 163–152, 122–121, 70–66 .ص]. Тем не менее автор стремится быть объективным, спокойный тон его повествования и само содержание книги свидетельствуют об искреннем интересе к Египту и египтянам, стремлении понять, что побуждает тех, кто составляет военную элиту страны, совершать те или иные поступки.

Много лет провел на Востоке англичанин Джордж Болдуин. С 1775 по 1779 г. он служил в Представительстве Остиндийской компании в Каире, в 1786 г. был назначен британским консулом в Египте и оставался в этой должности до 1795 г. В своих записках [6] Болдуин обращает внимание на тяжелое положение английских коммерсантов и притеснения, с которыми они сталкивались в стране [70. 19–18 .ص].

В 1783 г. в Лондоне был опубликован труд Совера Люзиньяна, основная часть которого посвящена самому яркому политику мамлюкского Египта XVIII в. 'Али-бею аль-Кабиру [24]. Эта безусловно ценная работа представляет большой интерес для исследователя, поскольку автор был лично знаком с 'Али-беем и оставил уникальные сведения, часть которых была получена им от самого героя повествования.

Документальные источники, на которых основываются исторические изыскания в области изучения Египта поздних мамлюков, дополняет опубликованное в начале XIX в. «Путешествие господина Сонниния в Верхний и Нижний Египет с описанием страны, нравов, обычаев и религии природных жителей», которое содержит ценные свидетельства очевидца о положении французской общины в Египте и беспокойной политической обстановке в стране в последней трети XVIII столетия [55].

К источникам документально-мемуарного характера относятся также дневники и донесения первого в истории нашей страны постоянного посла в Османской империи (1707–1714) графа Петра Андреевича Толстого [60, 62], записки английского дипломата Рикота [54] и лейтенанта российского флота Сергея Плещеева, участника Архипелагской экспедиции²⁹. Российский востоковед С.А. Кириллина обращает внимание на особую группу источников, которую составляют описания путешествий паломников.

К интересующему нас периоду относятся заметки Василия Григоровича-Барского, отца Игнатия, князя Николая Христофора Радзвила³⁰.

В течение длительного времени источниковая база для изучения истории Египта в XVI–XVIII вв. оставалась труднодоступной и слабо разработанной, а значительная часть периода османского владычества в Египте рассматривалась в научной среде как «темные века» и оставалась за пределами исследовательских интересов большинства отечественных и зарубежных востоковедов, что «мотивировалось... помимо многих прочих доводов, неспособностью османско-египетской историографической школы породить нечто примечательное и сопоставимое по значимости с трудами двух колоссов, которые отстояли друг от друга почти на три столетия, а именно, Мухаммеда ибн Ахмеда ибн Ийяса, чья хроника освещает последние дни Мамлюкского султаната, османское завоевание Египта и начальный этап османского правления (1516–1522 гг.), и Абд ар-Рахмана аль-Джабарти, творившего на рубеже XVIII–XIX вв.» [22. P. 12]. Научные изыскания российских, европейских, американских и арабских исследователей открыли перед учеными всего мира широкий спектр документальных и нарративных источников для всестороннего изучения интеллектуальной, культурной, социальной, экономической и политической жизни мамлюков в османский период, подтвердив тем самым, что, несмотря на утрату Египтом политической самостоятельности в XVI–XVIII вв., египетская историографическая школа продолжала развиваться, а наследие представляющих ее летописцев достойно самого серьезного внимания.

Примечания

¹ Здесь и далее в примечаниях даны названия архивов, библиотек, рукописей и книг на языке оригинала: الوثائق القومية دار

² قصر العابدین

³ По свидетельству Самиры Фахми 'Али 'Умар, занимавшейся поиском и изучением документов XVIII в., материалы турецкого хранилища «свалены в кучу и погребены под слоями пыли» [69. 20. ص]

⁴ دار المحفوظات العمومية في القلعة (دفتر خانة محمد علي)

⁵ دار الكتب المصرية

⁶ أرشيف الشهر العقاري بالقاهرة . أرشيف الشهر العقاري بالاسكندرية.

⁷ بالقاهرة المركزية الشرعية المحاكم أرشيف

⁸ См., напр., публикации Сальви Миляда, Мухаммада Ибрахима Саййида, 'Абд ал-Латифа Ибрахима: الاسكندرية. 2001. محمد ابراهيم السيد. تسجيل وشهر الوثائق العربية. ١١ مجلة المكتبات والمعلومات. عدد اكتوبر 1987. عبد اللطيف ابراهيم. خمس وثائق شرعية. ١١ مجلة ام درمان الاسلامية. عدد 2. سنة 1969. سليوي ميلاد. الوثائق العثمانية.

⁹ خط القرمة

¹⁰ مخطوط بدار الكتب المصرية تحت رقم 1926 تاريخ.

¹¹ مخطوط بدار الكتب المصرية تحت رقم 80 تاريخ.

¹² معهد المخطوطات العربية جامعة الدول العربية تحت رقم 2132.

¹³ الصديقي محمد. كشف الكبرى في رفع الطلبة. تقديم و تحقيق وتعليك عبد الرحيم عبد الرحمان عبد الرحيم. المجلة التاريخية [22. P. 12]. المصرية. 23. 1976 ابن ابي السرور البكري

¹⁴ مخطوط بدار الكتب المصرية تحت رقم 2524 تاريخ.

¹⁵ «هز القحوف في شرح قصيد ابي شادوف».

¹⁶ Система *амана* представляла собой своеобразный переходный период от *икта'* к *ильтизам*. В XVI в. был введен институт *аминов*, которых присылали из Стамбула. Они собирали налоги и передавали их непосредственно в имперскую казну [45. С. 21; 17. P. 39].

¹⁷ Первая документальная запись, свидетельствующая о введении системы 'ильтизам в Египте, относится к 1658 г. [72. 51. ص.].

¹⁸ عبد الله بن محمد بن ابي بكر العياشي. رحلة الشيخ الامام ابي سالم العياشي. مكتبة البلدية بالاسكندرية. مخطوط رقم 3437 ج. ابو سالم

¹⁹ الحسين بن محمد الورتلاني. نزهة الانظار في فضل علم التاريخ والاخبار.

²⁰ احمد شلبي بن عبد الغني. اوضح الاشارات فيمن بولى مصر القاهرة من الوزراء والباشاات.

²¹ احمد الدمرداشي كتحدا عزبان. الذرة المنصانة في اخبار الكنانة.

²² علي بن محمد الشادهلي. ذكر ما وقع بين عسكر المحروسة القاهرة. المجلة التاريخية المصرية. 1968. 14

²³ احمد الرشيد. حسن الصفا والابتهاج بذكر من ولي امارة الحج.

²⁴ عبد الله الشبراوي. رسالة سرح الصدر في غزوة بدر

²⁵ مصطفى بن الحاج ابراهيم. تاريخ وقائع مصر

²⁶ Профессор Дж. Хасавэй предполагает, что автор «Tarih-I Misir-I kahire» (на турецком языке) Мехамед ибн Йусуф аль-Халлак и Йусуф аль-Малавани — одно лицо [7. P. 321].

²⁷ Его перу принадлежат «تغريد الغنديل على غصن الاندلس الرطيب», «نفح الطيب», «احسن المسالك لخبار البرامك», «و غنية المسافر بغية المسامر».

²⁸ Еще одно издание рукописи аль-Маллавани упомянуто в статьях А.А. Куделина. Оно было осуществлено в 1998 г. доктором 'Абд ар-Рахимом 'Абд ар-Рахманом 'Абд ар-Рахимом. Летопись, опубликованная в данном издании, доведена до 1724 г. [51, 52].

²⁹ «Дневные записки путешествия из архипелагского России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящимся с краткою историею Алибеевых завоеваний российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 лета» были изданы в 1773 г. в Санкт-Петербурге.

³⁰ Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки-Албова, Уроженца Киевского, Монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723, и оконченное в 1747 году, им самим писанное. СПб., 1785; Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1885–1887; Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую Землю и Египет 1766–1776 гг. // ППС, СПб., 1891, т. XII, вып. 3; Радзвил Н.Х. Путешествие ко святым местам и в Египет князя Николая Христофора Радзвила. СПб., 1787 [48].

Литература

1. Afaf Lutfi Al-Sayyid Marsot. Survey of Egyptian Works of History // The American Historical Review. 1991. Vol. 96, N 5. P. 1422–1434.
2. Al-Damurdashi's Chronicle of Egypt 1688–1755: Al-Durra al-musana fi akhbar al-kinana. Leiden, 1991. 425 p.
3. Antes J. Obsevation on the Manners and Customs of the Egyptians the over lowing of the Nile and its Effects with Remarks on the plagues and other subjects. London, 1800. 139 p.
4. Ayalon D. The Historian al-Jabarti and his Blackground // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1960. Vol. 23. P. 217–249.
5. Baldwin G. Narrative of Facts relating to the Plunder of the English Merchants by the Arabs. London, 1779. 454 p.
6. Baldwin G. 1) Political Recollections Relative to Egypt. London, 1801; 2) Slave Trade in Egypt. London, 1801. 227 p.
7. Ben-Zaken A. Recent currents in the study of ottoman-egyptian historiography, with remarks about the role of the history of natural philosophy and science // Journal of Semitic Studies Vol. XLIX, N 2 Autumn 2004. P. 303–328.

8. Beschreibung von Arabien aus eigenen Beobachtungen und in Lande selbst gesammelten Nachrichten abgefasst von Carsten Niebuhr. Kopenhagen, 1772. 431 p.
9. *Coppin J.* Voyages en Egypte. Le Caire, 1971. 391 p.
10. *Crececius D.* The Organization of Waqf Documents in Cairo // International Journal of Middle East Studies. 1971. Vol. 2. P. 266–277.
11. *Crececius D.* The Roots of Modern Egypt. Minneapolis, 1981. 201 p.
12. *Crececius D.* The Waqf of Muhammad Bey Abu al-Dhahab in Historical Perspective. // International Journal of Middle East Studies. 1991. Vol. 23. P. 57–81.
13. Eighteenth Century Egypt: The Arabic Manuscript Sources / Ed. by D. Crececius. Claremont, Calif, 1990. 143 p.
14. From The 'Lebensbeschreibung' of J.D. Michaelis // Niebuhr B.G. The Life of Carsten Niebuhr the oriental traveller. The Student's Cabinet library of useful tracts. Vol. III. Edinburgh, 1836. P. 69–77.
15. *Hanna N.* In Praise of Books: A Cultural History of Cairo's Middle Class, Sixteenth to the Eighteenth Century. Syracuse, 2003. 219 p.
16. *Hathaway J.* A Tale of Two Factions: Myth, Memory, and Identity in Ottoman Egypt and Yemen. New York, 2003. 295 p.
17. *Hathaway J.* The Military Household in Ottoman Egypt // International J. of Middle East Studies. 1995. Vol. 27, N 1. P. 39–52.
18. *Holt P.M.* The Beylicate in Ottoman Egypt During the Seventeenth Century // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. London, 1961. P. 214–248.
19. *Holt P.M.* The Career of Kucuk Muhammad (1694–1696) // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 26. 1963. P. 269–287.
20. *Islahi A.A.* Waqf: a Bibliography. Scientific Publishing Centre King Abdulaziz University Jeddah. Saudi Arabia, 2003. 38 p.
21. *James Bruse.* Travels to Discover the Source of the Nile in the years 1768–1787, containing a Journey through Egypt, the three Arabias and Ethiopia. Edinburgh, 1830. 512 p.
22. *Kirilina Svetlana.* Islam v Egypte v pozneosmanskij period (XVIII — pervaya tret' XIX veka // EJOS. 1999. Vol. V, II. N 6. P. 1–543.
23. *Lohmeier D.* Carsten Niebuhr. Ein Leben im Zeichen der Arabischen Reise // Carsten Niebuhr (1733–1815) und seine Zeit: Beiträge eines interdisziplinären Symposiums vom 7–10. Oktober 1999 in Eutin / Hrsg. von J. Wiesehöfer, S. Conermann. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. S. 17–41.
24. *Lusignan S.K.* A History of the Revolt of Aly Bey against the Ottoman Porte. London, 1783. 80 p.
25. Mustafa ibn Ibrahim [al-Maddah al-Qinali] (d. after 1151 H [1738 CE]): Kitab ta'rih Misr. Det Kongelige Bibliotek. Cod. Arab. 159.
26. Mustafa ibn Ibrahim [al-Maddah al-Qinali] (d. after 1151 H [1738 CE]): Kitab ta'rih Misr. Det Kongelige Bibliotek. Cod. Arab. 159.
27. *Niebuhr C.* Reisebeschreibung nach Arabien und anderen umliegenden Ländern. Vol. I–II. Copenhagen, 1774, 1778. 505 s.
28. *Norden F.L.* Voyage d'Egypte et de Nubie. Kopenhagen, 1755. 285 p.
29. *Pococke R.* A Discription of the East and some other countries. London, 1743. 268 p.
30. *Raymond A.* Artisans et Commerçants au Caire au 18ème siècle. Damascus, 1973–1974. 920 p.
31. *Raymond A.* Une "Revolution" au Caire sous les Mamelouks: La crise de 1123/1711 // Annales Islamologiques. 1965. Vol. 6.
32. *Savary C.E.* Lettres sur l'Egypte. Paris, 1785–1786. 204 p.
33. Literature of Travel and Exploration: An Encyclopedia: In 3 vols. / Ed. by J. Speake. New York; London: Published by Taylor & Francis, 2003. 1479 p.
34. *Vansleb F.* The present state of Egypt; or, A new relation of a late voyage into that kingdom: Performed in the years 1672. and 1673. R.D. Wherein you have an exact and true account of many rare and wonderful particulars of that ancient kingdom. Printed by R.E. for John Starkey, at the Miter in Fleetstreet, near Temple-Bar. 1678. 253 p. Republished 1972. 259 p.
35. *Vansleb R.D.* The Present State of Egypt. London. 1972. 259 p.

36. *Volney C.C. Travels through Syria and Egypt in the Years 1783, 1784, 1785. London, 1787. 500 p.*
37. *Coppin J. Voyages en Egypte de Jean Coppin: 1638–1639, 1643–1646 / Present. et notes de Serge Sauneron. Institut francais d'archeologie orientale du Caire. Le Caire, 1971. 391 p. Voyages en Egypte.*
38. Carsten Niebuhr (1733–1815) und seine Zeit: Beiträge eines interdisziplinären Symposium vom 7.–10. Oktober 1999 in Eutin / Hrsg. von J. Wiesehöfer, S. Conermann. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002.
39. *Williams C. "In Praise of Books: A Cultural History of Cairo's Middle Class, Sixteenth to the Eighteenth Century" by Nelly Hanna // The Muslim World. Vol. 96. July 2006. P. 526–527.*
40. 'Абд ал-Латиф б. Йусуф б. Мухаммад ал-Багдади. Книга уведомления и рассмотрения дел виденных и событий, засвидетельствованных на земле Египта // Предисл. В.В. Наумкина; пер. с араб., коммент. и указ. В.В. Наумкина и А.Г. Недвецкого. М., 2004. 397 с.
41. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / Пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М., 1978. 498 с.*
42. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). Пер. с араб., предисл. и примеч. И.М. Фильштинского. М., 1962. 540 с.*
43. *Ал-Джабарти Абд ар-Рахман. Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821) / Пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М., 1963. 792 с.*
44. *Ацамба Ф.М., Кириллина С.А. Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII — первая четверть XIX в.). М., 1996. 160 с.*
45. *Зеленев Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI — начало XX века). СПб., 2003. 420 с.*
46. *Зеленев Е.И. Мусульманский Египет. СПб., 2007. 373 с.*
47. *Илюшина М.Ю. Письмо «князя египетского Григория Гаджи-бея» императору Павлу I (1799 г.) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2009. Вып. 2. Ч. 1. С. 106–111.*
48. *Кириллина С.А. «Очарованные странники»: Османская империя в русских паломнических описаниях XVI–XVIII столетий // Восток — Запад. Историко-литературный альманах. 2005–2006. М., 2006. Герасимов И.В., Махамид О. Палестина в путевых описаниях С. Плещеева // Россия — Арабский мир: прошлое и современность. СПб., 2004. С. 12–16.*
49. *Кобищанов Т.Ю. Из Петербурга в порт Петра и Павла: первый проект российской трансконтинентальной торговли через Египет // Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается... М., 2008. С. 166–213.*
50. *Кобищанов Т.Ю. Русские мамлюки в Османском Египте // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2008. № 2. С. 47–68.*
51. *Куделин А.А. Борьба за власть в османском Египте начала XVIII века в отражении арабо-османских хроник // Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается... С. 214–233.*
52. *Куделин А.А. Египетский караван хаджа на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2007. № 4. С. 59–76.*
53. *Лэйн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М., 1982. 436 с.*
54. *Монархия Турецкая, описанная чрез Рикота бывшего английского секретаря посольства при Оттоманской Порте. СПб., 1741. 278 с.*
55. *Путешествие господина Сонниния в Верхний и Нижний Египет с описанием страны, нравов, обычаев и религии природных жителей. М., 1809. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Egipet/XIII/1760-1780/Sonninij/frametext3.htm> (дата обращения 11.09.2009)*
56. РГАВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 61.
57. РГАВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 62.
58. РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 595.
59. РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1632.
60. *Русский посол в Стамбуле. Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., 1985. 161 с.*
61. *Смилянская И.М. Русско-арабские связи в контексте политики Екатерины II в Средиземноморье // Арабский мир в конце XX века. М., 1996. С. 117–145.*

62. Толстой П.А. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота. М., 2006. 304 с.
63. الرحمان عبد الرحيم. القاهرة. تحقيق ابراهيم بن ابي بكر الصوالحي العوفي العنقلي. تراجم الصواعق في واقعة الصناجق. 1986. 181 ص. عبد الرحيم عبد
64. عشر (تاريخ المماليك في القاهرة) لاسماعيل بن سعد الخشاب. تحقيق عبد العزيز جمال الدين – عماد ابو غازي. القاهرة. 1990. 101 ص. اخبار اهل القرن الثاني
65. انور زقلمة. المماليك في مصر. القاهرة. 1995. 192 ص.
66. تاريخ ابن خلدون. بيروت. 2001. ج 5. 668 ص.
67. جمال كمال محمود محمد. نظام الالتزام في ريف الصعيد في العصر العثماني. القاهرة. 2001. 266 ص.
68. ميلاد. الوثائق العربية في مصر في العصر العثماني اهميتها و قواعد تحقيقها. \ \ مجلة العربية. الرقم 4. 2001. URL: <http://www.arabcin.net./arabiaall/4-2001/10.html> (дата обращения: 15.04.2008).
69. سميرة فهمي علي عمر. امارة الحج في مصر العثمانية (1213-923 \ 1517-1798 م). القاهرة. 2002. 436 ص.
70. صورة مصر في عيون الرحالة الاوربيين في النصف الثاني من القرن الثامن عشر. \ \ مذكرات رحالة عن المصريين من القرن القامن عشر من خلال وصف الرحالة جون انتيس (1770 – 1782). القاهرة. 1997. ص. 5- سيد احمد علي الناصر 25. وعاداتهم وتقاليدهم في الربع
71. بمناسبة تكريم العلامة عبد الرحيم عبد الرحمن عبد الرحيم في تونس مؤسسة التميمي تصدر اعمال مؤتمر الدراسات العثمانية. العرب. 16.11.2007. عبد الجليل التميمي.
72. عبد الرحمان عبد الرحيم. فصول من تاريخ مصر الاقتصادي والاجتماعي في العصر العثماني. القاهرة. 1990. 386 ص. عبد الرحيم
73. عبد العزيز نوار. النهضة العربية الحديثة. عين الدراسات والبحوث الانسانية والاجتماعية. 2002. 255 ص.
74. عبد اللطيف بن يوسف بن محمد البغدادي. مختصر اخبار مصر. СПб., СПбГУ, Научная библиотека им. М. Горького, Восточный отдел. Рук. № 705.
75. ص 208. 1987. القاهرة. همام العرب شيخ عهد في الصعيد. احمد اللطيف عبد ليلي
76. امين. فهرست و ثائق القاهرة حتى نهاية عصر السلاطين المماليك مع نشر و تحقيق تسعة نماذج. القاهرة. 1981. 564 ص. محمد محمد
77. المصريين وعاداتهم وتقاليدهم في الربع الاخير من القرن القامن عشر من خلال وصف الرحالة جون انتيس (1770 – 1782). القاهرة. 1997. 183 ص. مذكرات رحالة عن
78. كتاب تحفة الاحباب بمن ملك مصر من الملوك و النواب. القاهرة. 1999. 295 ص. الوكيل بابن الشهير الملواني يوسف

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.221.31

М.С. Пелевин

СЕМЬЯ ШЕЙХОВ ЦАМКАНЙ И АФГАНСКАЯ КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА В XVIII в.

Со времени своего возникновения в XVI в. литература и книжность на афганском языке (пашто) в течение нескольких веков развивались главным образом в двух высших социальных слоях афганского племенного общества — духовном и военно-административном. Первый составляли мусульманские богословы, проповедники, учителя, священнослужители традиционалистского, преимущественно суннитского, *ханафийтского* толка, а также духовные наставники мистической суфийской ориентации. Ко второму относилась родовая знать в лице племенных вождей и ханов. Понятно, что именно в этих слоях имели распространение грамотность и образованность, создававшие необходимую почву для культивирования письменной словесности на национальном (ранее бесписьменном) языке пашто.

Внутри названных слоев, как показывают письменные источники, существовали отдельные очаги творческой активности и книжной культуры. Обычно они складывались вокруг конкретных семей и родов, образуя таким образом литературные центры, соотнесенные с определенными географическими точками, родоплеменной принадлежностью авторов и их идеологией. В первый период истории литературы пашто (до конца XVII в.) особенно заметно выделялись три литературных круга: *рошанитский*, образовавшийся вокруг семьи руководителей религиозно-мистической общины *рошанитов* на афганских территориях в Могольской Индии (к востоку от Агры на правом берегу Ганга в районе городка Рашидабад), традиционалистский богословский, возглавлявшийся семьей видного суннитского богослова Ахунда Дарвезы (ум. 1618(19) или 1638(39)) и располагавшийся в долине Свѣт к северу от Пешавара, и *хатакский*, объединявший членов княжеского рода племени хатак, резиденцией которых был городок Сарай-Акора к востоку от Пешавара.

В целом подобное положение сопоставимо с условиями развития классической персидской литературы, оказавшей формирующее влияние на афганскую. Однако в истории литературы фарси значительную роль играли центры, создававшиеся при дво-

рах правителей крупных административно-политических образований (*саманидский* бухарский, газнийский, *салджукский*, хорасанский, ширазский, гератский и пр. литературные круги), поэтому здесь имели место такие важные факторы литературного процесса, как меценатство и придворная поэтическая служба, что, естественно, прямо отразилось на художественно-тематических и стилистических особенностях средневековой персидской классики.

У афганцев придворная литература появляется только в середине XVIII в. в связи с образованием в 1747 г. первого афганского государства — монархии, а точнее, племенной конфедерации под руководством династии Дуррāнй. Есть также сведения, что влиятельный литературный круг придворного типа возник на афганских землях еще раньше — в 1725–1738 гг. — при дворе хотакского князя Хусайна, младшего сына известного правителя Мйр Вайса (ум. в 1715 г.), в Кандагаре¹. В любом случае придворные литературные круги афганцев и в организационном отношении, и по характеру художественной продукции заметно отличались от тех, что существовали в соседнем Иране или Могольской Индии в персоязычной культурной среде. Кроме того, как и в прежние времена, главные творческие силы национальной письменности пашто продолжали концентрироваться вокруг семей, относившихся к афганской духовной или военной элите, которая вела традиционный образ жизни, не придерживаясь особых правил придворного распорядка.

В эпоху правления первых Дуррāнйских монархов наиболее значимую роль в поддержке и развитии традиций афганской письменности на территориях исторического Паштунистана сыграла семья нақшбандййских шейхов Цамканй. Руководители суфийского братства *нақшбандййа* способствовали образованию афганского государства и утверждению Ахмад-шаха Садозая в качестве монарха. Большое идейное и политическое влияние нақшбандййских шейхов в Дуррāнйской державе основывалось на прочном духовном авторитете братства, которое благодаря своей бескомпромиссной суннитской идеологии и социальной активности потеснило во времена императора Аурангзеба (правил в 1659–1707 гг.) ранее более популярные в Могольской Индии и среди афганцев братства *чиштиййа* и *қадирййа*. Из представителей *нақшбандййи* в Паштунистане семья шейхов Цамканй, афганцев по происхождению, в силу целенаправленного интереса к национальной письменности взяла на себя выполнение не только религиозно-политической, но и культурно-просветительской миссии.

Глава семьи Мухаммад ‘Умар Цамканй (ум. в 1776 г.) по отцу относился к племени тарклāнй, входящему в группу восточных племен хашй наряду с йўсуфзаями, мандарями и гугйāнй². Его предки жили в Баджауре в северо-восточном Паштунистане, но сам он родился и вырос в индийском городке Фарйдāбāде. Во времена Шāхджахāна его дед Калā-хāн переехал из Баджаура сначала в Лахор, а затем дальше в северную Индию, где он за какие-то заслуги получил селение Фарйдāбād в *джāгйр* (ленное владение) По словам ‘Убайдаллāха, младшего сына Мухаммада ‘Умара, Калā-хāн покинул родину якобы потому, что «не нравились ему здесь злые дела (*шарр-о шўр*) паштунов» [цит. по: 11. С. 18].

После смерти отца Ибрāхйм-хāна Мухаммад ‘Умар вернулся на историческую родину и поселился с матерью в ее родном селении Цамканй, расположенном примерно в десяти километрах к юго-востоку от Пешавара. Таким образом, по материнской линии Мухаммад ‘Умар состоял в родстве с племенем цамканй, которое вместе с момандами, халйлами и дāвудзаями образует племенную группу горйахел, связанную близкими ге-

неологическими узами с группой хашй. По данным житийных сочинений, Мухаммад 'Умар учился у видных богословов и суфийских наставников Лахора, Пешавара и Кабула, получив в результате блестящее религиозное образование и право самому преподавать духовные науки. Примерно в 1693(94) г. он вступил в братство *нақшбандиййа*, а позднее возглавил его пешаварское отделение.

В 1747 г. Мухаммада 'Умара в его резиденции в Цамканй посетил Ахмад-шах Дурранй. Афганский монарх официально признал шейха своим духовным наставником и пожаловал ему ряд крупных земельных владений Пешаварской равнины. Вслед за Ахмад-шахом *мурйда*ми Мухаммада 'Умара объявили себя многие верховные чины дурранйской державы. Свой высокий духовный статус Мийа Сәхиб, как прозвали Мухаммада 'Умара его ученики и последователи, сохранял до конца жизни. Его могила в Цамканй, сразу ставшая святым *мазаром*, и поныне является у афганцев местом всеобщего поклонения, куда люди приходят молиться и просить об исполнении своих желаний.

Мийа Сәхиб оставил после себя сочинения на арабском, персидском и афганском языках. На арабском, например, известна его вариация классической касыды ал-Фарганй «*Бад' ал-амәли*», к оригиналу которой им же составлен пространный персидский комментарий «*Шарх-и қасида-йи амәли*» (1745) (ранее это произведение было пересказано на пашто Ахундом Дарвезой), а также религиозно-философский трактат «*Шамс ал-хадй*» («Светоч путеводителя») (1769(70)). Из персоязычных работ наиболее важным является его агиографическое и этико-дидактическое произведение «*Хазйнат ал-асрәр*» («Кладовая тайн»), где в традиционном русле житийных сочинений излагаются биографические сведения и воззрения нескольких авторитетных нақшбандййских шейхов Пенджаба и Северной Индии. Прозаический текст этого произведения украшен многочисленными стихотворными вставками.

На афганском языке кроме стандартной суфийской лирики и эпистолярных религиозно-философских трактатов-посланий *мактубәт*, типичных для нақшбандййской традиции, перу Мийа Сәхиба принадлежат религиозно-дидактические поэмы «*Шамә'ил-и набавй*», шаблонное описание достоинств исламского пророка, и «*Тавдйх ал-ма'әни*» («Объяснение смыслов»), сокращенный стихотворный перевод арабского трактата по *фикху* «*Хуләса*» ал-Кайдәни, ранее тоже пересказанного на пашто Дарвезой. В предисловии к «*Тавдйху*» автор поместил рассказ о своей родословной с перечнем имен нақшбандййских шейхов в качестве указания цепи духовного преемства. Иногда этот текст, тоже стихотворный, считается отдельным произведением Мийа Сәхиба и упоминается под названием «*Дә паштано насаб-нәма*» («Генеалогия паштунов»). Правда, не исключен и другой вариант: у Мухаммада 'Умара действительно могло быть самостоятельное, ныне утраченное сочинение «*Дә паштано насаб-нәма*», фрагмент которого сохранился в виде предисловия к «*Тавдйху*».

Из членов семьи Мухаммада 'Умара наиболее существенный вклад в сохранение афганского письменного наследия и популяризацию афганской книжности внес его старший сын, известный под именем Мухаммадй Сәхиб-зада (ум. в 1805(06) г.). Как и отец, Мухаммадй имел прекрасное для своего времени образование, занимался духовным наставничеством и плодотворно трудился на литературной ниве, однако в истории письменности пашто он заслужил славу прежде всего как выдающийся библиофил, большой ценитель и собиратель рукописных книг на родном афганском языке.

На основании колофонов афганских рукописей второй половины XVIII — начала

XIX в. можно сказать, что в этот период Мухаммадӣ был одним из самых крупных заказчиков и покупателей паштоязычных книг. В многочисленных рукописях, переписанных по его заказу, обязательно встречаются такого рода записи: *ба мавджиб-и фармайиши-и... ҳадрат-и Сәҳиб-зада-йи буландиқбāl-и Мийāна Мухаммадӣ* — «по причине указания... высокочтимого господина Сәҳиб-зада Мийāна Мухаммадӣ» (сборник произведений 'Алама Апридая 1763(64) г. из Национального музея Дели) или *ба ҳасб-и фармайиши ва иршād-и ҳадрат-и Сәҳиб-зада Чамканӣ Мийāна Мухаммадӣ* — «в соответствии с указанием и велением господина Сәҳиб-зада Цамканӣ Мийāна Мухаммадӣ» (диван Ҳабӣбаллāха 1761 г. из того же книгохранилища) [см.: 9. С. 59, 89–90].

Мухаммадӣ Сәҳиб-зада тесно общался со многими афганскими литераторами, поэтами, представителями интеллектуальной элиты, в том числе с «последним афганским классиком» Кāзим-хāном Шайдā (ум. в 1780 г.), который в предисловии к своему дивану упоминает о Мухаммадӣ именно как о коллекционере паштунских книг [6. С. 7–8].

Благодаря Мухаммадӣ семья Цамканӣ еще при жизни Мухаммада 'Умара — в 60-х годах XVIII в. — стала подлинным духовным центром пешаварского литературного круга. В 1796(97) г. Мухаммадӣ построил в Цамканӣ возле гробницы отца мечеть с медресе и большой библиотекой. В скриптории при библиотеке работали известные переписчики афганских книг Валӣ Мухаммад Қандахārӣ и Гул-Мухаммад Пешāварӣ, изготовившие большое число рукописей по указанию и под наблюдением их патрона Мухаммадӣ.

В правление Тимӯр-шāха Дуррāнӣ произошло событие, лишившее семью Цамканӣ прежнего политического влияния, но, к счастью, не помешавшее ее культурно-просветительской деятельности. Зимой 1776(77) г. было совершено покушение на жизнь Тимӯра, находившегося в это время в Пешаваре, которое было организовано несколькими крупными афганскими вождями при содействии главного евнуха шахского гарема Йāқūt-хāна. Мухаммадӣ Сәҳиб-зада оказался в числе подозреваемых в этом заговоре, вследствие чего Тимӯр чуть было не стер с лица земли селение Цамканӣ. Только уважение к памяти похороненного здесь шейха Мухаммада 'Умара не позволило Дуррāнӣскому монарху осуществить свое необдуманное решение.

В списке собственных литературных трудов *миийāна* Мухаммадӣ есть три сочинения на арабском языке — компилятивные богословско-правовые трактаты «*Мақāсид ал-фиқх*» («Цели фиқха») (1782(83)) и «*Бурхāн ал-усӯл*» («Доказательство принципов») (1795(96)), а также поэтическое восхваление исламского пророка «*На'т ан-набӣ*» («Хвала пророку»), большой религиозно-философский *мухаммас* на персидском языке «*Дурӯд-и Мухаммадӣ*» (или «*Салāt-и Мухаммадӣ*») («Молитва Мухаммадӣ»), содержащий в разных версиях от 118 до 175 строф, и афганские стихотворные произведения — диван лирики и религиозная поэма «*Мустағāс*» («Всемогущий») в форме *тарджӣ'банда* (282 строфы).

В афганском диване Мухаммадӣ, уникальный список которого был опубликован в 1985 г. в Пешаваре, насчитывается 359 газелей, шесть *мухаммасов*, один *тарджӣ'банд* и около семидесяти *рубā'ӣ*. Немалое число газелей Мухаммадӣ, как установили афганские филологи, являются ответами-*джавāбам* на стихотворения других крупных паштунских поэтов, таких как Раҳмāн Бāбā, 'Абд ал-Ҳамӣд, Ҳӯшхāl-хāн, 'Абд ал-Қāдир, Пӣр Мухаммад Кāкар. В свою очередь, некоторые стихи Мухаммадӣ послужили основой для творческих вариаций его современников Му'иззаллāха Моманда, 'Алӣ-хāна Мухамандзая и Қанбара 'Алӣ Оракзая.

Младший брат Муҳаммадӣ ‘Убайдаллāх (ум. ок. 1817(18) г.), известный также как Мийā Гул и Аҳмадӣ Сāҳиб-зāда (ум. ок. 1817(18) г.) и пользовавшийся *тахаллусом* «Гарйб» («Скиталец»), долгое время жил и проповедовал на родине предков в Бāджауре. Его литературное наследие тоже включает произведения на трех языках: газели и касыды на персидском, трактат о пятничной молитве «*Ла’иқ ас-сум’а фй тахқик ал-джум’а*» («Достойное слуха в исследовании дня пятницы») (1788(89)) на арабском и несколько оригинальных и переводных трудов на афганском языке.

Интерес ‘Убайдаллāха к духовной и фамильной родословной своей семьи проявился в его афганских поэтических трактатах «*Шаджара-йи тарйқат*» («Древо тарйқата») и «*Шаджара-йи насаб*» («Родословное древо») (1808(09)). Оба написаны в форме *мухаммаса*, а первый имеет еще пространное прозаическое предисловие. Краткие сведения о своем происхождении ‘Убайдаллāх сообщает также во ввводной части к переводной поэме «*Ибрат-нāма*» («Книга назиданий»), затрагивающей религиозно-этическую и мистико-философскую тематику. Восхвалению исламского пророка ‘Убайдаллāх посвятил очередную стихотворную версию «*Шамā’ил-и набавй*» (1811).

Самым крупным по размеру паштоязычным сочинением ‘Убайдаллāха является переводная поэма «*Хафт кишвар*» («Семь стран»), содержащая около семи тысяч строк и иногда называемая по-афгански «*Овэ шпе*» («Семь ночей»). Поэма сохранилась в уникальном списке, начало и конец которого утрачены. Возможно, отчасти по этой причине до сих пор точно не определены конкретные персидские источники поэмы, хотя само ее название имеет явно неслучайное сходство с «*Хафт пайкар*» Низāmй и сборником «*Хафт авранг*» Джāmй. Кроме семи повестей, преследующих не только развлекательные, но и дидактические цели, в поэме ‘Убайдаллāха есть немало лирических и дискурсивных отступлений, в том числе заметки о поэзии пашто и философский диспут Разума и Любви «*Мунāзара-йи ‘Ақл ва ‘Ишқ*».

В близком окружении семьи Цамканй было немало людей, тоже успешно занимавшихся литературным трудом. В первую очередь здесь нужно упомянуть об учениках и последователях Муҳаммада ‘Умара, которым принадлежат стихотворные жизнеописания шейха, так называемые «*Манāқиб*» («Деяния»), — это Мас’уд Гул, Дāдйн, Нӯр Муҳаммад Қурайшй, Муҳаммад Шафйқ Хатак. Каждый из них по-своему примечателен. Дāдйн, например, получил известность больше как лирический поэт, автор касыд и газелей. Возможно, у него был полный диван, но до нас он не дошел. В сочинении Мас’уда Гула есть ценные исторические эпизоды с рассказами о военных походах и сражениях Аҳмад-шāха. Нӯр Муҳаммад, назвавший свою житийную поэму «*Нӯр ал-байāн*» («Свет повествования»), для восхваления шейха Цамканй и его потомков использовал акростиhi — весьма редкую форму в средневековой мусульманской литературе, возникшую явно на основе *алиф-нāма*. Вот как выглядит подобное посвящение Муҳаммаду ‘Умару, чье имя складывается из арабских букв *м, ҳ, м, д, ‘, м, р*:

*Мйм, муҳкам пэ шарй’ат ву / Дэ набй пэ тарйқат ву
 Хā, ҳаққгӯй ву вэ хар чā та / Хам бāдшāх та хам гадā та
 Мйм, мадār пэ дэ ву ‘āм / Ву жвандай пэ дэ ислām
 Дāл, дā’й дай дэ хар чā ву / Дйн пэ дэ бāнде ранā ву
 ‘Айн, ‘āлим ‘āмил ‘ādил ву / Хам кāмил хам мукаммил ву
 Мйм, майэн ву пэ нйкāно / Бйх-вушқункай дэ бадāно
 Ра, ранā пэ хпэл замāн / Гāж йе тлāлай пэ джāхāн [цит. по: 11. С. 18]*

«Мйм», был он стоек в шариате, / Следовал пути пророка.
 «Хѣ», вещал каждому об Истине: / И государю, и нищему.
 «Мйм», был он обычно внимателен [к другим], / Благодаря ему здравствовал ислам.
 «Дѣл», был он для всех защитой / Благодаря ему сияла вера.
 «Айн», был он ученым, справедливым деятельным человеком,
 / Был он и сам совершенным, и вел к совершенству других.
 «Мйм», был он ласков с добрыми / И искоренял злых.
 «Ра», был он светом своего времени, / Слава о нем разошлась по миру.

У многих поэтов дуррѣнѣйской эпохи встречаются хвалебные строки в адрес Мухаммада Умара и Мухаммадѣ Сѣхѣб-зѣда, но в большинстве случаев оценить действительный характер отношений и степень близости этих авторов с кругом семьи Цамканѣ трудно, если вообще возможно. Например, Бедил Утмѣнзѣй из Хаштнагара считается поэтом, входившим в литературное окружение семьи Цамканѣ, на том основании, что в одной касыде, анализируя афганскую поэзию, он выше всех среди своих современников и даже выше Абд ал-Хамѣд Моманда ставит Мухаммадѣ Сѣхѣб-зѣда (*Махмადѣ тѣр Хамѣд зѣйт вѣнѣм кам на дѣй... «Я считаю Мухаммадѣ больше Хамѣда, не меньше...»*) [5. С. 29–35]. Лучшим паштунским поэтом всех времен Бедил называет Абд ар-Рахмѣна, а о таких мѣтрах, как Хушхѣл-хѣн, Мѣрзѣ-хѣн Ансѣрѣй, Ашраф-хѣн Хиджрѣй, отзывается невысоко: «В их стихах найдется хороших лишь по полслова, а все остальное, сочиненное ими, — пустословие». По словам Бедила, количество пишущих стихи на пашто в его время не поддается измерению. В одной своей деревне Утмѣнзѣй он насчитал не менее сорока двух поэтов.

Другим мурѣдом Умара Цамканѣ, писавшем стихи на пашто, был Мухаммад Байѣд Гадѣн, который большую часть жизни провел в Индии, видимо, где-то в Декане. Этот поэт считал себя последователем Абд ал-Хамѣда Моманда. В его диване исследователи находят много ответов на стихи Абд ал-Хамѣда, среди которых, как и у Бедила Утмѣнзѣя, есть интерпретация популярнейшего *таркѣббанда* «Нѣн бѣ шпа зѣмѣ дѣ йѣр нѣ кум макѣн вѣ...» («Где сегодня ночью остановится мой друг?») [10. С. 222].

Прекрасное представление о меценатской роли семьи Цамканѣ и об интенсивности литературной жизни Пешавара и всего северо-восточного Паштунистана в период правления первых Дуррѣнѣйских шахов дает поэтическая антология «*Маджма' алаш'ѣр*», уникальная рукопись которой хранится в Государственной библиотеке Берлина (Ms. or. oct. 1262. Vol. 1, 1263. Vol. 2) [2. С. 350–356]. В этой внушительной по размеру антологии (643 листа, сшитых в два тома) содержится около 1220 газелей, 20 касыд, 16 строфических стихотворений (в основном *мухаммасы*) и 70 *рубѣ'и* на пашто, примерно 476 стихотворений тех же форм на фарси и около десятка макаронических стихов, где чередуются строки на афганском, персидском и арабском языках. Почти все произведения антологии предваряются заглавиями (выделенными в рукописи красными чернилами) с указанием жанровых форм и имен авторов.

Большинство авторов антологии — это малоизвестные или вовсе неизвестные по другим источникам поэты. Многие из них занимались литературным творчеством явно непрофессионально и нерегулярно. Автор одного стихотворения, например, назван не по имени, а как «*вазѣр* правителя Қашгѣра». Имена некоторых поэтов сопровождаются патронимами, среди которых преобладают названия восточных афганских племен — *оракзѣи* (Алѣй Акбар, Қанбар Алѣй, Қасим-хѣн, Му'иззаллѣх, Насраллѣх, Нусрат, Рустам, Фатх Алѣй), *хатаки* (Кѣзим-хѣн, Қасим-хѣн, Мѣрбѣз-хѣн, Са'ѣд), *афрѣйдиш* (Алам,

Шайх Муҳаммад), *халилы* (Дост Муҳаммад-хāн), *бангаши* (Шамшер), *дāvūdзай* (Мулла ‘Абдаллāх-хāн).

В основном авторы «*Маджма’ ал-аш’ар*», включая крупных и хорошо известных литераторов вроде Кāзим-хāна Шайдā, ‘Али Акбара Оракзая, ‘Алама Апридая, представлены единичными стихотворениями на пашто, но есть и такие, чьи произведения исчисляются многими десятками. Наибольшим количеством афганских стихов представлены Дādйн (155), ‘Убайд, (117, из них 18 — загадки-*му’амма*), ‘Али-хāн (79), Акбар Ахўнд-зāда (69), Саййид-и Пйрхел-и Хатакāн (очевидно, кто-то из потомков шейха Раҳмкāра) (65), Файд ал-Хаққ (56). Среди авторов персидских стихов чаще встречаются имена Шайха Аҳмада (164), ‘Ишрата (110) и Қāsима Джаханāбādй (82).

Многие стихотворения в «*Маджма’ ал-аш’ар*» являются почтительными обращениями (*ард*) к *миийāну* Муҳаммадй Қāхиб-зāда, одиннадцать газелей которого тоже включены в антологию. На этом основании можно с большой долей уверенности полагать, что антология была сделана именно для него либо по его собственному заказу, либо в качестве подношения. Имена ряда поэтов тоже говорят в пользу предположения о том, что антология появилась в литературной среде, связанной с семьей Цамканй.

Собранные в «*Маджма’ ал-аш’ар*» стихотворения полностью соответствуют нормам классического традиционализма и по содержанию относятся к религиозно-философской, любовно-мистической и этико-назидательной лирике. При этом идейная направленность стихов нередко несет отпечаток подчеркнуто строгой религиозности в духе суннитской нақшбандйской идеологии. Некоторые стихи написаны с использованием тех или иных технических и чисто графических приемов (например, чередование в строках букв с точками и без точек или употребление только слов с буквами без точек). Немалое число стихотворений являются ответами-*джавāбами* на произведения афганских и персидских классиков.

Благодаря пояснительным заглавиям к стихотворениям антология дает нам довольно яркий срез литературной жизни Паштунистана в дуррāнйскую эпоху. Об активном творческом общении афганских поэтов свидетельствуют их *джавāбы* и поэтические эпистолы, адресованные друг другу: «Ответ Спйн Орая на газель Наджйба», «Дādйн говорит в восхваление Сарфарāз-хāна», «Ахмад Ахўнд-зāда сказал в извинение» и т. п. Самое длинное заглавие имеет такой вид: «Сие есть послание Ахўнд-зāда Қāхибу Ґулāму, который передал его Акбар-шāху с просьбой [объяснить] смысл, а тот дал ему сложное толкование; это сложное толкование таково...».

Рукопись «*Маджма’ ал-аш’ар*» не имеет колофона и каких-либо пометок, позволяющих определить примерную дату составления и переписки этого поэтического сборника. Стоящая на л. 1а печать могольского императора Муҳаммад-шāха (правил в 1719–1748 гг.) с указанием года — 1138 г. х. (1725(26)), — свидетельствует не о времени создания рукописи (в рукописных книгах могольской эпохи нередко встречаются оттиски печатей с датами, более ранними, чем сами эти книги), а лишь о том, что когда-то она побывала в имперской библиотеке Великих Моголов. Лучшим временным ориентиром является приписка с датой — 1176 г. х. (1762(63)), — сделанная на полях л. 228а возле газели некоего Йакдила, где говорится о возведении мечети в честь Муҳаммадй Қāхиб-зāда. Имеющиеся сведения о некоторых авторах «*Маджма’ ал-аш’ар*» позволяют говорить о еще более позднем времени создания антологии.

Примечания

¹ Эти сведения содержатся в одиозной поэтической антологии «Скрытое сокровище» («*Pāta hazāna*»), предположительно датируемой 1729 г. (рукопись 1885(86) г.). Сама антология по-прежнему вызывает филологические дискуссии относительно ее подлинности. Среди ученых, критически относящихся к тексту этого источника, в настоящее время существует не менее трех точек зрения по поводу времени, цели и степени его фабрикации (см. [1, 4]).

² Основные библиографические сведения о семье шейхов Цамканй и ее окружении перечпнуты мной из статьи З. Хевāдмала [11].

Литература

1. Mackenzie D. N. The development of the Pashto script // Languages and scripts of Central Asia / Ed. by Sh. Akiner and N. Sims-Williams. London, 1997. P. 137–143.

2. Pelevin M. S. Pashto (Afghan) manuscripts from the State Library of Berlin // Петербургское востоковедение. Вып. 6. СПб., 1994. С. 338–357.

3. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 2: Афганистан в новое время. М., 1965. 552 с.

4. Пелевин М. С. Сведения источников о времени возникновения афганской письменности // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы: Актуальные проблемы и перспективы. Международная научная конференция. 4–6 апреля 2006 г. Доклады и материалы. СПб., 2008. С. 128–137.

5. Бахтāнай ‘А. Паштāнэ шу‘арā (Паштунские поэты). Т. IV. Кабул, 1357/1978. 420 с.

6. Кāзим-хāн Шайдā. Дйвāн / Сост. и предисл.: ‘А. Бенавā. Кабул, 1331/1952. 222 с.

7. Мухаммадй Сāхйб-зāда. Дйвāн / Сост. и предисл.: Қ. Моманд. Пешавар, 1985. 325 с.

8. Рашād ‘А. Дэ Цамкано Мийā ‘Умар (Мийā ‘Умар из рода Цамканй). Кабул, 1360/1981. 87 с.

9. Хевāдмал З. Дэ Хинд дэ китāбхāно пашто хаттй нусхе (Рукописи пашто в библиотеках Индии). Кабул, 1363/1984. 308 с.

10. Хевāдмал З. Дэ пашто адабийāто тārйх: ларгūне ав мэндзанй давре (История литературы пашто: древний и средний периоды). Пешавар, 1379/2000. 278 с.

11. Хевāдмал З. Дэ стэр рўхāнй ав фархангй шахсийат Мухаммадй Сāхйб-зāда дэ двасвийэм талйн пэ мунāсйбат ‘илмй гвāнда (Научный семинар, посвященный двухсотлетней годовщине крупного деятеля религии и культуры Мухаммадй Сāхйб-зāда) // Лемэ (журнал «Глаза»). № 13–14. М., 2000. С. 17–24.

УДК 821.521

Хронопуло Л. Ю.

«ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР» СБОРНИКА РАССКАЗОВ ХОСИ СИНЪИТИ «БОККО-ТЯН»

Японский писатель Хоси Синъити¹ (1926–1997) — самый известный в Японии писатель жанра «сверхкороткой фантастической прозы» («*сё:то сё:то*» — от англ. «short short»), первый президент Клуба японских писателей-фантастов. Хоси опубликовал более тысячи коротких рассказов с фантастическим сюжетом, неожиданным поворотом событий и непредсказуемой концовкой, которые, как указывал сам Хоси в послесловиях к сборникам рассказов писателей, чьи произведения победили в конкурсе «*сё: то сё: то*», являются непременными условиями данного жанра [3]. По объему такие рассказы не превышают шести–семи страниц специальной бумаги для рукописей *гэнко:ё:си* (что составляет 2400–2800 иероглифических знаков) [2. С. 137].

Японские исследователи подразделяют рассказы Хоси на научно-фантастические, волшебные (со сказочным сюжетом) и рассказы-случаи [2. С. 137].

В этих зачастую ироничных историях Хоси просматривается склонность к поучению, как в баснях. Рассказы отличаются простотой изложения: Хоси находится в постоянном диалоге с читателем, строя свои произведения таким образом, чтобы идея конкретного рассказа была предельно ясна и понятна. Стиль Хоси максимально прост: в его рассказах практически отсутствуют редкие иероглифы, длинные предложения, нет пространных описаний или размышлений. Кроме того, стремясь сделать свои рассказы всегда актуальными и понятными любому читателю, Хоси отказывается от указаний на эпоху, политическую, экономическую или социальную обстановку в стране; также он избегает называть места, где происходят события, ограничиваясь, в случае необходимости, буквами латинского алфавита. Герои большинства рассказов носят такие имена, как г-н F, г-н N или г-н K.

Один из самых известных сборников Хоси Синъити, впервые увидевший свет в 1971 г., — «Бокко-тян» — содержит пятьдесят рассказов, написанных в жанре «сверхкороткой фантастической прозы»². Рассказы этого сборника можно подразделить на собственно фантастические, в которых герои совершают путешествия в космос, встречаются с инопланетянами, волшебниками, потусторонними существами и т. д. (большинство рассказов представляют именно такие сюжеты), и псевдо-фантастические, в которых не происходит ничего необычного, но ситуация, показанная с точки зрения героев, выглядит фантастичной. Например, в рассказе «Одно исследование» древний человек пытается высечь огонь, и это событие представлено как опасное новаторское исследование³; в рассказе «Загадочный молодой человек» речь идет об обычном служащем, который за счет государства (а точнее, взимаемых налогов) щедро делает людям добро, отчего его начинают считать волшебником, чудотворцем⁴. Все рассказы сборни-

ка объединяет то, что по отношению к читателю они являются мастерски разыгранным анекдотом: неожиданная концовка перемещает читателя либо в иное время, отличное от предполагаемого («Одно исследование», рассказы о путешествиях в космос), либо в ситуацию, отличную от предполагаемой («загадочный молодой человек» оказывается всего лишь простым работником госучреждения; в рассказе «Обгон» призрак погибшей возлюбленной, померещившийся герою, оказывается только манекеном, на создание которого мастера вдохновил ее образ⁵). Таким образом, мир в рассказах Хоси Синъити «переворачивается» на глазах у читателя: ожидаемое не происходит, и полярности меняются местами. «Опрокидываются» читательские представления не только о ситуации, но и о персонажах: прием «обмана» читателя у Хоси, как будет показано ниже, затрагивает традиционные представления о добре и зле, и обманутым оказывается не только читатель, но и сами герои, причем не по воле рокового стечения обстоятельств, а по своей собственной вине.

Героев рассказов Хоси можно разделить на три основные категории: 1) обычные люди (служащие фирм и т. д.), попадающие в фантастические обстоятельства; 2) изобретатели, ученые; 3) инопланетяне. Обычные люди встречаются с волшебниками или потусторонними силами («Злой дух»⁶, «Зеркало»⁷); видят галлюцинации или фантастические сны, которые путают с реальностью («Бессонница»⁸, «Дворец мечты»⁹); к ним в руки попадают предметы, наделенные магической силой, или предметы из будущего («Любимые часы»¹⁰, «Секретарь на плече»¹¹). Ученые (или любители) изобретают необычные лекарства или механизмы («Бокко-тян»¹², «Странное лекарство»¹³), причем на их изобретения часто покушаются злоумышленники («Ущерб»¹⁴, «Украденные документы»¹⁵, «Похищение»¹⁶, «Сейф высшего качества»¹⁷). Изобретение нередко приносит вред своему создателю: так, красавица-робот Бокко-тян, сделанная хозяином бара для привлечения посетителей, по роковой случайности отравляет всех, в том числе хозяина¹⁸; «странное лекарство», вызывающее ложную простуду, которая служит правдоподобным и благовидным предлогом в случае, если нужно не пойти на работу, приводит к тому, что, когда изобретателю на самом деле становится плохо, друг ему не поверил — решил, что тот просто экспериментирует с лекарством¹⁹. Точно так же украденная вещь становится наказанием для похитителя: в рассказе «Украденные документы» похититель приготавливает чудодейственное средство согласно инструкциям, похищенным у профессора, и решает испытать его на себе, однако выясняется, что у снадобья есть побочный эффект — оно пробуждает совесть²⁰; в рассказе «Похищение» ученый раскладывает по всему городу роботов-младенцев с заложенной взрывчаткой, чтобы таким образом вычислять и уничтожать похитителей детей²¹; «сейф высшего качества» оказывается не более чем пустым помещением для поимки воров²².

Инопланетяне в большинстве случаев — добрые дарители для землян, которым их дары оказываются не нужны. Так, в рассказе «Сувенир»²³ они преподносят еще безлюдной планете драгоценное вместилище всех секретов добра, сохранения мира на Земле и т. д., которое люди должны будут обнаружить с течением времени. Но прогресс приводит к обратному: заботливо сберегаемый на необитаемом острове кладезь добра, никем не обнаруженный, уничтожается в результате ядерных испытаний. В рассказе «Обещание»²⁴ дети просят жителей внеземной цивилизации, с которыми они познакомились и подружились, сделать так, чтобы они никогда не были похожими на взрослых. Но время на другой планете идет иначе, чем на Земле, и по возвращении инопланетяне обнаруживают, что дети уже стали взрослыми, и чистая совесть и порядочность им теперь

ни к чему — они отказываются от этого дара. Герои рассказа «Подарок»²⁵ отправляют на Землю милого робота, который должен смягчить землян и убедить их прекратить испытания ядерного оружия; однако напуганные земляне прекращают испытания не по доброте душевной, а лишь по той причине, что, привыкнув судить по себе, они восприняли подарок как военную угрозу со стороны инопланетной цивилизации.

Губительной для человека оказывается не сама встреча с потусторонними или волшебными силами, а столкновение лицом к лицу с собственными пороками, обнаружению которых служит эта встреча. Так, в рассказе «Зеркало» мужчина с помощью черной магии выманивает из зеркала чертенка, а когда тот отказывается показать чудеса, подвергает его жестоким пыткам. В конце концов у героя и его жены настолько вошло в привычку срывать злобу на беззащитном чертике, мучая и изощренно издеваясь над ним, что, когда тот сбегает, они, не в силах сдержать свой гнев, зверски убивают друг друга²⁶. В рассказе «Злой дух» джинн из бутылки, выловленной рыбачившим зимой на озере человеком, безропотно выполняет корыстные желания; тот не слушает предупреждения, требуя золота без меры, — и наконец лёд проваливается под весом золотых монет. Таким образом, «злым духом» оказывается алчность человека, а не сам джинн²⁷.

Показанный в рассказах Хоси Синъити принцип кругового зла, запущенного человеком, оставляет открытым вопрос: возможно ли для человечества будущее? Так, герои рассказа «Эй, выходи!»²⁸ — жители деревни — бросают в яму ядерные отходы, мусор и камни, не подозревая, что эта загадочная дыра ведет в будущее, к их потомкам.

В рассказе «Осада»²⁹ герой подвергается нападению; нападавший заявляет, что ничего не имеет против героя, но ему поручил уничтожить его тот, у кого на это не хватило смелости. В процессе поиска заказчика герой выясняет, что множество людей, у которых не хватило духу совершить преступление, перепоручали друг другу убить его. Мужчина мечется по свету в безуспешных попытках выяснить, кому и что он сделал плохого, кто же заказал его убийство, и в конце концов ему начинает казаться, что все люди в мире ополчились против него, что все — его враги. Досадив кому-то одному, мужчина сталкивается с местью целого мира, где каждый если не пытался, то хотя бы намеревался уничтожить героя.

Добродетель и бескорыстие в современном мире наказуемы; так, «загадочного молодого человека», попробовавшего по справедливости распорядиться налогами и помочь людям, в госучреждении, где он работал, посчитали ненормальным и поместили в психиатрическую лечебницу. Таким образом, герой Хоси — личность, в которой заложен механизм самоуничтожения; даже если этот механизм не «срабатывает» на страницах рассказа, он — как «бомба замедленного действия». Например, герой рассказа «Обгон», уже давно терзаемый муками совести из-за самоубийства бывшей возлюбленной, покончившей с собой после того, как он ее бросил, видит в едущей рядом машине ее призрак, который тянет к нему руки; мужчина врезается в столб и погибает, так и не узнав, что «призрак» оказался просто манекеном³⁰. Мир в рассказах сборника «Бокко-тян» Хоси Синъити «перевернут» вовсе не фантастическими существами, как можно было бы ожидать, изменен не волшебством и магическими ритуалами, а самим человеком, который на глазах у читателя без помощи всякой потусторонней силы опрокидывает законы добра и морали. Встречи с чудесными созданиями или магическими предметами лишь служат обнаружению худших качеств человека. Человек, по Хоси Синъити, — сам себе враг, действия его неизбежно приводят к прижизненному воздаянию

за содеянное зло, за корыстолюбивые действия и порочные помыслы. В этом смысле фантастические произведения Хоси Синъити оказываются таковыми лишь по форме. Человек, склонный к саморазрушению, — враг себе, но не судья; он слишком слаб и поэтому не способен сделать выводы и исправиться, а тем более изменить мир вокруг себя — само его неправильное поведение влечет за собой неминуемое возмездие.

Примечания

¹ Лишь немногие из рассказов Хоси Синъити переведены на русский язык (см., напр., его рассказы в сборнике: *Времена Хокусая. Японская фантастика*. М., 1967. 288 с.); теоретические труды, посвященные его творчеству, в отечественном японоведении не представлены.

² *Хоси Синъити*. Бокко-тян. Токио, 2008. 315 с. (на япон. яз.). — Далее приведены названия рассказов данного сборника, о которых идет речь в тексте статьи, с указанием страниц.

³ Ару кэнкю: (Одно исследование). С. 209–212.

⁴ Надзо-но сэйнэн (Загадочный молодой человек). С. 292–296.

⁵ Оикоси (Обгон). С. 191–194.

⁶ Акума (Злой дух). С. 9–13.

⁷ Кагами (Зеркало). С. 124–135.

⁸ Фуминсё: (Бессонница). С. 82–86.

⁹ Ёкубо:-но сиро (Дворец мечты). С. 263–267.

¹⁰ Айё:-но токэй (Любимые часы). С. 252–254.

¹¹ Ката-но уэ-но хисё (Секретарь на плече). С. 217–223.

¹² Бокко-тян. С. 14–19.

¹³ Хэнна кусури (Странное лекарство). С. 39–42.

¹⁴ Хигай (Ущерб). С. 224–227.

¹⁵ Нусунда сёруй (Украденные документы). С. 268–270.

¹⁶ Ю:кай (Похищение). С. 136–140.

¹⁷ Дэраккусуна кинко (Сейф высшего качества). С. 121–123.

¹⁸ Бокко-тян. С. 14–19.

¹⁹ Хэнна кусури (Странное лекарство). С. 39–42.

²⁰ Нусунда сёруй (Украденные документы). С. 268–270.

²¹ Ю:кай (Похищение). С. 136–140.

²² Дэраккусуна кинко (Сейф высшего качества). С. 121–123.

²³ Омиягэ (Сувенир). С. 260–262.

²⁴ Якусику (Обещание). С. 69–72.

²⁵ Пурээнто (Подарок). С. 213–216.

²⁶ Кагами (Зеркало). С. 124–135.

²⁷ Акума (Злой дух). С. 9–13.

²⁸ О:й дэтэко:й (Эй, выходи!). С. 20–25.

²⁹ Хо:и (Осада). С. 50–55.

³⁰ Оикоси (Обгон). С. 191–194.

Литература

1. *Нонобэ Кэндзи*. Хоси Синъити бунгаку ку:кан-ни окэру хё:сё: то ими (Символичность и смысл в литературном пространстве Хоси Синъити) // *Нихон кэнтику гаккай тайкай гакудзюцу ко:эн ко:гайсю*: (Научные труды Конгресса Японского архитектурного общества: Сб. тезисов). Нагоя, 2009. С. 617–618.

2. Сато: Тиз, Мураи Хадзимэ, Токосуми Акифуми. Бунгаку сакухингун-но токутё:тэки гои то гайнэн катэтори:-но тю:сё:. Хоси Синъити-но сё:то сё:то-но кэйрё: бунсэки. (Характерная лексика литературного произведения и концептуальные категории. Квантитативный анализ сверхкоротких фантастических рассказов Хоси Синъити) // Дзё:хо: тисики гаккайси (Журнал Японского информационного общества). 2009. Вып. 19. № 2. С. 132–137.

3. Хоси Синъити. Сэмпё: (Критерии выбора) // Сё:то сё:то-но хироба (Пространство сё:то сё:то). Т. 1. Токио, 2007. С. 297–323.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-139

М.Е. Алексеева

О ПРОБЛЕМЕ ДЕТЕРМИНАТИВОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Вопрос о категории «определенность / неопределенность» неизбежно возникает в любом исследовании, посвященном именной группе и различным ее свойствам и составляющим. Однако единого мнения о содержании понятия «определенный» и, соответственно, «неопределенный» на данный момент в лингвистической литературе не выработано.

Во многих языках в состав именной группы входит элемент, единственной или основной функцией которого является маркирование определенности / неопределенности данной именной группы. Этот элемент может быть лексической единицей, как определенный и неопределенный артикли в английском языке (*a, the*), или своего рода аффиксом, как префикс *'al-* в арабском языке, традиционно называемый определенным артиклем. Очевидно, что артикль присутствует не во всех именных группах. Тем не менее статус «определенность / неопределенность» может быть также присвоен и именованным группам, в составе которых нет ни определенного, ни неопределенного артикля. Например, в английском языке выражение *this house* рассматривается исследователями и грамматиками как определенное, а *several houses* — неопределенное. В контексте традиционной лингвистики *this* — это указательное местоимение, но в последние десятилетия все чаще в научной литературе, посвященной проблемам именной детерминации, встречается термин «детерминатив».

Единого определения понятия «детерминатив» в лингвистике на данный момент не существует. Причем различные взгляды на категорию детерминативов встречаются не только у последователей разных теоретических направлений, но зачастую и в рамках каждой конкретной лингвистической теории нет единой точки зрения на этот предмет. Неоднозначно обстоит дело и с собственно терминологией. В российской лингвистике, по-видимому, сформировались два термина, употребляющихся для обозначения одного понятия: «детерминатив» [18; 19; 21 и др.] и «детерминатор» [20]. Эта двойственность, очевидно, проявляется благодаря изначальной наличию двух англоязычных терми-

нов «determiner» и «determinative» (*сущ.*). Большинство англоязычных исследователей оперируют термином «determiner», гораздо реже и, как правило, в несколько другом значении встречается «determinative». Однако в некоторых случаях один термин заменяется на другой, что неизбежно приводит к искаженному восприятию идей автора¹. Мы будем придерживаться более традиционного термина — «детерминатив».

В целом, лингвисты под детерминативами понимают служебные слова, сопровождающие существительное и различными способами определяющие и уточняющие круг его референции. Например, российский исследователь В.Г. Гак уточняет, что детерминативы выражают «общие признаки объекта: определенность, принадлежность, количество и т. п.» [19. С. 88]. Однако мнения ученых серьезно расходятся, когда речь заходит о наполнении этой категории конкретными языковыми единицами.

Различные авторы включают или, напротив, исключают из списков детерминативов артикли, различные разряды местоимений, существительные в притяжательном падеже, количественные и порядковые числительные. При этом многие обзоры, посвященные этой категории слов, подразумевают под детерминативами все вышеперечисленное. Например, авторитетная грамматика английского языка, изданная в 1985 г. в Лондоне, предлагает объединить понятием «детерминатив» шесть классов языковых единиц: артикли (определенные, неопределенные), указательные и притяжательные местоимения, квантификаторы, количественные и порядковые числительные [15].

В грамматике французского языка В.Г.Гака, изданной примерно в то же время, детерминативы включают только пять семантико-грамматических разрядов: артикли, притяжательные, указательные, вопросительные и неопределенные детерминативы. О составе последней группы среди лингвистов нет единого мнения [19. С. 88]. Таким образом, артикль первым пунктом входит в обе классификации, поскольку передает значение определенности / неопределенности в «чистом» виде. Однако этот же критерий служит для ряда лингвистов решающей причиной исключить его из класса детерминативов². Отечественный лингвист О.И. Москальская, например, настаивает на том, что все детерминативы «обладают ярко выраженным лексическим значением посессивности, указательности, неопределенного или тотального множества и потому употребляются весьма избирательно как любой элемент словарного состава, а собственно артикли сопровождают имя существительное регулярно» [21. С. 10].

Некоторые другие лингвисты, например Л.С. Бархударов, рассматривают наличие или отсутствие артикля как критерий для выделения собственно детерминатива, поясняя, что при существительном не могут одновременно находиться артикль и детерминатив [18. С. 57]. Российская исследовательница О.В. Яковенко называет такое логически противоречивое суждение «нелогичным» [21. С. 10]. Некоторые западные авторы также проводят различие между детерминативами (такими, как *that, both, which, such, my, no*) и артиклями [см.: 4; 9; 11; 16].

Исследователи, занимающиеся изучением семитских языков, например иврита, также вынуждены решать проблему артикля. Данный язык, в соответствии с типологией Ж. Крамски, относится к разряду языков, где определенный артикль представлен энклитикой (наряду с арамейским и урартским языками, языками хауса, сомали и др.) [8]. Причем в большей части исследований, посвященных артиклю в иврите, в той или иной степени признается общее соответствие его семантических и синтаксических особенностей особенностям определенного артикля *the* английского языка. В частности, образование определенного состояния имен считается синтаксическим процессом [17. Р. 320].

На протяжении последних десятилетий точка зрения на природу артикля в иврите не раз менялась, соответствуя в основном общемировым тенденциям. В работе израильского лингвиста У. Орнана 1965 г. артикль воспринимается как полноправное слово [12]. Э. Риттер рассматривает артикль как энклитику, и хотя с 1988 г. по 1994 г. общее восприятие определенности в ее исследованиях меняется, статус определенного артикля в целом остается прежним [17. Р. 320]. Т. Силони в исследовании 1991 г. предлагает воспринимать артикль неразрывно с определяемым им словом после его передвижения [17. Р. 320]. При этом некоторые лингвисты рассматривают артикль как чрезвычайно важную единицу синтаксического процесса, в то время как Ш. Винтнер предлагает воспринимать определенный артикль в качестве аффикса, примерно так же, как его видит Х. Борер в своей работе 1994 г. [17. Р. 320].

Противоречивые мнения вызывает также утверждение отечественного лингвиста Л.С. Бархударова о том, что так называемые пре- и постдетерминативы (*pre- and post-determiners*), местоимения, стоящие в позиции перед и после вершины именной группы, соответственно не относятся к детерминативам. Западные лингвисты, следуя классификации грамматики Р. Квирка и др., разделяют категорию детерминативов на три позиционных класса: упоминавшиеся выше пре- и постдетерминативы и центральные детерминативы (*central determiners*), или собственно детерминативы [10; 14; 15; 17 и др.]. К преддетерминативам традиционно относят квантификаторы *all* и *both*, в том случае если они употребляются в препозиции к вершине именной группы. Впрочем, эти слова могут употребляться как в позиции, типичной для преддетерминативов (*all the girls*), так и в позиции, которую обычно занимают собственно детерминативы, например указательные местоимения (*all girls*).

Отечественный исследователь А.И. Смирницкий рассматривает артикли как адъективные местоимения, но с неполным, ослабленным значением. По функции, в отличие от семантики, они тождественны [21. С. 11]. Они тождественны по функции — выступают в качестве регулировщиков, ориентиров ситуации, и такая тождественность, вполне вероятно, распространяется и на другие группы детерминативов. Как справедливо отмечает А.И. Смирницкий, по самому характеру своей семантики местоимения оказываются как бы лишенными постоянного и закрепленного за ними значения в том смысле, что местоимения не выступают как постоянное обозначение того или иного определенного предмета или признака. Это обстоятельство роднит и местоимения, и артикли, и вообще все группы детерминативов. Например, слово *house* постоянно обозначает определенный объект, и если мы произносим слово *house*, то ситуация относительно сути предмета не меняется: дом остается домом. Произнося детерминатив *tu* или *any*, мы озвучиваем не стационарную ситуацию обозначения объекта, а мобильную ситуацию отношений. Как полагает О.В. Яковенко, детерминатив по своей функции — это регулировщик, оператор ситуации [21. С. 10]. И класс детерминативов вполне логично наполнить теми элементами, которые эту функцию выполняют. Поэтому вполне оправданной можно назвать позицию ученых, которые считают, что определители существительных образуют функциональную систему, состоящую из морфологически разных элементов, входящих в именную группу; к этим элементам причисляют и артикли, и различные разряды местоимений, и существительные в притяжательном падеже, и числительные (см. исследования Л.И. Или, Т.С. Харитоновой и др.).

Интересная попытка совместить в некоторой степени функциональный и формальный подходы в лингвистике предпринимается в статье европейского лингвиста П. Хар-

дера под названием «Детерминативы и определенность: функциональная семантика и структурная дифференциация» [5]. П. Хардер справедливо отмечает, что как функциональный, так и формальный подходы часто высказывают предположение, что структурные и семантические категории в большой степени совпадают. Автор ставит своей целью показать, что категория детерминативов состоит из разнородных элементов, функцию которых следует понимать как результат наличия структурной модели, основывающейся на принципах функциональности, которая «открывает» определенную позицию в сложной именной группе для самого базового выбора между определенной и неопределенной референцией. Поскольку Хардер признает себя последователем традиции функционализма, некоторые идеи формального подхода чрезмерно упрощены, но даже такая попытка соотнести достижения двух различных теоретических направлений лингвистики, безусловно, заслуживает внимания.

Одной из самых широко обсуждаемых в литературе тем, связанных с детерминативами, является вопрос о правомерности выделения их в отдельную часть речи. Исторически сложившаяся грамматическая традиция, восходящая еще к греческим грамматистам, считавшим артикль одной из восьми классических частей речи [см., напр.: 2. Р. 18], действительно, могла бы стать основанием для такого вывода, но гораздо большую роль в формировании взглядов современных лингвистов сыграла генеративная грамматика Н. Хомского. X'-теория предполагает наличие зависимого, являющегося непосредственной составляющей максимальной проекции вершины, спецификатора, которым для именной группы является детерминатив (Det или D). Данная позиция как раз и определяет ту категорию слов, которые в современной лингвистике принято объединять термином «детерминатив». Изначально англоязычное и посвященное в основном английскому языку исследование Н. Хомского заложило основы для широкомасштабного исследования синтаксических конструкций в рамках генеративной грамматики, впоследствии распространив свое влияние на многие языки мира.

Из отечественных лингвистов, придерживающихся позиции выделения детерминативов в отдельную часть речи, упомянем В.Г. Гака, предлагающего провести данное разделение на основании семантических, морфологических и синтаксических признаков. Таким образом, он выделяет три функции детерминативов как части речи. Первая, синтаксическая, заключается в оформлении именной группы в предложении. Детерминативы «выступают в данном случае как актуализаторы существительного, выполнение основных синтаксических функций которого без детерминативов невозможно» [19. С. 88]. Вторая, морфологическая уточняет категории существительного (рода и числа) в том случае, когда это не выражено другими способами (например, флексиями в языках флективного типа). Семантическая функция детерминативов состоит, по мнению В.Г. Гака, в выражении грамматической категории определенности / неопределенности [19. С. 89].

Такой подход не встречает на данный момент широкой поддержки исследователей, хотя в рамках генеративной грамматики и некоторых других синтаксических теорий убеждение, что детерминативы, если не являются отдельной частью речи, то, несомненно, представляют собой отдельный класс слов, довольно распространено.

Во многих работах, написанных в рамках генеративной грамматики после 1987 г., вслед за С. Эбни детерминатив рассматривается как вершина «группы детерминатива» (Determiner Phrase / DP), в которую именная группа входит в качестве комплемента [1]. В соответствии с этой теорией (иногда называемой «теорией группы детерминатива» —

DP Hypothesis) и позднейшими версиями генеративной грамматики, детерминатив — функциональная вершина, противопоставленная в структурном смысле лексическим вершинам (N, V, A, P). Поводом для создания теории группы детерминатива, поддержанной впоследствии многими исследователями (R. Jackendoff, R. Hogg, M. Brame, A. Szabolcsi, R. Hudson, N. Fukui, L. Hellan, S. Olsen и др.), стало концептуальное сходство со структурой клаузы, которая в работе Н. Хомского 1989 г. включала группу комплементарайзера (CP), финитную (IP) и глагольную (VP) группы. Суть сходства состояла в том, что такие функциональные категории, как комплементарайзер (Complementaizer) и вершина, носитель финитных глагольных категорий (Inflection), походят на схему X'-теории и возглавляют XP с компонентами и спецификаторами, и соответственно, то же самое можно предположить по отношению к функциональной категории детерминатива.

Интересная, хотя и не совсем логически приемлемая, интерпретация аббревиатуры DP содержится в монографии К. Лайонса. Он трактует D как «Definiteness», доказывая, что DP следует воспринимать не как «Determiner Phrase» — «группу детерминатива», а как «Definiteness Phrase» — «определенную группу» [10. С. 298]. Слабость этой позиции, очевидно, в том, что автор различает класс детерминативов и выражение определенности, но ассоциирует второе со структурным понятием DP.

В последнее время, однако, лингвисты все чаще сталкиваются с неадекватностью предложенной теории группы детерминатива как таковой. Б. Брюнинг в статье с говорящим названием «Некоторая асимметрия между CP и DP указывает на неправильность DP гипотезы», изданной в 2009 г., приводит аргументы против теории группы детерминатива. Схожие идеи уже неоднократно выдвигались другими западными исследователями. Р. Хадсон ставит под сомнение не только существование группы детерминатива, но и самих функциональных категорий, хотя и допускает существование отдельных единиц, которые могут рассматриваться как «функциональные» единицы [6]. Бельгийский ученый Ф. ван Эйнде не стал заходить столь далеко. В 2004 г. он написал, а в 2006 г. опубликовал статью, в которой отметил, что хотя теория группы детерминатива и облегчает поиск ограничений (restrictions) для разных типов синтаксических категорий благодаря унифицированному подходу, эмпирические несоответствия выдают ее несостоятельность. В статье он предлагает вернуться к именованным группам с именами в качестве вершин, и рассматривать детерминативы как члены независимых лексических категорий, в частности прилагательных и местоимений [14].

Однако уверенный тон последней статьи ван Эйнде воспринимается несколько иначе, если мы обратим внимание на качественные изменения взглядов самого автора в течение последних лет. В работе 1994 г. он рассматривает определенный артикль как одну из единиц части речи детерминатив, среди единиц которой преобладают указательные местоимения, а неопределенный артикль, как единицу части речи квантификатора [2]. В 1998 г. ван Эйнде классифицирует детерминативы как прилагательные, а в 2003 г. относит часть из них к прилагательным, а часть — к существительным или местоимениям [13].

Несомненно, такое разнообразие точек зрения объясняется двойственной природой детерминативов, которые семантически сходны с местоимениями, а функционально они как определители существительного сближаются с прилагательными, что отмечал еще в 1966 г. В.Г. Гак, [19. С. 89].

Одна из проблем, изучением которой сравнительно недавно занялись исследовате-

ли (особенно изучающие данные, например, семитских языков), — проблема так называемой конструкции сопряженного состояния, анализируемого в работах Э. Риттер, А. Фасси-Фехри, Т. Силони, И. Хазота, Х. Борера и др. Исследования ведутся преимущественно в рамках генеративной грамматики, и поэтому основой этих работ является идея о возникновении сопряженного состояния в результате передвижения вершины (имя в позицию детерминатива, N to D). Израильский лингвист Г. Данон предполагает наличие четкой связи между дистрибуцией детерминативов и структурой именного сопряженного состояния [3].

В отечественной лингвистике не так много работ, посвященных детерминативам как отдельному классу. Одной из первых работ на эту тему, в которой сделана попытка систематизировать данные об этой категории, была диссертация Ю.А. Левицкого «Некоторые вопросы теории актуализации» (1970). В 1972 г. в диссертации Т.С. Харитоновой проводится исследование детерминативов в синтагматическом аспекте. Под синтагматическим аспектом в работе понимается «область линейных отношений изучаемых элементов, их одновременная соотнесенность, расположение и связи с другими элементами в именной группе существительного» [цит. по: 21. С. 12]. В работе преобладает описательный метод, дающий представление о синтаксических особенностях комбинаторики детерминативов.

Одним из исследований, не затрагивающих область синтаксиса, а опирающихся на достижения когнитивной лингвистики и когнитивно-операциональный метод описания механизма функционирования детерминативов в тексте, стала диссертация российского лингвиста С.И. Потапенко «Риторический аспект функционирования детерминативов английского языка» (1991). Несмотря на ограниченность исследуемого материала (артикли, указательные и притяжательные детерминативы), работа интересна методикой исследования детерминативов в речи, предназначенной для различных типов аудитории [цит. по: 21. С. 12]. Выводы, сделанные автором, представляются интересными, даже если учитывать необходимость дальнейшего уточнения данных с использованием большего объема материалов.

В заключение данной статьи отметим, что этот краткий обзор российских и западных исследований, посвященных проблеме детерминативов в рамках изучения синтаксиса, не претендует на всеобъемлемость, а всего лишь стремится показать многогранность и противоречивость современных взглядов на категорию детерминативов, чья двойственная природа заставляет ученых искать принципиально новые междисциплинарные подходы к проблеме и открывать все новые и новые грани научного знания.

Примечания

¹ Дискуссию об употреблении этих терминов см., в [6; 13].

² Аргументацию данной точки зрения см., например, в исследованиях Б. А. Ильина и М. Я. Блоха.

Литература

1. *Abney S.* The Noun Phrase in Its Sentential Aspect. MIT Ph. D. diss. Cambridge, 1987. URL: <http://eprints.kfupm.edu.sa/69794/1/69794.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
2. *Allegrezza V.* The Signs of Determination. Constraint-Based Modelling Across Languages. Frankfurt am Main, 2007. P. 7–66.

3. *Danon G.* The Syntax of Determiners in Hebrew. MA thesis, Tel-Aviv University. 1996. P. 73. URL: <http://faculty.biu.ac.il/~danong1/papers/thesis.html> (дата обращения: 05.10.2009).
4. *Guisti G.* The categorical status of determiners // *The new comparative grammar*. London: Longman, 1997. P. 95–123.
5. *Harder P.* Determiners and Definiteness: Functional semantics and structural differentiation // *Essays in nominal determination: from morphology to discourse management* / Ed. by H.H. Muller, A. Klinge. Amsterdam, 2008. P. 1–27.
6. *Hudson R.* Syntax without functional categories // *UCL Working Papers in Linguistics*. 1997. Vol. 9. P. 29. URL: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/PUB/WPL/97papers/hudson.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
7. *Huddleston R., Pullum G.* The Cambridge grammar of the English Language. Cambridge, 2002.
8. *Kramski J.* The article and the concept of definiteness in a language. The Hague, 1972. P. 158–159.
9. *Leu T.* The Internal Syntax of Determiners. New York University Ph. D. diss. September 2008. URL: <http://gagl.eldoc.ub.rug.nl/FILES/root/2008-47/2008-47-01/2008-47-01.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
10. *Lyons C.* Definiteness. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. P. 380.
11. *Ornan U.* The Nominal Phrase in Modern Hebrew. P. 1. Introduction and article. Jerusalem, 1965. P. 42. URL: http://www.eric.ed.gov/ERICDocs/data/ericdocs2sql/content_storage_01/0000019b/80/33/c8/50.pdf (дата обращения: 05.10.2009).
12. *Van Eynde F.* On the notion ‘determiner’ // *The Proceedings of the 10th International Conference on Head-driven Phrase Structure Grammar* / Ed. by S. Muller. Stanford: CSLI Publications, 2003. P. 6. URL: <http://www.ccl.kuleuven.be/~frank/Papers/determiner.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
13. *Van Eynde F.* NP-internal agreement and the structure of the noun phrase // *J. of Linguistics*. 2006. Vol. 42. P. 139–186.
14. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A comprehensive grammar of the English language. London, 1985.
15. *Szabolcsi A.* *The Noun Phrase*. Los Angeles, California: UCLA, 1992. URL: <http://homepages.nyu.edu/~as109/NP.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
16. *Wintner S.* Definiteness in the Hebrew Noun Phrase // *J. of Linguistics*. 2000. Vol. 36. P. 319–363. URL: <http://cs.haifa.ac.il/~shuly/publications/jl.pdf> (дата обращения: 05.10.2009).
17. *Бархударов Л.С.* Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966. С. 44–64.
18. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Ч. I. 2-е изд. М., 1986. С. 87–89.
19. *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001. 796 с.
20. *Яковенко О.В.* Когнитивно-семантические свойства детерминативов в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2005. 201 с.

УДК 81-23

В.Г. Гузев

КАТЕГОРИЯ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ (ИНДИКАТИВ). КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ ИНДИКАТИВА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Категория изъявительного наклонения, сигнализирующая о полном соответствии содержания высказывания объективной реальности, не имеет собственной специальной морфемы, что находится в полном соответствии с исконным свойством агглютинативных языков не выражать в речи того, что с точки зрения тюркской картины мира само собой разумеется и потому может оставаться без выражения или, иными словами, не нуждается в специальном выражении [19. С. 124–129; 20. С. 342–348]. Она конституируется всей системой временных форм, которые служат «для простого констатирования, утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем» [9. С. 462], и таким образом эта подсистема выделяется как наклонение по отношению к другим наклонениям.

Принципы истолкования категории времени

Согласно излагаемой в настоящей работе концепции [11. С. 66–114], функциональное предназначение временных форм заключается в выражении в качестве смыслов соотношения (совпадение по времени, предшествование или следование) действий с какими-либо событиями, с которыми говорящий ассоциирует имеющийся в значении каждой формы в качестве компонента (семы) абстрактный, обобщенный образ настоящего, прошлого или будущего момента или периода ориентации.

В качестве настоящего момента или периода ориентации, который мыслится как исходный, отправной период всей системы и с которым хронологически соотносятся образы действий, мыслится «языковленный» обобщенный, абстрактный образ, сформировавшийся в результате отражения и обобщения реальных настоящих моментов, способный быть, по выражению Э. Бенвениста, «моментом вечного настоящего» [8. С. 297] и ассоциироваться в человеческом сознании с любым конкретным моментом реального времени. Этот внутриязыковой временной ориентир удобно именовать «настоящим периодом временной ориентации». Он входит в состав значения каждой временной формы, из которых состоит система (категория) или подсистема (частная категория).

Наряду с этим, системы времен таких, например, языков, как германские, романские, некоторые славянские и тюркские, включают формы, в значениях которых образы действий соотносятся не только с настоящим, но также с абстракциями, сформировавшимися на основе отражения, осмысления и обобщения реальных прошлых и будущих периодов и ставших абстракциями, являющимися другими периодами ориентации — прошлым или будущим, которые обнаруживаются в составе значений конкретных вре-

менных форм. Категории времени языков, обладающих двумя или тремя периодами ориентации, распадаются соответственно на две или три подсистемы. Категория времени индикатива турецкого языка явно «трехполюсна», т. е. состоит из трех подсистем. Если принять за отправные точки каждой такой подсистемы формы, сигнализирующие о совпадении действия со своим периодом ориентации, например формы с морфемой *-(I)yor*, то сказанное можно иллюстрировать следующими высказываниями: 1) *Şu anda mektup yazıyorum* — (В настоящий момент) **я пишу** письмо (выделенная словоформа сигнализирует о совпадении события с настоящим периодом); 2) *Dün saat dokuzda uyuyordum* — Вчера в девять часов **я (уже) спал** (выделенная словоформа «маркирует» прошлый период ориентации); 3) *Bir yıl sonra Moskova'da Alarko şirketinde çalışıyor olacağım* — Через год (в это время) **я буду работать** в Москве, в фирме Аларко (из частного письма) (выделенная в турецком тексте аналитическая конструкция сигнализирует о соотношенности действия с будущим периодом ориентации).

Традиционный подход трактует формы, в значениях которых образы действий хронологически соотношены с «оязыковленными» абстракциями прошлого и будущего периодов, просто как «прошедшие» и «будущие» времена, именуя их нередко «сложными временными формами» [16. С. 221–243]. Однако такая трактовка форм соответствующих подсистем категории времени, как представляется, игнорирует подлинное функциональное (коммуникативное) предназначение подобных морфологических средств. Необходимо отдавать себе отчет в том, что какая-либо форма вторичной ориентации сигнализирует о том или ином соотношении действия с прошлым периодом ориентации, но сам этот ориентир соотношен с настоящим периодом как предшествующий ему. То же самое справедливо и в отношении будущего периода ориентации: значение временной формы сигнализирует, скажем, о совпадении действия с этим периодом, но сам этот период позволяет воспринимать это действие как будущее.

Точкой или периодом ориентации, с которыми хронологически соотносятся образы действий, не может быть «момент речи», поскольку: (1) он представляет собой внеязыковое событие, происходящее в реальной действительности, что не согласуется со способностью коммуникантов прибегать к переносному употреблению временных форм; (2) он не может входить в содержание языковых значений, являющихся абстрактными образами; (3) он может лишь учитываться говорящим при выработке стратегии высказывания, в том числе при выборе той или иной временной формы, но не может быть центром системы идеальных единиц, которыми являются языковые значения, в силу своей объективности и «экстралингвистичности».

Сомнения в правомерности положения о соотношенности действия с моментом речи высказывались неоднократно. Как пишет, например, Н.А. Сыромятников, «момент речи мог бы быть единственным критерием лишь для языков с тремя временами — настоящим, прошедшим и будущим. А для тех языков, в которых времен больше... таким критерием является временное отношение между теми действиями, о которых идет речь» [23. С. 17]. Н.А. Сыромятников цитирует позицию Н.С. Поспелова, по мнению которого «ориентировка» принципов истолкования языковой категории времени на момент речи порочна с точки зрения общей теории языка [23. С. 17], с чем автор настоящей работы не может не соглашаться.

Количество обычно анализируемых грамматистами временных форм, конституирующих категорию времени турецкого языка, находится в пределах 15 единиц [см.: 16. С. 221–243; 6. Р. 336–343; 1. С. 236–285; 5. С. 583–646; 24. С. 183–236]. Реализуемый в настоя-

шей работе подход убеждает в том, что турецкая категория времени обладает инструментарием, содержащим не менее двадцати темпоральных форм (частных категорий). Если бы значения этих форм имели только лишь темпоральное содержание, которое наличествует у каждой из них и объединяет в один ряд, то теоретически турецкий язык располагал бы только девятью временными формами (три периода ориентации с соотношениями). Однако содержание значения ряда форм является сложным, поскольку включает не только темпоральные, но также и аспектуальные, модальные или интервальные (например, не просто будущее, а ближайшее будущее) семы. Это обстоятельство находит подтверждение как в диахронии, точнее, в происхождении временных форм, так и в соотношении форм, наблюдаемом на синхронном срезе, в современном состоянии языка.

подавляющее большинство временных форм (настоящее-будущее, простое прошедшее, перфект) восходит к именным формам глагола [7. С. 27], остальные — к сложно-вербальным формам или конструкциям с аспектуальными значениями (настоящее I, возможно также настоящее длительное, перфект) [25. С. 69–96].

«Прямое» употребление временных форм. Формы первичной ориентации

(1) Настоящее I время («настоящее данного момента»)

Функциональное предназначение. «Настоящее I время» – одна из наиболее употребительных временных форм настоящего времени, сигнализирующих о том, что действие совпадает с настоящим периодом ориентации. Она функционирует в самых разных речевых стилях без ограничений. Не имеет аспектуальных компонентов значения, т. е. способна передавать как конкретные (актуальные), реально осуществляющиеся («здесь и сейчас») действия типа (*Он сейчас спит*), так и действия, неактуальные, не связанные с конкретными ситуациями, типа: *Я часто езжу на велосипеде* [3. С. 82–87]. В сфере передачи настоящих неконкретных действий чаще всего выступает как синоним «настоящего-будущего времени». Значение отличается от значения последнего как отсутствием аспектуальных сем, так и сем, сигнализирующих о следовании действия за настоящим периодом ориентации, иными словами, неспособностью выражать (при прямом употреблении) будущие действия.

Формообразование и формоизменение (спряжение). «Настоящее I время» представляет собой финитную форму, в функции формообразующего показателя которой выступает аффикс $-(I)уор$. Формоизменение осуществляется личными аффиксами I-го типа:

1. $yaz+уор+um$, $yaz+уор+sun$, $yaz+уор+0$, $yaz+уор+uz$, $yaz+уор+sunuz$, $yaz+уор+lar$ — я пишу, ты пишешь, он пишет, мы пишем и т. д.

Отрицательный статус получает показатель $-mA$ перед формообразующим аффиксом: $yaz+m1+уор+um$ (не пишу), $yaz+m1+уор+sun$ (не пишешь) и т. п. Ударение при этом помещается перед безударным отрицательным аффиксом (о замене алломорфов $-ma/-me$ алломорфами: $-m1/-m1/-mu/-mü$ см. следующий абзац).

Турецкие орфографические правила отражают фонетические явления, сопровождающие построение словоформ: широкие конечные гласные глагольных основ и аффикса отрицания ([a], [e],) перед аффиксом $-(I)уор$ переходят в соответствующие узкие: [a] > [ɨ], [e] > [i]: *başlamak* (начинать, начинаться) – *başlıуор* (начинает, начинается), *işlemek* (ра-

ботать) — *işliyor* (работает). Если исходному широкому гласному основы предшествует слог с губной гласной ([o], [ö], [u], [ü]), то конечные широкие переходят в губные узкие: [a] > [u], [e] > [ü]: *susamak* (жаждать, хотеть пить) — *susuyoğ* (хочет пить), *söylemek* (говорить) — *söylüyoğ* (говорит). То же явление наблюдается и в словоформах отрицательного статуса: *bulmak* (находить) — *bul+ma+mak* (не находить) — *bul+mu+yoğ* (не находит). Данное фонетическое явление наблюдается и в словоформах статуса невозможности с показателем *-(y)ama /-(y)eme*: *gid+emi+yoğ+um* (я не могу идти), *konuş+amı+yoğ+um* (я не могу говорить). Вопросительная словоформа включает в себя еще и частицу с узкими гласными (*mı, mi, mu, mü*), которая подчиняется гармонии гласных и располагается в словоформе перед личными аффиксами, отделяя их на письме от остальной части словоформы: *yaz+mı+yoğ mu+um?*; *yaz+mı+yoğ mu+sun?* (*Разве я не пишу? Разве ты не пишешь?*) и т. д.

Примеры: 1) О *kaytar+yoğ*, *biz ise onun yerine çalışmak zorundayız* (информант) — Он **уклоняется**, а мы тут работай за него; 2) *Yunan orduları yürü+yoğ Ankara üstüne...* (NH YGŞK, 404) — Греческие войска **идут** на Анкару...; 3) *Beni bir iş için Trabzon'a çağır+yoğ+lar* (NH YGŞK, 406) — Меня по какому-то делу **вызывают** в Трабзон; 4) *Maamafih, fena bir şey mi yar+yoğ+um?* *Kimsenin malına, hayatına, ırzına mı dokun+yoğ+um?* (RNG YD) — Кроме того, разве я **совершаю** что-нибудь плохое? Разве я **покушаюсь** на чью-либо собственность, жизнь или честь?; 5) *Yoksa vaktiyle Müslümanın da sonradan mı gâvur oldun? Tevekkeli bizim dilimizi böyle konuşmuyorsun.* (HE SB, 83) — Или ты когда-то был мусульманином, потом стал неверным? Неспроста ты так (хорошо) говоришь на нашем языке.

(2) Форма настоящего-будущего времени

Ставшее общепринятым в тюркском языкознании название этой древнейшей временной категории с морфемой *-(A)r/-mAz* отражает способность ее значения сигнализировать как о темпоральном совпадении действия с настоящим периодом ориентации, так и о его следовании за ним. Это обстоятельство позволяет трактовать темпоральное содержание значения настоящего-будущего как непредшествование действия настоящему периоду ориентации. В состав значения этой временной формы входит также аспектуальная сема, сигнализирующая о неконкретности действия, т. е. о том, что действие совершается не здесь и не сейчас. Сочетание названных двух сем — темпоральной и аспектуальной — обуславливает коммуникативные свойства этой временной формы, т. е. способность передавать перечисляемые ниже узуальные, а также окказиональные смыслы.

Из сказанного следует, что в прагматическом отношении настоящее-будущее отличается от настоящего первого способностью передавать в качестве смыслов только неконкретные (неактуальные) и будущие действия (т. е. следующие за настоящим периодом), а также функционированием в составе ряда устойчивых словосочетаний (см. ниже).

Коммуникативное предназначение (передача узуальных смыслов)

I. Настоящее-будущее способно сигнализировать о том, что действие субъективно воспринято говорящим как настоящее, но не связанное с какой-либо конкретной ситуацией:

а) действие мыслится как *естественное по своей природе, как проявление свойства предмета или события*, о котором идет речь (пример 1) или как *вневременное закономерное явление* (пример 2): 1) *Güneş doğudan doğ+ar, batıdan bat+ar.* (информант) — Солнце **восходит** на востоке, **заходит** на западе; 2) *Farklı kültürler saygı gördüğü zaman bölünmenin*

değil bütünleşmenin sebebi **ol+ur+lar** (Vatan. 3 Ocak. 2009) — Когда различные культуры пользуются уважением, они **становятся** причиной не сепаратизма, а единения);

б) подчеркивается обычный характер неконкретного действия: 1) Ama ben sarayları hiç **sev+mem**. Adından bile **ürk+er+im** (HE SB, 166) — Но я совсем **не люблю** дворцы. Мне **бывает страшно** даже при их упоминании; 2) Dedikodu en çok bıkıp attığı dalkavuklardan **çık+ar**. Fakat bunların hiç birisi Sabiha Hanım'ı **üz+mez**. Kahkahası sürekli, neşesi mikrop gibi yakınlarına **geç+er** (HE SB, 24–25) — Сплетни чаще всего **исходят** от прихлебательниц, которые ей надоели и которых она прогнала. Но ни одна из них (этих сплетен) не тревожит ее. Ее смех, ее веселость все время заражают близких ей людей;

в) действие совершается в силу сложившихся привычек, условий или традиции, установленного порядка и т. п.: 1) “Çayı çok **sev+er+im**”, dedi Günsel. “Hele sigarayla...” (VT BGTB, 85) — «Я очень **люблю** чай, — сказала Гюнсель, — особенно с сигаретой (в руке); 2) Sabahları erken **kalk+ar[im]**, akşamları erken **yat+ar+im** (информант) — По утрам я рано **встаю**, а по вечерам рано **ложусь** (спать); 3) ...arsız bir tabiyatım var... ne görsem **içim çek+er**... yiyecek **gör+ür+üm**, **iste+r+im**; elbise **gör+ür+üm**, **iste+r+im**... fazla olarak bunlara başkaları kadar kendimde de hak **bul+ur+um**... (RNG YD, 5) — ...у меня бесстыдная натура... что бы я ни увидел, **меня к этому тянет**... **увиджу съестное — хочу, увижу** одежду — **хочу**... более того, **обнаруживаю** у себя **чувство, что я заслуживаю** всего этого, в той же мере, что и другие;

г) в разговорной речи широко используется для выражения вежливых просьб и других разного рода побуждений коммуниканта II (собеседника) к действию: 1) **Gel+ir misiniz?** — **Подойдите, пожалуйста!**; 2) Şu parayı şoföre **uzat+ır misiniz?** (информант) — **Передайте, пожалуйста**, вот эту плату шоферу! (так могут Вас попросить в стамбульском автобусе); Полицейский может Вам сказать: 3) «Pasaportunuzu **ver+ir misiniz?**» («Дайте, пожалуйста, Ваш паспорт»); 4) Kalemınızı **ver+ir misiniz?** — **Вы не дадите** Вашу ручку?;

д) широко используется в устойчивых словосочетаниях (в частности, в формулах вежливости, пословицах и поговорках, многие из которых сохранились с прошлых веков): 1) Teşekkür **ed+er+im!** — Благодарю!; 2) Rica **ed+er+iz!** — Просим! Пожалуйста!; 3) İki sözü doğru dürüst bir araya **getir+emez** (фраз.) — Он и двух слов связать не может; 4) Aralarından su **sız+maz** (фраз.) — Их водой не разольешь; 5) Fazla nezaket rüyaya **gir+er** (посл.) — Излишняя вежливость **переходит** в лицемерие.

II. Форма способна также сигнализировать, что речь идет о будущем действии, особенно часто в разного рода обещаниях следующего типа: 1) Fazla **oyalan+mam**, iki gün sonra **dön+er+im** (информант) — Я долго **не задержусь, вернусь** через два дня; 2) “Beni bir iş için Tırabzon’a çağırıyorlar”, dedi. “Fırsattır, siz de gelin. Ordan hep beraber Rusya’ya geçip Bolşevikliği yerinde, iyice **öğren+ir+iz**” (NH YGŞK, 406) — «Меня по какому-то делу вызывают в Трабзон, — сказал он. — Удобный случай! Вы тоже приезжайте. Оттуда мы все вместе перейдем в Россию и хорошенько **познакомимся** с большевизмом там, где он и есть»; 3) Namazdan sonra şu koltuğa uzanır[im] kestiririm (HE SB, 128) — После намаза растянусь в этом кресле, вздремну; 4) Paşa’yı kızdırma, Rabia, gene **gel+ir+iz**... Haydi yavrum... diye kızı götürmeye çalışıyordu (HE SB, 132) — Он пытался увести девушку со словами: «Не серди Пашу, Рабия, мы снова придем... Пошли, доченька ...».

Формообразование и формоизменение

1) Все глагольные основы, оканчивающиеся на гласную, получают алломорф -r. Например: ye+r, de+r, bekle+r, oku+r, uyu+r.

2) Односложные основы на согласную (кроме 15 основ, которые следует специально заучить) присоединяют алломорфы -ar/-er: bak+ar, yar+ar, gir+er, sev+er, çiz+er.

3) Все многосложные основы на согласную образуют форму настоящего-будущего времени посредством алломорфов с узкими глаными -ır/-ir/-ur/-ür.

4) 15 односложных основ получают также алломорфы с узкими гласными:

al+ır	gel+ir	san+ır
bil+ir	gör+ür	var+ır
bul+ur	kal+ır	ver+ir
den+ir	ol+ur	vur+ur
dur+ur	öl+ür	yen+ir

Формоизменение (спряжение) производится посредством присоединения к временной основе личных аффиксов 1-го типа (спрягается глагол almak (брать)):

al+ır+ım	al+ır+ız
al+ır+sın	al+ır+sınız
al+ır+0	al+ır+lar

Спряжение форм отрицательного статуса, подвергшееся флективизации, представляет некоторые трудности и требует дополнительных усилий для усвоения и закрепления:

al+mam	al+ma+yız
al+maz+sın	al+maz+sınız
al+maz+0	al+maz+0+lar

Спряжение отрицательно-вопросительных форм (смысл, как в выражении «Разве я не беру?»):

almaz mıyım?	almaz mıyız?
almaz mısın?	almaz mısınız?
almaz mı?	almazlar mı?

(3) Настоящее длительное

Третья относительно молодая временная форма «настоящего времени» с морфемой -mAktA с точки зрения сигнализации о том, что действие характеризуется как совпадающее с настоящим периодом, синонимична с формами -(I)uog и -(A)r. Насколько можно понять, грамматистам пока не удастся окончательно уловить различия между этими тремя «настоящими временами», тем более что их функционирование продолжает эволюционировать. Форма -mAktA все более утверждается как средство официально-бюрократического или научного стиля, приобрело характер модного речевого средства. Наиболее часто употребляется в форме 3-го лица. По-видимому, правы те грамматисты, которые допускают, что изначально (в прошлом) эта форма имела в составе своего значения аспектуальные семы конкретности и продолжительности действия (быть в процессе совершения) [З. S. 111, 134, 139–142].

Механизм образования словоформ. Форма имеет прозрачный морфологический состав: имя действия -mAk в форме местного падежа + личные морфемы 1-й группы, который реализуется в словоформах в речи (пример спряжения: глагол писать в отрицательном статусе, я не пишу и т. д.): yaz+ma+mak+ta+yım, yazmakta+sın, yazmakta+dır, yazmakta+yız, yazmakta+sınız, yazmakta+dırlar.

Примеры: 1) Yorcucu ve zahmetli bir yolculuktan sonra odamda **dinlen+mekte+yım**. (информант) — Я отдыхаю в своей комнате после утомительного и трудного путешествия; 2) Sayın Yolcularımız, uçağımıza hoş geldiniz! Bugünkü uçuş ekibimiz, İstanbul Atatürk Hava Limanı için uçuş süremizi 55 dakika, uçuş yüksekliğimizi

yaklaşık olarak 9.000 metre olarak **ver+mekte+dirler**. Uçuş sırasında sigara **iç+il+me+mekte+dir**. Uçuşunuzun iyi ve rahat geçmesini dileriz. Teşekkür ederiz! (объявление на борту пассажирского самолета, выполняющего рейс из Софии в Стамбул) — Уважаемые пассажиры, добро пожаловать (на борту) нашего самолета! Сегодняшний летный экипаж **сообщает**, что длительность нашего полета до стамбульского аэропорта им. Ататюрка — 55 минут, высота полета — 9000 метров. В течение (всего) полета (на борту) **не курят**. Желаем, чтобы Ваш полет прошел хорошо и спокойно. Благодарим (за внимание)!; 3) Aradığınız numara **kullan+ıl+ma+makta+dir** (сообщение оператора компании мобильной связи) — Номер, который Вы набрали, **не используется**; 4) Hitit dilinde bu hatt kökünden doğmuş sözlerin çoğu (bütünü değil) yakın anlamları **içer+mekte+dir** (AU, 61) — Большинство слов хеттского языка (не все), производные от корня *xamt*, **содержат** близкие значения (стиль научного сочинения); 4) Yunan yazarlarının değişik yapıtlarından toplanan yirmi otuz Frig sözüne bakılarak bu dilin Hind-Avrupa dillerinden olduğu **söylen+mekte+dir** (AU, 65) — На основании (анализа) 20–30 фригийских слов, собранных из разных сочинений греческих авторов, **утверждают**, что этот язык был индоевропейским» (стиль научного сочинения); 5) 38 yaşındaki Zeliha Hanım, 4 çocuğu ve gözlerini kaybeden kocası için örgü öreerek hayata **diren+mekte** (Türkiye Gazetesi. 3 Haziran 2008) — 38-летняя Зелиха Ханым борется за жизнь своих четверых детей и потерявшего зрение мужа, (зарабатывая) вязанием; 6) Otupark Okul Aile Birliği tarafından **işlet+il+mekte+dir** (надпись на щите у въезда на автомобильную стоянку в Стамбуле) — Автомобильная стоянка **эксплуатируется** школьным союзом родителей.

(4) Форма с морфемой -mAdA

С настоящим длительным не следует смешивать **форму с морфемой -mAdA**, которая чаще всего попросту игнорируется грамматистами. По свидетельству З. Коркмаз, эта форма употребляется редко и, насколько можно понять, признается ею синонимом предыдущей формы -mAktA [5. S. 621–623].

Анализ функционирования этой формы в речи позволяет высказать следующие предположения: 1) в отличие от формы -mAktA она не принадлежит к числу средств официально-бюрократического или научного стиля; 2) в составе значения этой формы имеется сема, подчеркивающая пребывание производителя действия в процессе или в состоянии, при котором он совершает называемое основой действие. Хорошим подтверждением второго предположения может служить тот факт, что о пребывании компьютера в режиме ожидания сообщает надпись **bekle+mede** (в состоянии ожидания). Ср. также: 1) Dünya sonsuz bir çeşitlilikte, sonsuz bir **kaynaş+mada** (Kemal Y., Ölmez Otu) — Мир во всем своем многообразии **находится в состоянии** бесконечного **кипения**; 2) Bu adam öldürülecek olursa, sizler onunla **çekiş+mede+siniz**, hemen sizin üstünüze atarlar, sonra da kıyamet kopar (Kemal Y., İnce Memed) — Если вдруг кто-нибудь вздумает убить этого человека, (а) **у вас с ним бранные отношения**, тотчас же (вину) повесят на вас, а потом беды не оберешься; 3) Koca Halil iki büklüm ama, elleri sonsuz bir **uğun+ma+da** (Kemal Y., Ölmez Otu) — Коджа Халиль согнут в три погибели, но руки его постоянно **в беспокойном движении**.

Механизм образования словоформ. В словоформах реализуется почти такой же прозрачный морфологический состав, как и у формы -mAktA: имя действия -mA + морфема местного падежа -DA + личные морфемы I-й группы.

(5) Прошедшее простое («прошедшее категорическое»)

Прошедшее простое — одна из тех наиболее употребительных временных форм изъяснительного наклонения, значения которых сигнализируют о предшествовании действия настоящему периоду. Это общетюркская форма, т. е. она имеется во всех тюркских языках. Она больше известна под названием «прошедшее-категорическое время». При-

нято считать, что эта форма имеет наиболее простое значение – только то упомянутое темпоральное (временное), которое не содержит каких-либо иных (аспектуальных, модальных или интервальных) компонентов (сем).

Необходимо подчеркнуть, что по причине отсутствия у формы прошедшего простого каких-либо аспектуальных сем ее никак не следует сопоставлять с совершенным и несовершенным видом в русском языке, о чем свидетельствует и последнее высказывание («...я много **размышлял**...») в составе приводимого ниже примера 3:

1) ...gitmem gerektiğini **anla+dım** (OP YH, 44) — ...я **понял**, что мне надо уходить; 2) Aralarında 6 polisin de bulunduğu 17 kişi **yaralan+dı** (газета) — **Было ранено** 17 человек, среди которых находились 7 полицейских; 3) Venedik'ten Napoli'ye gidiyorduk, Türk gemileri yolumuzu **kes+ti**. Biz topu topu üç gemiydik, onların ise sisin içinden çıkan kadırgalarının arkası gelmiyordu bir türlü. Gemimizde bir anda korku ve telaş **başla+dı**; çoğunluğu Türk ve Mağripli olan kürekçilerimiz sevinç çığlıkları atıyordu; **sinirlerimiz bozul+du**. Gemimiz burnunu öteki iki gemi gibi, karaya, batıya **çevir+di**, ama öteki gemiler gibi **hızlanama+dık** biz... Sonraları, bütün hayatımın kaptanın bu korkaklığı yüzünden değiştiğini çok **düşün+düm** (OP BK, 11) — Мы шли из Венеции в Неаполь, турецкие корабли **преградили** нам путь. У нас в общей сложности было три корабля, а их галерам, выплывавшим из тумана, совсем не видно было конца. На нашем корабле мгновенно **начались** страх и паника; наши гребцы, которые в большинстве своем были турками и выходцами из Магриба, издавали радостные крики; мы **пали духом**. Наш корабль, подобно остальным кораблям, разворачивался носом то к суше, то на запад, но, как и другие корабли, **мы не смогли набрать скорость**... Впоследствии я много **размышлял** о том, что моя жизнь изменилась из-за этой трусости капитана (приведенный отрывок демонстрирует упомянутую индифферентность значения прошедшего простого к видовым и модальным характеристикам так называемого основного действия).

Формообразующим показателем этой структурной морфологической единицы является показатель -DI+, который в речи представлен алломорфами: -dɪ+/-dɪ+/-du+/-d̥u+/-tɪ+/-tɪ+/-tu+/-t̥u+. Выбор алломорфа регулируется действием небной и губной гармониями гласных, а также гармонией согласных (одним словом — сингармонизмом, т. е. взаимовоздействием гласных и согласных звуков речи в пределах словоформы).

Формоизменение простого прошедшего «времени» осуществляется с помощью так называемых личных аффиксов 2-й группы, частично совпадающих с аффиксами субстантивной категории принадлежности (приводится формоизменение прошедшего простого «времени» на примере спряжения глагола dönmek (возвращаться)): dön+d̥u+m, dön+d̥u+n, dön+d̥u+0, dön+d̥ük, dön+d̥ü+nüz, dön+d̥ü+ler (я вернулся, ты вернулся и т. д.).

Реализация алломорфов морфемы -DI+: al+dım (я взял), gel+din (ты пришел), sor+du (он спросил), gör+dük (мы видели), çık+tınız (вы вышли), kes+tiler (они резали), konuş+tum (я говорил), ör+tün (ты поцеловал).

(6) Перфект

Речь идет о категории, которая в 3-м лице имеет морфемы -mİştİr и -mİşlArdİr, а в 1-м и 2-м лицах является омонимом прошедшего опосредованного (см. следующий раздел), т. е. имеет морфемы -mİşIm, -mİşşIn, -mİşlİz, -mİşşInİz. Многие авторы, справедливо выделяя форму «**прошедшего субъективного**» (= прошедшего опосредованного), смешивали эти формы, принимая перфект за форму «утвердительной модальности прошедшего “времени” с морфемой -mİş», имеющей сложную цепочку морфем: -mİşImdİr, -mİşşIndır и т. д. Распутать клубок ошибочных толкований этих трех (!) форм впервые удалось Н.К. Дмитриеву, точка зрения которого принята и используется в настоящей работе [14. С. 181–186].

Перфект относится к числу самых употребительных в языках мира временных форм. Одно из определений перфекта в теоретическом языкознании сформулировал Ю.С. Маслов: «Перфектом можно назвать только такие глагольные формы... в значении которых совмещены два временных плана, предшествующий и последующий, причем между двумя ситуациями, относящимися к этим двум планам, существует та или иная связь. Обычно одна из ситуаций оказывается в семантическом содержании формы основной, а другая — побочной, иногда лишь бледно намеченной» [17. С. 54]. Исследователи нередко акцентируют внимание на способности перфекта выражать какую-либо конкретную разновидность связи действия с настоящим, как например: «видо-временная форма глагола, обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия» [18. С. 372, 406]. Иную трактовку перфекта с опорой на тюркский материал предлагает С.Н. Иванов: «...все действие отнесено в прошлое и обозревается с позиций настоящего» [15. С. 25].

В результате анализа приведенных определений перфекта в контексте понятий и положений, принятых в настоящей работе, «предшествующий план» трактуется как имеющаяся в составе значения формы сема предшествования периоду ориентации, а «последующий» — как сема, которая сигнализирует о самом периоде ориентации. Последний, как было сказано, может быть настоящим, прошлым (у формы перфекта в прошлом) или будущим (у формы перфекта в будущем). Что же касается иных разновидностей соотношений действия и периода ориентации, то, как представляется, они вполне могут быть смыслами, т. е. семантикой, которая не входит в содержание значения перфекта.

Турецкие формы перфекта помимо сформулированной темпоральной семы имеют еще и видовую сему послепредельности (посттерминальности), по причине чего перфект сигнализирует не только о предшествовании действия своему периоду ориентации, но и о том, что действие истолковано говорящим как свершившееся в прошлом целостное событие (*Hakiki Trabzon tereyağı gel+miştir* (объявление в продуктовой лавке) — [В продажу] поступило настоящее трапезундское масло). Из этого следует, что перфект является одной из *видо-временных* форм глагола.

Примеры использования перфекта, сигнализирующего о соотносительности действия с настоящим периодом ориентации:

1) *Nazlanıyorum filân ama, aslında da evlenmeye gönüllüyüm hani... Ne var ki beni beğenecek kariyi, affedersiniz, kadını bulmaktan umudumu kes+miş+im* (AN DB, 71) — Кокетничаю и тому подобное, но по сути дела мне тоже по сердцу жениться... Однако я (окончательно) утратил надежду найти бабу, простите, женщину, которой бы я понравился; 2) *O geceki münasebetsizliğim yakın zamanlara kadar aile içinde söylen+miş+tir* (RNG Ç, 15) — Мое дурное поведение в тот вечер до самого последнего времени было предметом разговоров в семье; 3) *Vay ananı avradını çocuk, bana misafir demiyor! Böyle bir itoğlu it dünyaya gel+me+miş+tir* (YK BBE, 178) — Ах, что б тебя, парень не называет меня гостем! Такой сукин сын еще не родился на земле; 4) *Hatta onu uzaktan gören başka kadınların kocamın yakışıklı olduğunu söylediklerini de işittiğim ol+muş+tur* (OP BAK, 466) — Мне доводилось слышать, что даже видевшие его издалека другие женщины тоже говорили, что мой муж красив; 5) *Uzun bir sessizlik ol+muş+tur diye düşündüm* (OP BK, 39) — Я решил, что наступило продолжительное молчание.

Следующий пример заслуживает внимания в том отношении, что в нем словоформы 1-го лица прошедшего опосредованного «времени» (1-е сказуемое) и перфекта (2-е и 3-е сказуемые) являются однородными компонентами высказывания: *Naım Efendi: "Burada doğ+muş+um, burada yaşa+miş+ım, ihtiyarla+miş+ım! Nasıl bırakır giderim?" diyordu* (YKK KK, 174) — Наим Эфенди говорил: «Я здесь родился, здесь прожил жизнь, состарился. Как (я могу) покинуть (это место и) уехать?».

Аналитические формы перфекта. Чрезвычайно употребительные в турецкой речи аналитические («перифрастические») формы со значением перфекта представляют собой весьма удобные языковые средства. В их значениях закреплены конкретные разновидности связи свершившегося действия и «последующего временного плана» (см. выше определение перфекта Ю.С. Маслова), т. е. настоящего периода ориентации (в концептуальном контексте данной работы). Представляется, что аналитические формы имеют такие значения, которые выполняют функцию детализованного выражения узальных смыслов, «оставляемых» синтетической (аффиксальной) формой перфекта «без выражения» (Эдуард Сэпир):

Kalbin olduğu yerde duruyor ve sen onu filana veya filana veriyorsun... Göğsünü yararak o eti oradan çıkarır ve sevgilinin önüne atarsan o zaman kalbini **vermiş olursun** (SA BÖ I, 14) — Твое сердце находится на своем месте, а ты отдаешь его то одной, то другой... Если ты, распоров свою грудь, извлечешь оттуда тот кусок мяса и бросишь его к ногам своей возлюбленной, вот тогда ты (действительно) **отдал** (букв. **становишься отдавшим**) ей твое сердце (подчеркивается связь свершившегося прошедшего действия с обычной неконкретной ситуацией, закономерно возникающей в пределах настоящего периода);

Lord Acton şöyle demişti: "Politik ve etnik sınırların çakıştığı yerde toplumun ilerlemesi durur. Farklı ırkları tatmin etmekte yetersiz kalan bir devlet kendi kendini **mahkûm etmiş olur**" (Vatan. 03 Ocak. 2009) — Лорд Эктон сказал следующее: «Там, где сталкиваются политические и этнические границы, прогресс общества замирает. Государство, которому недостает (опыта), чтобы удовлетворять (запросы) разных рас, **оказывается приговорившим самого себя**» (подчеркивается связь свершившегося прошедшего действия с обычной неконкретной ситуацией, закономерно возникающей в пределах настоящего периода);

Sigara içilmeyen alana **girmiş bulunmaktasınız** (объявление у входа на территорию учебного заведения в Стамбуле) — Вы **вошли и находитесь** на территории, на которой не курят (форма подчеркивает связь предмета, действующего в пределах настоящего периода, с уже свершившимся прошедшим действием).

(7) Прошедшее опосредованное (индирективное)

«В различных языках на базе значения перфекта нередко развивается модальное значение неочевидности действия» [22. С. 206]. Этот процесс не обошел стороной и турецкий язык, в котором имеется весьма употребительная форма «прошедшего-субъективного», или «прошедшего-неочевидного» [16. С. 231–233], или заглазного «времени», которая формально почти омоморфна перфекту: формальное различие кроется в сфере формоизменения и состоит только в том, что в 3-м лице перфект имеет морфемы -mİştİr и -mİşlArdİr, а прошедшее опосредованное — -miş и -mişlar. Автор настоящей работы в связи с новейшими исследованиями предпочитает называть эту временную форму *прошедшим опосредованным* (индирективным). Содержание значения прошедшего опосредованного сводится к следующему: говорящий не был свидетелем события и узнал о нем опосредованно, косвенным путем.

Аналогичные морфологические средства ряда языков, трактуемые как явление, которое именуется еще и (не)эвиденциальностью, (не)засвидетельствованностью, стали предметом дискуссий не только в лингвистической литературе, но и в залах научных конференций [2; 26]. В тюркском теоретическом языкознании таким морфологическим средствам посвящены: статья Л. Юхансона в составе сборника статей зарубежных авторов из разных стран [4. P. 61–87], а также две статьи отечественных тюркологов, написанные на материале алтайского, татарского, шорского и узбекского языков с привлечением древнетюркского материала. Анализ этих работ позволил сделать следующий вывод: 1) форма прошедшего опосредованного имеет *одно* значение, которое вполне могло бы *именоваться* значением

или *опосредованности*, или *незасвидетельствованности*, ибо оба понятия, обозначаемые этими терминами, полностью, хотя и в разных ракурсах, отражают взаимоотношение коммуниканта I (говорящего) и сообщаемого события; 2) с позиции разграничения понятий «значение» и «смысл» традиционно констатируемые «значения» этой формы — *пересказывательное* (*репортивное*) и «внезапного» *умозаключения* (*инференциальное*) — поддаются трактовке как узуальные смыслы, обслуживаемые одним названным значением; 3) вызывает сомнение утверждение Л. Юхансона о способности обсуждаемых языковых средств сигнализировать о непосредственном восприятии коммуникантом события (*перцептивное* использование), поскольку перцептивное употребление языкового средства ничем не может отличаться от *индикативного*, а трактовка случаев перцептивного использования средств с показателем *-miş*, на которые ссылается Л. Юхансон, неубедительна ввиду игнорирования: (1) последовательности событий ('он сел' = 'он сидит'); (2) различия понятий «значение» и «смысл». Кроме того, такие случаи легко поддаются истолкованию как получение знания путем *умозаключения* (*инференциальный* смысл) [10. С. 25–44].

Сигнализация о получении сведений от постороннего источника (пересказывательный смысл) может быть проиллюстрирована следующими примерами:

1) *Bu kız bir gün odasında oturup nakış işlerken, akşam üstü pencereden bir kuş içeri gir+miş, buna de+miş ki...* (сказка «Muradına Eren Kız») [13] — [Сказывают, что] когда однажды эта девушка **сидела** в своей комнате и **вышивала**, под вечер в окно **влетела** птица и сказала ей; 2) *Evvel zamanda bir padişah varmış, bunun dünyaya hiç çocuğu gelmemiş* (сказка «Şehzade ile Derviş Kızı») — Жил-был в прежние времена падишах, у него **не появилось** на свет ни одного ребенка; 3) *Sözde Bursa'da gizli örgüt kur+muş+um, yasadışı işler çevir+miş+im de, onlar da bunu ancak bir yıl sonra çak+miş+lar* (AN GK, 40) — Будто бы я **организовал** в Бурсе тайную организацию, **занимался** незаконными делами, а они только через год **догадались** об этом.

Выражение умозаключения (инференциальный смысл):

1) *Yerler ıslak olduğuna göre gece yağmur yağ+miş* (информант) — Судя по тому, что земля влажная, вчера вечером **прошел** дождь; 2) *Sorumu yanlış anla+miş+sınız.* (информант) — [Судя по тому, что Вы говорите,] Вы неверно **поняли** мой вопрос; 3) *Şemsiyemi otobüste unut+muş+um!* (информант) — Оказывается, я забыла зонтик в автобусе!.

Сигнализация о воображаемом характере события. Турецкая исследовательница О. Дениз-Йылмаз обнаружила у глагольных финитных форм с аффиксом *-miş* способность сигнализировать о том, что действие мыслится как воображаемое (представь себе;образи, что), например: 1) *İş yerine haber vermeden şehir dışına git+miş+sin, ama aksi gibi orada seni tanıyan biriyle karşılaşıyormuşsun* (информант) — [Представь себе, что] ты **отправился** за город, не сообщив об этом на службу, и как назло **сталкиваешься там с кем-нибудь**, кто тебя знает [12. С. 34–35]. 2) *Hastayım diye işe git+me+miş+sin, ama aksi gibi gezerken müdürle karşılaş+miş+sın!* (информант) — [Представь себе, что] ты не пошел на работу, назвавшись больным, но как назло, прогуливаясь, **сталкиваешься** с начальником.

(8) Будущее простое («будущее-категорическое время»)

Форма будущего простого с морфемой *-(y)AcAK* и формоизменяющимися личными показателями I-го типа имеет значение, сигнализирующее, что действие, называемое исходной глагольной основой, следует за настоящим периодом ориентации:

1) Her halde ilk günlerde “bunu geçeceğiz” diye **diret+me+yecek+sin** (SF BE, 22) — Наверное, **ты не будешь настаивать**, чтобы мы в первые дни играли это [этот спектакль]; 2) “Bugün babanı göremezsin, kızım. İzin çıkınca ben sana haber yollarım.” Bol yeldirmenin içindeki dar vücut biraz daha uzar gibi oldu, ince çene yukarı kalktı: “Ben mutlak bugün **gör+eceğ+im**” (HE SB, 131–132) — «Сегодня, моя девочка, ты не сможешь увидеть своего отца. Когда будет разрешение, я тебя извещу». Тонкая фигурка, скрываемая просторной накидкой, как будто стала вытягиваться еще больше, она вскинула тонкий подбородок: «Я обязательно **уввижу** [его] сегодня».

Во многих языках форма будущего времени используется для выражения в качестве узуального смысла повеления. Турецкий язык не является исключением в этом отношении: 1) Cumartesi akşamı Mevlit Kandili, misafirim var, gece gel, Kur’an **oku+yacak+sin...** Seni yemekten önce aldırırım (HE SB, 31) — В субботу вечером (отмечается праздник) Рождение Пророка. У меня будут гости. Вечером приходи, **будешь читать** Коран. Распожусь, чтобы тебя забрали перед застольем; 2) «“Kim görüştürdü sizi onunla?” “Adını bilmediğim bir imam hatip lisesi öğrencisi,” dedi Ka. “Şimdi onu da teşhis etmeye çalışın,” dedi yuvarlak yüzlü istihbaratçı. “İyice bakın, hücre kapılarının üzerindeki gözetleme penceresinden **bak+acak+sınız**. Korkmayın, sizi tanımazlar” (OP K, 179–180) «Кто устроил Вам встречу с ним?» «Студент духовного лица, имени которого я не знаю», — сказал Ка. «Сейчас постарайтесь опознать и его», — сказал круглолицый контрразведчик. — «Будьте внимательны, **смотрите** через глазки в дверях камер. Не бойтесь, они Вас не узнают».

Модальное использование формы -(y)AcAk

Едва ли оправданно поддерживать укоренившееся в турецком языкознании мнение о том, что рассматриваемая временная форма имеет в своем значении еще и сему *категоричности, обязательности*. Речевая практика автора настоящей работы, как и его информантов, свидетельствует о том, что форма настоящего-будущего (см. выше) сигнализирует о будущем характере действия с большей категоричностью, чем форма с морфемой -(y)AcAk.

Приведенных выше примеров достаточно для утверждения, что временная форма, от которой идет речь, способна не только реализовывать в речи свое сформулированное выше темпоральное значение, т. е. сигнализировать о следовании действия за настоящим периодом ориентации, но и выражать помимо этого в качестве *узуальных смыслов желания, побуждения, долженствования* и т. п. [16. С. 234–236], что, как известно, закономерно свойственно формам будущего времени во многих других языках.

Речевой материал убеждает в том, что значение формы имеет в своем составе помимо темпоральной семы еще и *модальную сему предположения, вероятности*:

1) Şurada, sağ cebimde bir anahtar **olacak** [= olmalı], onu al da, benim masanın üst gözünü aç (SA KMM, 50) — Вот здесь, у меня, в правом кармане **должен быть ключ**, возьми его и отомкни верхний ящик моего стола; 2) Sette oturanların aşağıya görebilmesi için **olacak**, tepemizde lamba yanmıyordu (BK GKB, 55) — **Должно быть**, для того, чтобы те, кто сидел на верхней площадке, могли смотреть вниз, лампочка над нами не горела.

(9) Ближайшее будущее

Значение этой формы имеет по меньшей мере две семы: темпоральную, которая сигнализирует, что действие следует за периодом ориентации, и акционсартовую интервальную, сигнализирующую, что действие совершается через краткий промежуток времени после периода ориентации:

1) *Seniha ile (...) Mebusu Necip Bey arasındaki münasebet yarın resmî bir şekil almak üzeredir. Hattâ, zannederim, çarşambaya nikâh merasimi oluyor* (УКК КК, 190) — Отношения между Сенихой и депутатом [чего-то] Неджипом Беом [в ближайшее время, т. е.] завтра приобретут официальный характер. Даже, как я полагаю, в среду состоится церемония бракосочетания; 2) “*Haydi, çıkalım mı?*” — “*Bir dakika, işimi bitirmek üzereyim*” (информант) — «Ну что, выходим?» — «Минутку! Я уже заканчиваю работу»; 3) «*Nerdesiniz?*» — «*Gelmek üzereyiz!*» (разговор по мобильному телефону) «Вы где?» — «Мы уже вот-вот приедем!».

Формы вторичной ориентации

Анализ функционирования турецких временных форм привел автора настоящей статьи к гипотезе, согласно которой временной фрагмент турецкой картины мира включает представление о том, что действие может темпорально соотноситься не только с настоящим периодом ориентации, но и с двумя другими — прошедшим и будущим. Предполагается, что ряд форм имеет в составе своих значений абстракцию, обобщенный образ реальных прошлых моментов, сему, представляющую собой прошлый период ориентации, которая обнаруживается в составе значений ряда конкретных временных форм. Эти формы конституируют вторичную подсистему турецкой категории времени, формальным признаком которой является морфема (i)di. Эта морфема, выступая в речи в качестве аффикса временных словоформ подсистемы первичной ориентации с личными показателями 2-й группы, способна, сливаясь с временными основами, формировать единую словоформу.

Подсистема вторичной ориентации имеет почти ту же компонентную структуру с теми же темпоральными соотношениями со своим периодом ориентации и почти тот же состав компонентов, что и первичная подсистема. О некоторых различиях между первичной и вторичной подсистемами речь пойдет в соответствующих подразделах.

(10) *Определенный имперфект*

Временная финитная форма, ближайшая родственница настоящего I. Ее функциональное предназначение — не просто сигнализировать, что называемое исходной основой действие представляется как прошедшее, а, точнее, о том, что оно: 1) характеризуется как настоящее в прошлом [3. S. 104–105], т. е. хронологически совпадает с прошлым периодом ориентации и вместе с последним предшествует настоящему периоду; 2) воспринято в процессе осуществления безотносительно к его начальному и конечному пределам и 3) мыслится как реальное, действительно имевшее место. Абстрактный образ прошлого периода ориентации, естественно, ассоциируется в представлении говорящего с образом какого-либо реального события, и передаваемое действие воспринимается как совпадающее по времени с этим событием, одновременное с ним, как, например, в высказывании: *Dün şu anda ben artık uyuyordum* (информант) — Вчера в это время я уже спал. Таким образом, значение формы определенного имперфекта помимо темпоральной семы совпадения с периодом ориентации имеет также две видовые семы — внутрипредельности (интратерминальности) и насыщенности действия (прегнантности) [ср.: 3. S. 104–110; 118–142]. Сема интратерминальности отчетливо проявляет себя при переводе турецких высказываний со сказуемым в форме определенного имперфекта: попытки перевести эту форму славянским совершенным видом приводят к неадекватному переводу (см. примеры ниже).

Темпоральную разницу между настоящим I и определенным имперфектом мож-

но продемонстрировать следующим примером: Çocuklarınızı okutsun diye köyünüze öğretmen gönderiyoruz. Sizlerin de onları korumanızı düşünüyorduk (gazeta) — Мы послали в вашу деревню преподавателей, чтобы они учили ваших детей. А от вас мы ожидали, что вы будете их беречь.

Определенный имперфект формально отличается от настоящего I только показателем *idi*, т. е. имеет сложный формообразующий показатель *-(I)yor idi*, который чаще всего функционирует в слитном состоянии: *-(I)yor idi > -(I)yordu*. Формоизменение осуществляется личными аффиксами 2-го типа:

yaz+ıyordum, yaz+ıyordun, yaz+ıyordun, yaz+ıyorduk, yaz+ıyordunuz, yaz+ıyordular (lar+dı) — я, ты, он, она писал(а), мы, вы, они писали и т. д. Форма 3-го лица мн. числа не имеет облигаторного характера и подчиняется сложным правилам функционирования.

Отрицательный статус получает показатель *-mA* (> *-mı/-mi/-mu/-mü*) перед формообразующим аффиксом: *yaz+mı+ıyordum, yaz+mi+ıyordun* и т. п. Ударение при этом помещается перед аффиксом отрицания.

Примеры: 1) Venedik'ten Napoli'ye **gidiyorduk**, Türk gemileri yolumuzu kesti. Biz topu topu üç gemiydik, onların ise sisin içinden çıkan kadirgamlarının arkası **gelmiyordu** bir türlü. Gemimizde bir anda korku ve telaş başladı; çoğunluğu Türk ve Mağripli olan kürekçilerimiz sevinç çığlıkları **atıyordu**; sinirlerimiz bozuldu (OP BK, 11) — Мы **шли** из Венеции в Неаполь, турецкие корабли преградили нам путь. У нас в общей сложности было три корабля, а их галерам, выплывавшим из тумана, совсем **не видно было конца**. Нашим кораблем мгновенно овладели страх и паника; наши гребцы, которые в большинстве своем были турками и выходцами из Магриба, **издавали** радостные крики; мы пали духом; 2) Gece ayrılmadan önce Hoca'nın Haliç'e bakan evine dönüyor ve sonuçlar üzerine uzun uzun **konuşuyorduk** (OP BK, 23) — Вечером, прежде чем расстаться, мы возвращались в дом Ходжи, окна которого выходили на Золотой рог, и по долгу разговаривали о полученных результатах; 3) Geçenlerde bir gece yine onların evindeydik. Biz çocuklar bir odadaydık. Metin'le Nurten'e kitaptan masal **okuyordum** (AN ŞÇH, 147) — Недавно мы снова были вечером в их доме. Мы, дети, были в одной комнате. Я читал сказки Метину и Нуртен; 4) Günsel, gülümsüyerak ağır ağır **anlatıyordu**. Kenan'a o gece, lokanta'da okuduğu dizeler kadar etkili **geliyordu** söyledikleri ... Soluğu kesilmiş gibi **dinliyordu** (VT BGTB, 88) — Гюнсель **рассказывала** не торопясь, с улыбкой. Все, что она говорила, **производило** на Кенана такое же сильное впечатление, как стихотворные строки, которые она читала в ресторане... Он **слушал**, затаив дыхание!; 5) Ben böyle çıkınca ister istemez yelkenleri suya **indiriyorlardı** (RNG YD, 5) — Когда я делал им такие замечания, они волей-неволей **затихали**.

(11) Неопределенный имперфект

Временная финитная форма с морфемой *-(A)rdı / -mArdı* — ближайшая родственница настоящего-будущего. Это одна из общеупотребительных временных форм, значение которой включает следующие семы: 1) темпоральную: действие совпадает с прошлым периодом ориентации; 2) видовую интратерминальную: действие представляется в своем осуществлении безотносительно к его началу и концу; 3) видовую, сигнализирующую, что действие не связано с какой-либо конкретной ситуацией, т. е. оно имело место, но не в какой-либо конкретный момент (содержание этой последней семы противоположно содержанию видовой семы прегнантности [ср.: 3. S. 104–110; 118–142].

Данная временная форма имеет следующее **коммуникативное предназначение**, т. е. способность передавать следующие узуальные смыслы:

а) неконкретность действия, т. е. сигнализацию о том, что прошлое действие вообще имело место, но не в какой-либо конкретный момент:

1) O yılların Sait'ini isterseniz bize bir kez de Celâl Silay anlatsın: “Gece yarılırları portakal **soyardık**. Yarısına kadar **ısırdık**. Suları **damlardı**. Sonra o bir şarkı **tuttururdu**. Makamına **uyardım**. Ben bir şarkı **tuttururdum**,

makamına **uyardı**: Dındır dındırı dındır dın... Akşamları **severdi**, akşamları **severdim**. Beyoğlu'nda **gezerdi**, Beyoğlu'nda **gezerdim**. Yanında boş bir adam **arardı**. Yanımda boş bir adam **arardım**. Konuşmak **istemezdi**, konuşmak **istemezdim**. Büyük lâflardan **hoşlanmazdı**, büyük lâflardan hoşlanmazdım. Küfredilecek bir herif **arardı**, küfredilecek herifim” (SB ABVB, 148) — Пусть, если хотите, о Саиде тех лет нам хоть раз расскажет Джелиль Сылай: «По ночам, в полночь, мы **очищали** апельсин. Сгрызали его до половины. Обильно **капал** его сок. Затем он **начинал петь** какую-нибудь песню. Я **подпевал**. Я **подхватывал** какую-нибудь песню, он **подпевал**. Тарарам, тарарам, тарарам, там. Он **любил** вечера, я **любил** вечера. Он **гулял** в Бейоглу, я **гулял** в Бейоглу. Он **хотел**, чтобы с ним был незанятый человек. Я **хотел**, чтобы со мной был незанятый человек. Ему **не хотелось** разговаривать, мне **не хотелось** разговаривать. Он **не любил** высокопарных речей. Я **не любил** высокопарных речей. Он **искал**, кого бы обругать. Я был тем, кого можно было обругать»; 2) Temizdi, hamarattı, titizdi, mahalle çocuklarıyla oynamaya **tenezzül etmezdi**. Suratsızdı, **gülmezdi**, imamın inancının biricik timsali gibiydi (HE SB, 15) — Она была чистоплотной, работающей, педантичной, **не снисходила** до игры с мальчишками квартала. Была неприветливой, **не улыбалась**, была как бы единственным олицетворением веры имама; 3) O senin insana nüfuz edişin gözbebeklerinden **başlardı**. Orada sen **açardın**, gönlüm **tökezirdi** bakışlarında. Şiirler tutuşturup bende, sonra da hicranı **yağardın**. Gül zamanlardı ki, onlarda sen **açardın**. (Durmaz A. Ben Gidersem Ay Sendeler [опубликована в интернете], 14) — То твое воздействие на человека **зарождалось** в твоих зрачках. Там ты **раскрывалась**, моя душа **терялась** в твоих глазах. Ты разжигала во мне поэтическое настроение, а потом **обрушивала** на меня (слова) о расставании. Ведь то были дни цветения роз, в те дни расцветала и ты;

б) характеристику действия как имевшего место в прошлом, естественного по своей природе, как проявления свойства предмета, о котором идет речь:

1) Güneş çok erken **doğar[dı]**, geç te **batardı** (информант) — Солнце **вставало** очень рано и **садило** поздно; 2) Kışın hava arasına pek soğuk **olurdu** (информант) — Зимой погода временами **бывала** очень холодной;

в) характеристику действия как совершавшегося в силу сложившихся условий или традиции, установленного порядка и т. п.:

1) Arasıra anam soğuktan, kardeşlerim yemekten **şikâyet ederlerdi**. Ben, omuz **silker[dim]**: “Ne yapalım, bu terazı bu kadarı çekiyor...” **derdim** (RNG YD, 5) — Порой моя мать **жаловалась** на холод, а братья — на еду. Я **пожимал** плечами и **говорил**: «Что поделаешь, эти весы отвешивают столько» (выражена интрагерминальность и неоднократность действия); 2) ...ben ayakta **durur[đum]**, kimi zaman da sinirli sinirli odada bir aşığı bir yukarı **yürürđüm** (OP BK, 23) — ...я **стоял** на ногах, а иногда нервно ходил по комнате туда-сюда (выражена интрагерминальность, некоторая протяженность и неоднократность действия); 3) Babam kötülüğün, düşmanlığın ya da düpedüz sıkıcı olanın çevresinden sessizce dolanırken, annem bu tehlikelere karşı bizi **uyarır[đı]**, yasaklar **koyar[đı]**, kaşlarını çatarak hayatın karanlık yanlarına karşı önlemler **alırđı** (OP I, 23) — В то время как мой отец молча **обходил стороной** все, что было дурным, враждебным или же прямо-таки гнетущим, мать **предостерегала** нас от этих опасностей, **устанавливала** запреты, хмурия брови, **принимала меры** против темных сторон жизни;

г) сигнализацию о том, что действие совершалось в течение какого-либо продолжительного времени в прошлом:

O yıllarda ilk tahsilimi **görürđüm** (информант) — В те годы я **получал** начальное образование; “Rakım çok **içer** mi?” — “Tevfik varken **içerdi**. Şimdi nerede? Sigara bile **içmıyor**” (HE SB, 1989, 166) — «Ракым много **пьет?**» — «Когда был Тевфик, **пил**. Сейчас куда там. Даже **не курит**» (пример свидетельствует о семантическом родстве употребленных временных форм);

Нижеследующий отрывок, в котором формы определенного и неопределенного имперфекта (см. ниже) выступают в одном контексте, призван показать, что имеется коммуникативная зона, в пределах которой обе временные формы функционируют как синонимы: Atmaca hiç kimseyle **konuşmuyor[đu]**, düğünlere **gitmiyor[đu]**, zeytinlerin altında tek başına **çalıyorđu**. Ama geceleri çınarın altında adamakıllı **çoşar[đı]**, gözlerini kıza **diker[đı]**, **üfler[đı]**, **üflerdi**... (SA BÖ I, 18) — Атмаджа совсем ни с кем **не разговаривал**, **не ходил** на свадьбы, один **играл** (на кларнете) под оливковыми деревьями. Но по ночам под чинарой **им овладевало сильное волнение**, он **пристально смотрел** на девушку, **играл, играл**...

Формообразование. Неопределенный имперфект формально отличается от настоящего-будущего показателем *idi*, т. е. имеет сложный формообразующий показатель $-(A)r\ idi > -(A)rdI$.

Формоизменение осуществляется личными аффиксами 2-го типа: *yaz+(A)r+dın*, *yaz+(A)r+dın*, *yaz+(A)r+dı0*, *yaz+(A)r+dık*, *yaz+(A)r+dınız*, *yaz+(A)r+(lar+dı)* — я, ты, он, она писал(а), мы, вы, они писали и т. д. Форма 3-го лица мн. числа не имеет облигаторного характера и подчиняется сложным правилам функционирования.

(12) Прошедшее длительное

Временная форма со сложной морфемой *-mAktAydI* ($< -mAkta\ idi$) — ближайшая родственница настоящего длительного (см. выше). Как и последняя, она характерна для официально-бюрократической и научной речи. Наиболее часто употребляется в форме 3-го лица.

Коммуникативное предназначение. Чаще всего эта временная форма передает прошедшие действия, характеризующиеся некоторой продолжительностью. По-видимому, прав Л. Юхансон, который полагает, что она имеет в составе своего значения акционсартовые семы актуальности (прегнантности) и продолжительности действия (действие находилось в процессе совершения) [3. S. 111, 134, 139–142]:

1) *İzmir kurtulmuştu. Fakat korkunç bir geçim sıkıntısı geçiriyordu. Bizim piyasada rakiplerin sayısı günden güne çoğalmaktaydı* (RNG MT, 76) — Измир был освобожден. Однако переживал трудные времена. Количество конкурентов на нашем рынке изо дня в день **возрастало**; 2) *Söylenenler doğruysa Amazonlar (kadınlar) savaşçılığı, ev işleri yanında erkek işlerini de başarıyla yürütmekteydiler* (AU, 55–56) — Если то, что говорят, соответствует действительности, амазонки помимо домашних дел успешно **выполняли** и воинские, мужские обязанности.

В результате анализа трех временных форм «настоящего в прошлом», Л. Юхансон приходит к следующему выводу: «Нашу гипотезу... в этом вопросе можно сформулировать так: в отношении обладания [видовой семой] интратерминальности (идея А)... формы *ıyordu*, *irdi* и *mekteydi* эквивалентны. На основе этой идеи [семь] три единицы “en bloc” [совместно] (в качестве маркированного члена) составляют привативную оппозицию А с формой *di* (немаркированный член): (*ıyordu*, *irdi*, *mekteydi*) : *di*» [3. S. 114].

(13) Перфект в прошлом

В следующих примерах описываются события, совершающиеся в прошлом. Действия, воспринятые говорящим как происходящие в пределах прошлого периода ориентации, передаются глаголами в формах определенного имперфекта и прошедшего простого («категорического»). Действия героев, трактуемые писателем как предшествующие этому периоду, передаются глагольными словоформами перфекта в прошлом:

1) *İzmir kurtulmuştu. Fakat korkunç bir geçim sıkıntısı geçiriyordu. Bizim piyasada rakiplerin sayısı günden güne çoğalmaktaydı* (RNG MT, 76) — Измир **был освобожден**. Однако переживал трудные времена. Количество конкурентов на нашем рынке изо дня в день возрастало; 2) *İlk başarısı ve tanınması, Valide Cami’inde olmuştu. Selim Paşa’nın karısının dikkatini de orada mukabele okurken çekti* (HE SB, 24) — Ее первый успех и первое признание **состоялись** в мечети Валиде. И внимание жены Селима Паши она привлекла, когда читала молитву мукабеле; 3) *Eyvah bana ki meselenin çok geç varkına vardım. Ben anladığım zaman alev saçığı sarmıştı...* (SA BÖ I, 18) — Вот уж беда, что я слишком поздно заметил это дело. Когда я все понял, пожар было уже не потушить...; 4) *Kenan da dinliyordu, fakat aklının yarısından çoğu Günsel’e takılıydı. Bir iki, göz göze gelecek kadar yürekli buldu kendini. Konuşmalarla içine daldığı dünya dışındaki her şeyle ilgisini yitirmişti*

bu gözler. Belli ki kız, konuşmaları sadece dinlemiyor[du], bütün boyutlarıyla yaşıyordu. Bencilliğinden tedirginlik duymaya **başlamıştı** Kenan da... Bir iki daha baktı Günsel'e, sonra konuya döndü yavaş yavaş... Biraz çaba harcadı önce, bir süre sonra Kenan için de artık Baba'nın tutkuyla üzerinde durduğu toplum sorunlarının dışındaki her şey önemini **yitirmişti** (VT BGTB, 101) — Kenan тоже слушал, но в основном он неотрывно смотрел на Гюнсель. Один-два раза он осмелился встретиться с ней глазами. В пылу разговора эти глаза **утратили** интерес ко всему, что было за пределами того мира, в который она погрузилась. Было ясно, что девушка не просто слушала беседу, а переживала ее всем своим существом. Кенана уже начала раздражать ее высокая самооценка... Он еще раз-два бросил взгляд на Гюнсель, потом постепенно снова стал вникать в суть разговора... Сначала ему пришлось употребить некоторое усилие, [но] через какой-то промежуток времени все, что не относилось к социальным проблемам, которые обсуждал Баба, уже утратило свое значение и для Кенана»; 5) Sanki bir başkasının hırsının ve aklının rüzgârına **kapılmıştım**, ama güzeldi bu (OP BAK, 188) — Как будто мной овладел вихрь желаний и мыслей другого человека, но это было прекрасно.

Независимое употребление. При независимом использовании, т. е. в тех случаях, когда речь идет о функционировании словоформ, содержащих аффикс перфекта в прошлом, в составе **простых** высказываний, не имеющих словоформ других «времен», словоформа обсуждаемого «времени» сигнализирует или о том, что (1) действие происходило раньше описываемых прошлых событий (примеры 1, 2), или о том, что (2) действие происходило в отдаленном прошлом (примеры 3–5): 1) “Çok geçerim, ama hiç **oturmamıştım** buraya, dedi, güzel yermiş” (VT BGTB, 86) — «Много хожу по заведениям, но сюда ни разу не заходил, — сказал он, — оказывается, отличное место»; 2) Tanrınar, yıllar sonra yazdığı bir yazıda “Biz acı mütareke senelerinde mazideki eserlerimize nasıl **sarılmıştık!**” diye hatırlar (OP İ, 236–237) — Танпынар вспоминает в одной из своих статей, написанных годами позже: «Как же мы в горькие годы перемирия вцепились в (литературные) произведения из нашего прошлого!»; 3) Hâsılı, kısa bir zaman için zerzevatı çiçeğe benzeten bahar beni de insana **benzetmişti** (RNG MT, 11–12) — Короче говоря, весна, благодаря которой зелень, овощи воспринимаются как цветы, сделала так, что и я стал походить на человека; 4) Namaz surelerini bu kadar çabuk ezberleyen bir hafız henüz **görmemişti** (HE SB, 23) — Он никогда еще видел хафыза (знатока Корана), который столь быстро заучивал бы молитвенные суры; 5) Lord Acton şöyle **demoştı**... (газета) — Лорд Эктон (некогда) сказал следующее...

Аналитические формы перфекта в прошлом представляют собой весьма удобные морфологические средства передачи конкретных разновидностей связи *прошедшего* периода ориентации, который отождествляется говорящим с каким-либо реальным событием, и предшествовавшего ему действия. Для этого оказываются сопряженными два носителя разных аспектуальных смыслов — посттерминального (совершенного) и интратерминального (внутрипредельного). Представляется, что, как и в первичной подсистеме временных форм, аналитические формы вторичной системы выполняют функцию детализованного выражения тех узувальных смыслов, для выражения которых синтетическая форма перфекта оказывается недостаточной:

Ağacın yapraklarından biri böylece **kopup gitmiş oluyordu** (RNG YD, 61) — Вот так окончательно **отрывался и пропадал** один из [множества] листьев дерева (действие изображается как состоявшее из множества свершавшихся до подразумеваемого реального прошлого периода событий и как реально, конкретно продолжавшееся в течение какого-то времени в пределах этого же периода);

...IX–XIII. yüzyıllar arası Selçuklular dönemi, son 30–40 yıl içinde yapılan değerli araştırmalara rağmen yine de karanlık kalmış ve Anadolu Türkçesi'nin başlangıcı XIII. yüzyıl sonlarından daha geriye **götürülemedi bulunuyordu** (ZK M, 12) — Сельджукский период между IX и XIII веками вопреки ценным исследованиям, выполненным в течение последних 30–40 лет, снова остался неясным, и начало анатолийско-тюркского языка не оказалось продвинутым (в глубь истории) дальше конца XIII века (выражена статическая характеристика результата действия, свершившегося раньше подразумеваемого прошлого периода);

Çalışmamızın beş yıl süreceğini nereden bilebilirdik; durmalar yeniden başlamalar ile ancak geçen yıl **bitmiş oldu** (FÖ Ö, 9) — Откуда мы могли знать, что наша работа продлится пять лет; с перерывами и, начинаясь несколько раз заново, она завершилась только в прошлом году (передана динамика достижения действием своего полного завершения);

Rabia'yı öteki çocuklardan ayıran şey, imamin etkisine bu kadar erken **girmiş olmasıydı** (HE SB, 22) — От остальных детей Рабию отличало то, что она так рано **подпала** под влияние имама (передана динамика достижения действием своего полного завершения).

(14) «Давнопрошедшее неопределенное»

Как свидетельствует практика использования формы «давнопрошедшего неопределенного» в современной турецкой речи, она выполняет особую функцию — характеризовать действие как изолированное событие неопределенного прошлого. Это обстоятельство дает основание полагать, что ее значение едва ли сохраняет какую-либо связь с прошлым периодом ориентации подсистемы и что ее связь со вторичной подсистемой временных форм носит скорее формальный (показатель $-dİ + idi$), чем содержательный характер:

1) Dur, dur, iyi aklıma getirdin, vakit bulup da **konuşmadımdı**, dün Mısır'dan mektup aldım, hani eski ikinci kâtip Hayrullah Bey vardır, ondan bizim kızlara talipler zuhur etmiş (RHK S, 76) — Постой, хорошо что ты напомнил, я **никак не мог найти момент поговорить**. Вчера я получил из Египта письмо. Наверное ты помнишь, есть такой Хайруллах Бей, бывший младший писарь. От него появились претенденты на наших девиц; 2) Tam saatinde buluştular. Üsküdar'a indikleri zaman Halit:

“İstersen sen beni şurada bir kahvede bekle” — dedi, — “Suatlar'ın evi epey uzaktır”.

Saffet: “Yok, geleyim ben de seninle. Çoktan... Senelerdir **geçmedimdi** Üsküdar'a” (SF BE, 46) — Встретились точно в назначенное время. Когда спустились к пристани Скутари, Халит сказал: «Если хочешь, подожди меня здесь, в каком-нибудь кафе. Дом Суада довольно далеко». «Нет, — ответил Сафсет, — пожалуй я тоже пойду с тобой. Уже много лет, как я не бывал в Скутари»; 3) Sen bunu [neyi] bir **üflediydın** benim kanıma bir sıcaklık **aktıydı** (из фильма “Anlat İstanbul”) — Когда ты на нем (на ней) заиграл, я пришла в полный восторг; 4) İşte ben böyleyim, vallahi unutuyorum hep... Son zamanlarda çoğaldı bende. Birkaç gün evvel de **rastladım** ona (PS Y, 184) — Вот я такой. Ей-богу постоянно забываю... В последнее время у меня (это) еще больше усилилось. Несколько дней тому назад я его как-то встретил.

(15) Будущее в прошлом

Форма с морфемой $-(y)AcAktı$ ($-(y)AcAk\ idi$) имеет значение, которое характеризует действие как следующее за прошлым периодом ориентации:

Mektepte ben, bu vazoya benzemez daha neler **kır+acak+tı+m** (RNG Ç, 20) — Сколько еще вещей, не сравнимых с этой вазой, **мне предстояло разбить**; 2) ...Носа, artık, “öğretmek” kelimesini kullanmıyordu: Birlikte **araştıracaktık**, birlikte **bulacaktık**, birlikte **yürüyecektik** (OP BK, 33) — ...Ходжа уже не употреблял слово «обучать»: **нам предстояло** вместе **исследовать**, вместе **открывать**, вместе **шагать** (вперед); 3) ...Gebze'de camiler arasındaki namaz vakitlerindeki tutarsızlık, Hoca'ya başka bir düşünce verdi: Namaz vakitlerini gösteren kusursuz bir saat **yaracaktı** (OP BK, 36) — Несогласованность времени намаза в мечетях (городка) Гебзе подала Ходже другую идею: теперь **он собирался** (< теперь ему предстояло) **соорудить** часы, которые показывали бы время намаза; 4) Kimsenin daha yaramadığı bu atı ben şimdi **nakşedecaktım** (OP BAK, 314) — Теперь **мне предстояло изобразить** этого коня, (изображение) которого еще никому не удавалось сделать.

Формообразование. В составе этой формы чаще всего используется сложная морфема $-(y)AcAk\ idi$ ($>-(y)AcAktı$), реже — $-(A)r\ idi$ ($>-(A)rdı$):

Nizam Dede o an Dilarayı düşünüyordu. Yakında **kulunla+r+dı**. Tayın yeri ahırda şimdiden hazırды. Tertemiz, kupkuru. Şu muharebe bir bitse, Ruslar şuradan çekilip gitseler... En güzel otları aramağa tokay yerlere **çıkacaklardı**. Tayı cirit için yetiştirecekti (SÇ HG, 229) — В тот момент Низам Деде думал о Диляре. Она вскоре должна была ожеребиться. Место для жеребенка было уже готово на конюшне. Только бы наконец кончилась эта

война и русские ушли бы отсюда... В поисках самой хорошей травы они поднимались бы на самые благодатные места. Он собирался вскормить жеребенка для участия в конных играх с дротиком.

Существует также *маргинальное употребление формы* с морфемой $-(y)AcAktı$ для выражения предположения:

Belki gerçek yıkımın nedeni, bu **olacaktı** (BK GKB, 147) — Может быть, именно это и стало подлинной причиной беды.

(16) Ближайшее будущее в прошлом

Форма имеет значение, которое характеризует действие как следующее непосредственно за прошлым периодом ориентации:

1) İkinci şişe de **boşalmak üzereydi** (SF BE, 20) — И вторая бутылка **вот-вот уже должна была опустеть**; 2) Ben üniversiteden çıktığımda ortalık **kararmak üzereydi** (информант) — Когда я выходил из университета, **вот-вот должно было уже стемнеть**; 3) Kendini bildi bileli durgun bir göl gibiydi Ella Rubinstein'in hayatı. Kırk yaşına **basamak üzereydi** (EŞ A, 11) — С тех пор как она себя помнила, жизнь Эллы Рубинштейн была похожа на спокойное озеро. Ей **вот-вот должно было исполниться** сорок лет.

Формы третичной ориентации

В настоящем разделе речь идет о небольшой группе аналитических (сложновербальных) временных форм, значения которых, согласно отстаиваемой в настоящей работе гипотезе, сигнализируют об уже хорошо знакомых способах темпорального соотношения действия с третьим, т. е. с будущим, периодом ориентации. Предполагается, что эти формы имеют в составе своих значений абстракцию, обобщенный образ реальных будущих моментов, сему, представляющую собой будущий период ориентации. Эти формы конституируют третичную подсистему турецкой категории времени.

Формы совпадения с будущим периодом (настоящее в будущем)

О хронологическом совпадении с будущим периодом сигнализируют значения двух, как представляется, синонимичных, сложновербальных темпоральных образований — форма с морфемой $-(I)yor olacak$ и форма с морфемой $-mAktA olacak$:

(17) Форма $-(I)yor olacak$

1) Bir yıl sonra Moskova'da Alarko şirketinde **çalışıyor olacağım** (из частного письма) — Через год (в это время) я **буду работать** в Москве, в фирме Аларко.

(18) Форма $-mAktA olacak$

Bu satırların okunduğu sırada 19 Mayıs Gençlik ve Spor Bayramını **kutlamakta olacağız** (Cumhuriyet, 19.05.1971) — Когда (читатели) будут читать эти строки, мы будем праздновать 19 Мая, Праздник молодости и спорта.

(19) Форма предшествования будущему периоду
(перфект в будущем)

Форма перфекта в будущем, по-видимому, сохраняет и в этой временной подсистеме видовое посттерминальное значение, т. е. сигнализацию о свершенности действия раньше периода ориентации:

1) Fakat, genç kadın, ne kadar bunalmış olacak ki bu istiskale kızmıyor, üst üste gönderdiği mektuplarda, “Beni kurtar, yoksa kendimi öldüreceğim, kanıma **girmiş olacaksın!** diye feryat ediyordu” (RNG YD) — Однако в какой мере молодая женщина должна была оказаться в затруднительном положении, чтобы не сердиться на это дурное отношение, и в письмах, которые она слала одно за другим, крикливо восклицать: «Спаси меня, иначе я покончу с собой! А ты **запятнаешь** себя моей кровью!» (форма сигнализирует о предшествовании свершенного действия будущему временному плану, о присутствии которого в сознании говорящего сигнализирует форма будущего «времени» служебного глагола — *olacaksın*); 2) Şimdi de muazzam yeni bir otel yapmakla meşguller. Belki de bu satırları okuduğunuz sıralarda bu otel de **bitmiş olacak** (Sertel M.Z.) — А сейчас они заняты тем, что строят огромный новый отель. Вполне возможно, что в то время, когда вы будете читать эти строки, отель будет уже завершен; 3) Gara yettiğimiz zaman tren **kalkmış olacaktır** (информант) — Когда мы доберемся до вокзала, поезд наверняка **уже уйдет**.

(20) Форма следования за будущим периодом
(ближайшее будущее в будущем)

Аналитическая форма **-mAk üzere olacak** сигнализирует, что действию предстоит совершиться через краткий промежуток времени после какого-либо события, с которым говорящий ассоциирует будущий период ориентации:

1) Ben, akşam sularında adadan **dönmek üzere olacağım**, sen de beni sahilde bekliyorsun. Ne saadet! (Hüseyin Dalli. 08.01.2009) — **Мне будет предстоять скорое возвращение** с острова по вечерним волнам, а ты будешь поджидать меня на берегу. Какое счастье!; 2) Gara yettiğimizde uçağımız kalkmak üzere olacak (информант) — Когда мы доберемся до аэропорта, до взлета нашего самолета останется совсем немного; 3) Sen postaneden zarf ve pul alıp eve dönerken ben mektubu bitirmek üzere olacağım (информант) — Пока ты купишь на почте конверты и марки и вернешься домой, я уже почти закончу писать письмо.

Транспозитивное употребление временных форм

«Особый случай представляет переносное, метафорическое употребление времен, когда говорящий мысленно переносится в другой временной план, как бы заново “проигрывая” прошлые события (так называемое историческое настоящее: *Иду я вчера по улице*) или предвосхищая будущие (*Ну, я пошел; Мы погибли*)» [17. С. 509].

Переносное употребление временных форм в турецкой речи изучено мало, но оно, конечно же, широко используется как в художественной литературе, так и в разговорной речи:

1) Dedikodu en çok bıkıp attığı dalkavuklardan **çık**ar. Fakat bunların hiç birisi Sabiha Hanım'ı **üz**mez. Kahkahası sürekli, neşesi mikrop gibi yakınlarına **geç**er (HE SB, 24–25) — Сплетни чаще всего исходят от прихлебательниц, которые ей надоели и которых она прогнала. Но ни одна из них (этих сплетен) не тревожит ее. Ее смех, ее веселость все время заражают близких ей людей (словоформы настоящего-будущего передают события прошлого); 2) Tekrar ve üst üste şarap içti. Bir aralık yerinden kalkarak: “Şimdi **geliyorum!**” dedi ve sallana sallana uzaklaştı (SA KMM, 100) — Она опять и один за другим выпила несколько глотков вина. Через некоторое время проговорила: «Я сейчас **приду**» и качаясь удалилась; 3) Yarın Ahmetler'e misafir **gidiyoruz** (информант) — Завтра **мы идем** в гости в семью Ахмеда; 4) Haftaya Salı günü, **dönüyorum** (информант) — Я **возвращаюсь** на следующей неделе, во вторник; 5) Seneye öğrencilik hayatım **sona eriyor** (информант) — В следующем году моя студенческая жизнь **заканчивается**.

Примечания

¹ Ларс Юхансон производит глубокий анализ функциональных свойств этой формы, полемизируя при этом с Эрвином Кошмидером.

² Отсутствие в примере указания на номер страницы источника означает, что он взят из произведения, размещенного в интернете.

³ Достаточно вспомнить использование глаголов *shall* и *will* со знаменательными значениями долженствования, намерения и желания в формах будущего времени в английском языке и глагола ща (хотеть), выполняющего такую же функцию в болгарском языке.

Принятые сокращения

- AN DB — Aziz Nesin. Deliler Boşandı. 7. basım. İstanbul: Kardeşler Basımevi, 1981.
 AN GK — Aziz Nesin. Geriye Kalan / Bütün Kitapları. 2. basım. İstanbul: Karacan Yayınları, 1981.
 AN ŞÇH — Aziz Nesin. Şimdiki Çocuklar Harika. İstanbul, 1982.
 AU — İsmet Zeki Eyyuboğlu. Anadolu Uygurlığı. İkinci basım. İstanbul, 1991.
 BK GKB — Bilge Karasu. Göçmüş Kediler Bahçesi. 5. basım. İstanbul: Metis Yayınları, 1999.
 FÖ Ö — Ferit Ongören. Önsöz // Orhan Kemal. İstanbuldan Çizgiler. İstanbul: Sinan Yayınları, 1971.
 EŞ A — Elif Şafak. Aşk. 1. baskı. İstanbul, 2009.
 HE SB — Halide Edip [Adıvar]. Sinekli Bakkal. İstanbul: Ahmet Halit Kitap Evi, 1936.
 NH YGŞK — Nazım Hikmet. Yaşamak Güzel Şeydir Kardeşim // Nazım Hikmet. Bütün Eserleri. Cilt 7. Sofya: Narodna Prosveta, 1969. S. 337–721.
 OP BAK — Orhan Pamuk. Benim Adım Kırmızı. 6. baskı. İstanbul: İletişim Yayınları, 1999.
 OP BK — Orhan Pamuk. Beyaz Kale. 13. baskı. İstanbul: İletişim Yayıncılık A.Ş. Kasım, 1994.
 OP İ: Orhan Pamuk. İstanbul. Hatıralar ve Şehir. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2003.
 OP K — Orhan Pamuk. Kar. İstanbul: İletişim Yayınları, 2002.
 OP YH — Orhan Pamuk. Yeni Hayat. 34. baskı. İstanbul: İletişim Yayınları [6.r.].
 PS Y — Peyami Safa. Yalnızız. 4. basım. İstanbul: Millî Eğitim Bakanlığı Yayınları, 1997.
 RHK S — Refik Halid Karay. Sürgün. 5. basılış. İstanbul: İnkılâp Kitabevi, [6.r.].
 RNG Ç — Reşat Nuri Güntekin. Çalıkuşu. Sofya: Narodna Prosveta, 1957.
 RNG MT — Reşat Nuri Güntekin. Miskinler Tekkesi. 3. basılış. İstanbul: İnkılâp ve Aka Kitabevleri, 1963.
 RNG YD — Reşat Nuri Güntekin. Yaprak Dökümü. Roman. İstanbul: İnkılâp ve Aka Kitabevleri, 1962.

SA BÖ I — *Sabahattin Ali*. Bütün Öyküleri I. Değirmen. Kağrı. Ses. İstanbul: Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık, 1997.

SA KMM — *Sabahattin Ali*. Kürk Mantolu Madonna. Büyük Hikâye. Sofya: Narodna Prosveta, 1960.

SB ABVB — *Salâh Birsal*. Ay Beyoğlu Vay Beyoğlu. Salâh Bey Tarihi 2. 5. basım. İstanbul: Nisan Yayınları, 1993.

SF BE — *Sait Faik*. Bütün Eserleri. 5. Kumpanya. Kayıp Aranıyor. 9. basım. İstanbul: Bilgi Yayınevi, 1994.

SÇ HG — *Sevinç Çokum*. Hilâl Görününce. Roman. 3. baskı. İstanbul: Cönk Yayınları, 1988.

VT BGTB — *Vedat Türkali*. Bir Gün Tek Başına. Roman. Beşinci Basım: Cem Yayınevi, 1980.

YK BBE — *Yaşar Kemal*. Bin Boğalar Efsanesi. İstanbul: Cem Yayınevi, 1976.

YKK KK — *Karaosmanoğlu Y.K.* Kiralık Konak. 18. baskı. İstanbul: İletişim Yayınları, 1998.

ZK M — *Zeynep Korkmaz*. Sadru'd-din Şeyhoğlu. Marzuban-name tercümesi. İnceleme — Metin — Sözlük — Tıpkıbasım. Ankara: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları, 1973.

Литература

1. Čaušević E. Gramatika suvremenoga turskog jezika. Zagreb, 1996.

2. Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages. Berlin; New York, 2000.

3. Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971.

4. Johanson L. Turkic indirectives // Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages. Berlin, New York, 2000.

5. Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi). Ankara, 2003.

6. Kornfilt J. Turkish. London; New York, 1997.

7. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). М., 1979.

8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

9. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972.

10. Гузев В.Г. О тюркских языковых средствах опосредованного сообщения о событии // Востоковедение: Филол. исследования. 2005. Вып. 26. С. 25–44.

11. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: ЛГУ, 1990.

12. Дениз-Йылмаз О. О специфическом предположительном значении глагольных форм прошедшего-субъективного времени и субъективной модальности в современном турецком языке // Востоковедение: Филол. исследования. 2004. Вып. 24. С. 34–35.

13. Джикия С. Турецкая хрестоматия. 2-е изд., доп. Тбилиси, 1971.

14. Дмитриев Н.К. К вопросу о значении османской глагольной формы на -мыш // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 181–186.

15. Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка: форма на -ган и ее производные. Л., 1959.

16. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.

17. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Сост. и ред. А.В. Бондарко и др. Вступ. ст. А.В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2004.

18. Маслов Ю.С. Перфект // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 372. Ср. также: С. 406.

19. Мельников Г.П. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. М., 1971.

20. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003.

21. *Поливанов Е.Д.* Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.
22. *Серебрянников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
23. *Сыромятников Н.А.* Система времен в новояпонском языке. М., 1971.
24. *Щека Ю.В.* Практическая грамматика турецкого языка. М., 2007.
25. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Глагол. Л.: Наука, 1981.
26. Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сб. статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб., 2007.

УДК 811.581.11

Е.Н. Колпачкова

КЛАССЫ ГЛАГОЛА, СОЧЕТАЕМОСТЬ И ТИПОЛОГИЯ

В настоящей статье будет предпринята попытка на материале китайского языка (КЯ) показать, что существует взаимосвязь между типологическими характеристиками языка и сочетаемостными характеристиками глагола.

Особая роль глагола, на которую указывает вербоцентрическая концепция, ясна и вне связи с типологическими соображениями. Как известно, до глагола наиболее естественным образом свертывается любая предикативная конструкция, «через» глагол одно предложение входит в состав другого. Именно глагол, называя некоторую ситуацию, вместе со своими актантами представляет законченную синтаксическую конструкцию, которая является минимальной коммуникативной единицей.

В последнее время особое внимание к глаголу привлечено и в связи с бурным развитием теории акциональных классов, уже накоплен определенный материал для изучения *типологии* акциональных классов. Настоящую статью мы бы хотели рассматривать как вклад в разработку такой типологии: хотя эксплицитного сравнения с другими языками здесь не предпринимается, мы старались анализировать именно такие свойства акциональных классов и особенности их функционирования, которые представляются релевантными с типологической точки зрения.

Семантико-синтаксической классификацией глаголов лингвисты занимались давно. Одна из наиболее известных классификаций была связана с аспектуальными характеристиками глагола, когда выделялись классы глагольных способов действия (начинательные глаголы, моментативные / пунктивные и т. д. и т. п.). Акциональные классы, выделяемые в работах последних лет С.Г. Татевосова [3], Ю.Д. Апресяна [7] и др., также во многом ориентированы на аспектуальную семантику. Представляется, однако, что акциональные / аспектуальные классы глаголов выступают скорее в качестве частного случая по отношению к общей синтактико-семантической классификации глагола. Например, в работах по акциональным классам часто выделяют класс «положений в пространстве» (*сидеть, лежать* и т. п.). Но если аспектуальность как таковая связана с семантикой временных изменений «внутри» ситуации, то вряд ли *сидеть* следует трактовать как глагол, принадлежащий к особому *аспектуальному* классу. Хотя реальность самого класса не вызывает сомнений.

Вне зависимости от того, каково соотношение семантических и морфосинтаксических компонентов в выделении данного класса, сущность каждого такого класса в том, что для него характерна «своя» грамматика и/или «своя» сочетаемость. Здесь и возникает связь с типологией. Обычно принимается, что изолирующие языки выделяются постольку, поскольку грамматические значения в них выражаются с помощью служебных слов и/или словопорядка. Меньше внимания уделяется тому, что для построения

и восприятия высказывания в изолирующем языке важны *правила сочетаемости*. С определенными оговорками можно утверждать, что комбинаторика для изолирующего языка — это тоже своего рода грамматика; так, если рассматривать синтаксическую конструкцию как реализацию синтаксических валентностей входящих в нее лексем, то правила сочетаемости / несочетаемости слов находят свое отражение в соответствующих валентностях. Валентности могут принадлежать слову в целом, а могут характеризовать отдельные словоформы [11. С. 456].

Поскольку структурно-семантическая характеристика акциональных и иных классов глаголов КЯ, особенности их функционирования в разных условиях контекста изучены в недостаточной степени, перед нами стояла задача в ходе исследования последовательно проанализировать определенный пласт китайской глагольной лексики по основным типологически релевантным параметрам и вывести механизм взаимодействия лексики и грамматики — прежде всего при передаче типов протекания действия во времени. Для целей такого исследования, по-видимому, было важно не только определить набор акциональных классов глаголов, которые наблюдаются в КЯ (именно эти классы мы собираемся учитывать в первую очередь), но и выявить факторы, детерминирующие ту или иную лексическую и грамматическую сочетаемость, обусловленную классом глагола.

В аспектологических исследованиях до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о принципах выделения и качественной специфике классов глаголов. Во многом это связано с таким специфическим для изолирующих языков явлением, как факультативность грамматических показателей, когда характерно наличие «нейтральной» немаркированной формы, обладающей более широкой семантикой и, соответственно, дистрибуцией, благодаря которой такие нейтральные формы в меньшей степени зависят от синтаксического контекста и имеют большую употребительность в языковой системе. Подобная нейтральная форма, имея ряд собственных значений, может заменять маркированную форму с более узким значением с сохранением семантической идентичности конструкции в целом [14, 303], ср. (1) и (2)¹.

(1) *Ou3er3 you3 jiao4che1 qiao3wu2sheng1xi1 di cong2 shen2-me di4fang1 shi3 chu1 lai, zai4 kong1kong de jieldao4-shang zi4zi4~zai4zai4 di deng3 ban4tian1 hong2 deng1 shan3guo4.*

Изредка иметь машина бесшумно REL PREP что-DER место ехать RES DIR PREP пустой~INTSF REL улица-LOC свободно~INTSF REL ждать долго дня красный свет переключаться.

Изредка бесшумно выезжала откуда-то машина, на пустынной улице долго ждала, пока переключится светофор.

(2) *Wo3 zuo4 xia4 lai, kan4-zhe ta1, deng3-le ban4tian1, ta1 tu3 chu1-le yi1-ju4 hua4.*

1SG сидеть RES DIR смотреть-DUR 3SG.М ждать-PFV долго 3SG.М плевать RES-PFV один-CLF фраза.
Я сел и стал смотреть на него, долго прождал, пока он выдал из себя одну фразу.

Даже до получения результатов анализа можно утверждать, что применительно к КЯ граница между лексической и грамматической сочетаемостью достаточно условна. Очевидно, что семантический класс обуславливает роли, которые выполняют участники ситуации, описываемой глаголом, и возможность употребления этого глагола в определенных синтаксических конструкциях. Ролевая рамка глагола может накладывать ограничения на включение в пропозицию тех или иных сирконстантов, а введение определенных сирконстантов может не только нейтрализовать значение граммы определенной грамматической категории, но и кардинально изменить акциональную характеристику действия, т. е. сочетаемостный сдвиг, изменение контекстуального окружения приводит к сдвигу семантическому. Таким образом, чтобы уяснить важнейшие

типологические характеристики КЯ на синтаксическом, лексическом и семантическом уровнях, необходимо проанализировать особенности строения предложения через реализующиеся в правилах сочетаемости валентности глагольных лексем и проследить на конкретном языковом материале импликации анализируемых типологических параметров.

Семантическая характеристика видовой формы глагольной лексемы является результатом взаимодействия двух семантических компонентов: аспектуальной семантики соответствующего показателя и акционального класса, к которому данная лексема относится. При отсутствии эксплицитно выраженных аспектуально релевантных показателей актуализируются лексические показатели контекста (темпоральные адвербиалы, уточнители и т. п.).

Для начала была предпринята попытка выявить акциональные классы глаголов КЯ и определить специфику распределения глагольных лексем по классам. Если исходить из того, что каждому акциональному классу присущи своя грамматика и лексико-грамматическая сочетаемость, то общая акциональная характеристика глагола будет складываться из акциональных характеристик отдельных употреблений глагольной лексемы, набора и семантики используемых грамматических категорий. Уже на первых этапах исследования предварительный анализ языкового материала показал, что существуют грамматические категории, у которых грамматические показатели сочетаются не со всеми семантическими классами глаголов, а если сочетаются, то могут отличаться по набору значений и их иерархии. Именно эти соотношения стали основным предметом исследования в настоящей работе.

Выбор глаголов был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, анализ должен был проводиться на материале прототипических для каждого класса лексем, в наибольшей степени обеспечивающем сопоставимость различных глагольных классов в рамках проводимого исследования. Во-вторых, нас интересовали различия в дистрибутивной потенции не только между классами, занимающими полярные позиции на условной шкале сужения сферы действия диагностических грамматических свойств, но и между соседними классами на предмет выявления универсальных и специфических синтаксических моделей, в которых могут быть отмечены анализируемые лексемы, и, наконец, представлялось необходимым проверить однотипность / неоднотипность сочетаемостных свойств различных лексем в рамках одного класса.

Для этого нами были отобраны высокочастотные глаголы преимущественно различных акциональных классов, по одному, а в некоторых случаях по несколько глаголов одного лексико-семантического класса, а именно: *xie3* 'писать' для класса действий, *zuo4* 'сидеть' для класса положений в пространстве, *ai4* 'любить' и *deng3* 'ждать' для класса состояний, *rao3* 'бежать' для класса процессов, *falsheng1* 'происходить' и *chulxian4* 'возникать' для класса событий, *ti2gao1* 'повышать' для класса воздействий, *ling3dao3* 'руководить' для класса деятельности и в рамках поставленных в данном исследовании задач проанализированы грамматические свойства этих прототипических глаголов для выяснения, как семантика акционального класса детерминирует сочетаемостные свойства соответствующих лексем, заполнение каких валентных позиции является для них типичным и какие существуют различия в грамматической комбинаторике у разных глагольных лексем в рамках одного класса.

С типологической точки зрения, ни один язык не представляет собой чистого типа, поэтому лингвистически более содержательно было бы говорить об определенных **ко-**

личественных характеристиках (что будет специальным объектом внимания в дальнейшей работе)².

Типологические свойства любого языка наиболее полно выявляются в сфере слова. В КЯ в силу неразвитости словообразовательной и словоизменительной морфологии выделение грамматических классов слов преимущественно опирается на синтаксические критерии — в зависимости от способов выражения грамматических отношений, характера грамматической сочетаемости друг с другом и с различными служебными элементами, когда глаголом считаются единицы, которые «типично выступают в роли сказуемого» [5, 36]. В грамматический класс предикативов включаются не только лексемы с прототипической глагольной семантикой действия, события, процесса, но и обозначения свойств, качеств и состояний, в результате чего этот класс расширяется за счет слов, которые принято считать прилагательными; прилагательные в КЯ по своим грамматическим сочетаемым признакам сближаются с глаголами и вместе оказываются противопоставленными классу существительных [10, 21].

В класс предикативов могут попадать и слова с двойной синтаксической функцией, способные выступать и как глаголы, и как существительные, часто с нетривиальным семантическим соотношением.

Решение этой проблемы мы видим в описании валентностных характеристик отдельных частей речи, в первую очередь глагола, и дальнейшем сопоставительном исследовании различных типов валентностей, свойственных китайским глагольным лексемам, в том числе индивидуальной и категориальной, синтаксической и семантической, субъектной и объектной.

Представление о виде как грамматической категории, предполагающей существование определенной системы четко противопоставленных друг другу грамматических форм — рядов разных видов, для КЯ нуждается в серьезных оговорках. В синологии принято говорить о существовании кумулятивных видо-временных категорий, служащих для синкретичного описания характера протекания действия с позиций аспектуальности, времени и модальности (использование соответствующих форм не является вполне регулярным).

С учетом так называемой факультативности, уже упоминавшейся выше, универсальные категориальные типы — имперфектив и перфектив [1] в КЯ необходимо расширить за счет введения еще одной зоны — зоны нейтрального (общего) вида. Специфика этой зоны заключается в немаркированности глагольных форм, т. е. при глаголе в этом случае не содержится аспектуально релевантных показателей. Общий вид представляет собой не просто отсутствие грамматических показателей при глаголе, а отсутствие значимое, когда соответствующий глагол продолжает выполнять свою функцию, а его семантика включает значения «опущенных» показателей.

В случае использования общего вида выбор конкретной аспектуальной интерпретации непосредственно зависит от семантического типа предиката, темпоральных уточнителей и контекста [15]. При этом мы выходим за пределы традиционной грамматики и в максимальном объеме учитываем комбинаторные характеристики соответствующих лексем:

(3) *Qiu2 da3-le zhi3 you3 liang3 nian2 , wo3 de zuo3 xi1 jiu4 chu1xian4 wen4ti2.*

Мяч играть-PFV только иметь два год 1SG REL левый коленка тотчас появляться проблема.

Уже после двух лет игры в баскетбол у меня возникли проблемы с левым коленом.

(4) *Di4-er2 tian1 zai4 ge4 zu2 tao3lun4-zhong1 jiu4 chu1xian4-le wen4ti2.*

ORD-два день PREP каждый группа обсуждение-LOC тотчас появляться-PFV проблема.

На следующий день при обсуждении в группах возникли проблемы.

Обзор системы грамматических значений глагола, представленных в КЯ, с точки зрения их типологического своеобразия следует начать с описания основных показателей, связанных с передачей аспектуальной семантики, т. е. морфологических и неморфологических показателей видо-временных значений глагола. Для КЯ характерна преимущественно аффиксальная техника выражения основных грамматических значений глагола. Видовые формы глаголов образуются при помощи суффиксов, обладающих агглютинативными свойствами.

Аспектуальная семантика перфектива в КЯ реализуется с помощью суффикса *-le*, стандартно описывающего законченное действие, релевантное в момент наблюдения, основным значением для этой формы является конкретно-фактическое. Она может описывать единичное, но не однократное действие, если действие было совершено не один раз, то перфективное прочтение будет у всех этих действий, при этом точное число может быть указано счетным комплексом при глаголе. При глаголах некоторых классов суффикс *-le* может указывать на начало действия или состояния, в таком инхоативном прочтении фиксируется начальная точка ситуации, до которой описываемая ситуация отсутствовала, а после этой точки действие уже имело место. Такое толкование перфектива с инхоативным значением позволяет избежать противоречия между неопределенным характером ситуации и аспектуальными требованиями перфективной зоны (5):

(5) *tian1kong1 chu1xian4-le cai3hong2.*

Небо появляться-PFV радуга.

В небе появилась радуга.

Суффикс *-guo* является показателем испытанного вида, в сочетании с которым глагол имеет семантику отдаленного прошлого, исключающую синхронную точку отсчета. Эта форма может обозначать как неопределенно-кратные (6), так и конкретные единичные ситуации (7), в зависимости от контекста или конситуации:

(6) *Zuo4wei2 shu1fa3jia1, ta1 sheng1-qian2 ceng2 wei2 bu4 shao3 shu1 xie3-guo ti2qian1.*

Как каллиграф 3SG.М жизнь-LOC когда_то PREP NEG мало книга писать-EXP заглавие.

Как каллиграф он за свою жизнь написал заглавия к немалому количеству книг.

(7) *Sun he2 Givon zai4 1985 nian2 xie3-guo yi1-pian1 ti2 wei2 "xian4dai4 han4yu3 bu4 ying1 cheng1 wei2 SOV yu3yan2 de wen2zhang1".*

Sun и Givon PREP 1985 год писать-EXP один-CLF заглавие COP современный китайский язык NEG должен называться COP SOV язык REL статья.

Сунь и Гивон в 1985 году написали статью «К вопросу о так называемом SOV порядке слов в современном китайском языке».

Удвоение глагольной лексемы образует в КЯ делимитативную форму, указывающую на небольшую длительность или низкую интенсивность некоторой гомогенной неопределенной ситуации. Она не сочетается ни с какими темпоральными обстоятельствами длительности, в семантике делимитативов ограничение на время протекания задано имплицитно. Для отсылки к актуальному или футуральному временному плану употребляется простая форма удвоения глагольной основы, редупликация глагола с аффиксом *-le*, как правило, описывает уже завершившуюся в прошлом ситуацию (8):

(8) *wo3-men qu4-le cha2shi4 de bao1jian zuo4-le~zuo4.*
1SG-PL идти-PFV чайная REL отделение сидеть-PFV~DELIM.
Мы пошли в чайную и посидели в кабинке.

Имперфективные формы китайского глагола стандартно выражают два основных аспектуальных значения: дуративное при помощи аффиксальных форм с суффиксом *-zhe* и прогрессивное при помощи аналитического показателя *zai4* (*zheng4zai4*) в препозиции к глаголу.

Глагольная форма с суффиксом *-zhe* маркирует срединную стадию некоторой гомогенной ситуации, характеризуя ее с точки зрения временной протяженности, т. е. имеет длительное или дуративное прочтение, или подчеркивает стативный характер ситуации. Выбор конкретной аспектуальной интерпретации зависит от семантического типа предиката; присоединяясь к предельным глаголам, он вводит в рассмотрение наиболее акцентированную процессуальную часть и маркирует недифференцированную срединную фазу ситуации, исключая из фокуса рассмотрения ее границы. В зависимости от аргументной структуры глагольной леммы выделяют три типа стативов (подробнее см. [17]), характеризующихся неодинаковой дистрибутивной потенцией. Так, в комбинации с глаголами, описывающими положение в пространстве, оформление суффиксом *-zhe* является обязательным. Глагол с заполненной объектной валентностью может быть оформлен суффиксом *-zhe* для акцентирования внимания на том факте, что ситуация имеет место в определенный момент времени, а не носит итеративный или хабитуальный характер.

(9) *ta1-men dao4 fan4dian4-li3, you3 yi1-zhuo1 de fan4cai4 deng3-zhe ta1-men.*
3SG.M-PL приезжать ресторан-LOC иметься один-стол.CLF REL блюда ждать-DUR 3SG.M-PL.
Когда они приехали в ресторан, их ждал накрытый стол.

(10) *Jin1 ye4...jiu4 zhe4 yang4 sha3~sha3 de zuo4-zhe, sha3~sha3 de you1shang1.*
Сегодня ночь лишь такой вид глупый~INTSF REL сидеть-DUR глупый~INTSF REL печалиться.
Сегодня ночью... [я] так и сидела в оцепенении, в ужасной тоске.

Форма прогрессива, образуемая в КЯ при помощи аналитического аспектуального показателя *zai4* (*zheng4zai4*) в препозиции к глаголу, выражает актуально-длительное значение, в семантике этой глагольной формы отсутствует информация о начальном и конечном пределах ситуации, ее употребление говорит о точечной референции:

(11) *wo3 ting1dao4 ta1 xian4zai4 zheng4zai4 ling3dao3 yi1-ge4 xiao3zu2.*
1SG слышать RES 2SG.F сейчас PROG руководить один-CLF группа.
Я слышал, что она сейчас руководит бригадой.

Пример (12) дает представление о конкуренции двух имперфективных форм китайского глагола, одна из которых обладает более широкой семантикой. Так, они обе могут передавать актуально-длительное значение, но аналитические формы прогрессива с *zai4* демонстрируют наивысшую степень «сфокусированности», в терминах Р.М. Bertinetto [4], тогда как суффиксальная форма с дуративным *-zhe* такого «сфокусированного» прочтения не имеет.

(12) *xian4zai4, zhe4 yi1qie1 zheng4zai4 fa1sheng1-zhe ke3xi3 de bian4hua4.*
Сейчас это все PROG происходить-DUR радостный REL перемена.
Сейчас во всем этом происходят перемены к лучшему.

Анализ языкового материала показал, что лексемы из разных акциональных классов при присоединении одного и того же показателя образуют неоднородные с семантической точки зрения глагольные формы. Более того, выяснилось, что различия в сочетаемостных свойствах существуют не только между акциональными классами, разными лексемами в пределах класса, но также между аспектуальными реализациями отдельной лексемы в рамках данного акционального поля. Чрезвычайно важен учет всех возможных аспектуальных сочетаний, так как это дает надежную аргументацию для установления возможных семантических сходств и различий между акциональными классами, а также позволяет выявить лексические и контекстуальные ограничения употребления тех или иных грамматических показателей.

В современной аспектологии важнейшее место занимает категория предельности, своеобразие которой заключается в том, что она принадлежит к области семантики и может не иметь специальных средств выражения. Специфика КЯ состоит в существовании значительного количества глаголов двойственного видового характера, которые могут выступать со значением как предельного, так и неопредельного действия, так как грамматические формы не всегда однозначно имплицитно семантическое противопоставление по этому признаку. Следовательно, важным критерием разграничения предельности / неопредельности являются условия контекста и сочетаемостные ограничения.

Для КЯ особенно актуальна и проблема семантического разграничения категорий предельности и результативности. Всякий глагол, обладающий результативным значением или содержащий в своей семантике элемент результативности, является предельным, но не всякий предельный глагол — результативный. Выражение результата действия — это лишь один из вариантов предельности [8]. Дело в том, что для китайской глагольной системы характерны результативные глагольные конструкции (РГК), включающие глагольную лексику и так называемые модификаторы — знаменательные или служебные элементы, обозначающие направление движения или результат действия. В качестве модификаторов могут выступать многие прилагательные и некоторые глаголы. Подобные сочетания глаголов с модификаторами обладают прозрачной структурой, т. е. каждый из них, как правило, сохраняет свое знаменательное значение, и толкование всей результативной конструкции складывается из значений ее отдельных элементов, поэтому сочетаемостные свойства у разных групп глаголов и модификаторов оказываются неидентичными и зависят от семантических особенностей каждого из них. Модификаторы могут обозначать признаки, возникающие у участников описываемой ситуации в результате указанного действия, указывать на относительную успешность действия или его исчерпанность, а также выражать отношение к действию или его оценку со стороны участников. Эти конструкции описывают некоторую критическую точку в составе длительной ситуации, с наступлением которой ситуация меняет свой характер, определяемый семантикой глагольной лексики и соответствующего постглагольного модификатора.

Так, для классов положений в пространстве акциональная характеристика РГК отличается от соответствующей характеристики нейтрального немаркированного глагола наличием дополнительной процессной интерпретации. Здесь возможны ситуации описания единичного действия, представленного как конкретный целостный факт, ограниченный пределом, но возможна и процессуальная интерпретация, как в примерах (13) и (14); ср. в русском языке «Садись» и «Сядь»:

(13) *Ni3 yao4 zuo4 xia4 lai, ji2shi3 bu4 lei4.*

2SG надо сидеть RES DIR, даже если NEG усталый.

Ты сядь, даже если не устал.

(14) *Zuo4 xia4 lai he zhan4 qi3 lai de shi2hou xi1gai4 hui4 teng2.*

Сидеть RES DIR и стоять RES DIR REL время колено мочь болеть

Когда сажусь или встаю, болят колени.

Хотя, по-видимому, говорить о грамматикализации модификаторов в КЯ нельзя, сама регулярность конструкций с их участием сближает соответствующие процессы с грамматическими. Среди глагольных модификаторов особо отметим *shang*, *xia*, *dao* как наиболее продуктивные средства выражения категории предельности (мы их будем называть модификаторами-телесизаторами), присоединение которых к глагольной основе часто указывает на достижение предела обозначаемой глаголом ситуации. РГК не могут обозначать действие, продолжающееся в данный момент, не допускают использование дуративных или прогрессивных форм глагольного действия, т. е. имеют вполне определенные ограничения сочетаемости с рядом грамматических показателей.

Результативные глагольные конструкции стандартно имеют перфективную интерпретацию, поскольку имплицитно завершены в момент речи или в любой другой точке отсчета, однако анализ показал, что в определенных контекстах некоторые глаголы, например лексемы *xie3* из класса действий, лексемы *deng3* из класса состояний, в комбинации с модификатором *shang4* не видоизменяют свой аспектуальный характер, а могут в сочетании с темпоральными обстоятельствами длительности представляться как длительный многоактный процесс, описывая ситуацию, состоящую из последовательности однородных квантов, следующих друг за другом во времени безотносительно к его пределу, как в примере (15):

(15) *Qing1chen2 zhun3shi2 4 dian3 30 fen1 qi3chuang2, xie3 shang4 liang2 san1-ge4 xiao3shi2, ran2hou4 jiao4xing3 qi1 er3, kai1shi3 yi1 tian1 de mang2lu4.*

Рассвет точно 4:30 встать с кровати, писать RES два три-CLF час потом будить жена сын, начинать один день REL света.

На рассвете ровно в 4:30 [он] встает, пишет в течение двух-трех часов, потом будит жену и сына, начинается дневная света.

Результативные конструкции с маркерами потенциальной возможности / невозможности *de* / *bu* имеют потенциально-характеризующее значение.

Анализ значений, которые могут иметь различные видо-временные формы анализируемых глаголов, показал, что глаголы класса действий обладают максимальным набором грамматических свойств, которые в принципе могут быть у глаголов как таковых, и имеют наиболее богатую парадигму значений глагольных форм. Еще одна характерная типологическая черта китайской глагольной системы — наличие инхоативно-стативных глаголов (в нашем исследовании это лексемы *ai4* 'любить', *zuo4* 'сидеть'), которые могут обозначать не только само состояние или пространственное положение, но и переход в это состояние или положение. Этот класс глаголов, в зависимости от наличия в предложении тех или иных аспектуально релевантных элементов и ситуативного контекста в целом, может описывать любую из стадий ситуации, к примеру, садиться → сесть → сидеть, и иметь неодинаковую акциональную интерпретацию — процессную, предельную или стативную соответственно.

Отличительной особенностью организации глагольной системы в КЯ является существование обширной аналитической «грамматической периферии», когда базовые аспектуальные противопоставления реализуются с помощью определенного набора форм, а «остальная» видо-временная семантика передается многочисленными и не объединенными в стройную парадигму конструкциями при помощи служебных и близких к ним по типу функционирования слов, т. е. элементов лексики, выполняющих «строевые» функции, по Л.В. Щербе, идентичные функциям грамматических средств. Такая типологическая особенность языка, когда «роль строевых элементов может в сущности играть любая часть речи» [20, 181], наглядно иллюстрируется на материале КЯ.

Конструкции для введения семантических элементов фазовости, длительности, актуальности, результативности и т. д. могут передавать очень тонкие семантические оттенки. Эта особенность свойственна слабо грамматикализованным элементам, более близким к лексике, чем к базовым грамматическим показателям, поэтому она обычно не фигурирует в грамматических описаниях. В этой связи для КЯ особо остро стоит проблема выбора, какие конструкции описывать в грамматике, а какие исключать из нее, считая свободными синтаксическими сочетаниями, и, следовательно, где проходит граница между лексической и грамматической сочетаемостью в языке. Очевидно, что полный учет таких периферийных форм может привести к значительному «раздуванию» глагольной парадигмы, тогда как слишком жесткий фильтр может исключить из нее реально существующие в языке грамматические явления. В этой связи остановимся на важнейших из этих конструкций.

В ряду аспектуальных показателей особое место занимают фазовые глагольные показатели, в семантику которых входит эксплицитное указание на одну из трех логически возможных временных фаз ситуации — начало (инхоатив), продолжение (континуатив) и конец (терминатив).

Система фазовых показателей в КЯ носит бинарный характер, и выбор способа передачи значения фазовости детерминируется акциональными свойствами глагольных лексем в зависимости от их семантики.

Способы передачи фазовых значений включают присоединение фазовых глаголов *kai1shi3* ‘начинать’, *ji4xu4* ‘продолжать’, *ting2zhi3* ‘прекращать’ к глагольным лексемам и употребление РГК с модификаторами инхоатива *qi3lai*, континуатива *xi4q* или терминатива *wan2*.

Выбор того или иного способа передачи значений фазовости обуславливается многими факторами — семантическим классом соответствующего глагола, специфичностью его сочетаемостных возможностей, общим контекстом. Так, начально детерминированный глагол в конструкции *pa03qi3lai* описывает динамику вхождения субъекта в качественно новую ситуацию и обычно употребляется в безобъектных предложениях (пример (16)) или с «пустым» генерическим дополнением, которое может оказаться «включенным» между двумя элементами фазового модификатора. Модификатор *wan2* с видовым значением результативной завершенности действия может оформлять глаголы, в семантику которых входит процессуальный компонент либо процессуальный характер совокупности некоторых однотипных действий передается с помощью кванторных слов *dou1* ‘весь, все’ и пр. (пример (17)). Из рассмотренных нами глагольных лексем, вроде бы, только *xie3* ‘писать’, *zuo4* ‘сидеть’, *ti2ga01* ‘повышать’ допускают употребление с глаголом *ting1zhi3* ‘прекращать’ (пример (18)):

(16) *Tu4-zì pao3 qì3lai.*

Кролик-DER бежать INCHO.

Кролик побежал.

(17) *xié3 wán2 wén2zhāng1 hòu4 zhì3shào3 yào4 du2 sǎn1-biān4.*

Писать RES статья после как минимум надо читать три-CLF

Дописав статью, ее надо, как минимум, три раза перечитать.

(18) *yì1dān4 dà2dào4 yì1dìng4 de fǎ1zhān3 jiē1duàn4, zhè2 liàng2-ge4 bǐ3lǚ4 jiù4 tīng2zhì3 fǐ2gāo1 le.*

Когда достигнуть определенный REL развитие этап этот два-CLF соотношение тогда прекращать повышаться PART.

Когда достигнет определенного этапа развития, эти два коэффициента повышаться перестанут.

Следует отметить, что поскольку в КЯ практически не представлена грамматическая категория времени (как относительного, так и абсолютного), в языковой системе отсутствуют показатели, связанные с выражением будущего времени в чистом виде, употребление показателей *jiāng1*, *yào4*, *xiāng3*, *zhūn3bèi4* и т. п. для отнесения ситуации к будущему обычно является результатом использования волитивных глаголов и имеет дополнительный модальный оттенок. В качестве показателя проспектива, передающего высокую степень вероятности наступления описываемой ситуации, стандартно используется служебный глагол *yào4*; этот показатель часто оказывается функциональным эквивалентом будущего времени. С проспективом тесно связано значение проксиматива, соответствующее моменту скорого наступления ситуации и передаваемое конструкцией *kuài4yào4... (le)* ‘скоро, вот-вот P’:

(19) *Nǐ3 kàn4 dào4 shēn2-me jì1xiāng4 nēng2 shuō1míng2 zhè4yàng4 de shì4qíng2 kuài4 yào4 fǎ1shēng1 le ma?*

2SG смотреть RES какой-DER признак мочь объяснять такой REL случай скоро надо происходить PART Q?

Как ты смог понять, что это скоро случится?

В КЯ отсутствуют специальные средства для выражения относительно-временных, т. е. таксисных отношений. Таксисное значение одновременности стандартно передается с помощью оформления соответствующего глагола суффиксом *-zhe*, когда действие, обозначенное глаголом в этой форме, совпадает по времени с главным. Для передачи таксисного значения следования и предшествования употребляется суффиксальная глагольная форма с *-le*, часто подкрепляемая соответствующими темпоральными адвербиалами. В нарративных цепочках, как правило, «полноценно» маркированным в отношении видо-временных характеристик оказывается только первый глагол, последующие же выражаются формой общего вида, а их временная референция «по умолчанию» определяется формой первого в цепочке маркированного глагола (пример (20)):

(20) *tūi4xiū1 de lǐ4 lǎo3shī1 gān3dōng4-le, xié3 yì1-fēng1 gān3xié4 xīn4 sòng4 dào4 xué2xiào4.*

Выйти на пенсию REL Ли учитель растрогаться-PFV писать один-CLF благодарить письмо посылать PREP школа.

Вышедший на пенсию учитель Ли растрогался, написал благодарственное письмо и отправил [его] в школу.

Наконец, говоря об особенностях глагольной системы, нельзя не отметить два служебных глагола, связанных с ориентацией ситуации относительно дейктического центра (т. е. относительно говорящего). В зависимости от направления в значении *вентива* употребляется глагол *lái*, описывающий перемещение или развитие ситуации в сторону

говорящего, или *итивный* глагол *qu*, передающий удаление от дейктического центра ситуации (пример (21)):

(21) *hai2-zì-men zai4 cun1-zì-lì3 pao3 lai pao3 qu.*

Ребенок-DER-PL PREP деревня-DER-LOC бегать DIR бегать DIR.

Дети бегали по деревне туда-сюда.

Еще одной характерной чертой китайской глагольной системы, связанной с выражением модальности, является асимметрия позитивных и негативных форм, когда несколькими утвердительным формам может соответствовать одна отрицательная, в зависимости от аспектуальных и модальных характеристик глагола могут употребляться такие показатели негативных форм, как *bu4*, *mei2(you3)*, *wei4*.

Характеризуя китайскую глагольную систему в формальном плане, следует обратить внимание еще на одну особенность — на активное использование в предложении связок, вводящих имя в предикативной функции, со значениями идентификации и обладания (*shi4*, *wei2*, *you3*). Эти служебные слова не только выделяются в подкласс семантической точки зрения, но, как правило, имеют и более ограниченный набор аспектуальных граммем, не сочетаясь с показателями перфектива, дуратива и пр.

Для передачи объектных, пространственных, временных, целевых, причинных отношений в качестве расширителей контекста в КЯ используются предлоги, восходящие к соответствующим знаменательным глаголам (поэтому имеющие сходную с ними аргументную структуру) и употребляемые в составе сериальных конструкций. Так, предлог *ba3* от глагола *ba3* 'держат в руке' вводит объект, *gei3*, дериват глагола *gei3* 'дать', вводит актант с адресатной, бенефактивной или направительной ролью, *yong4* от глагола *yong4* 'использовать' является аналитическим эквивалентом инструменталиса и т. п.

Определение семантического типа предиката не могло быть полным без учета таксономического и референциального статуса его аргументной структуры. Исследование сочетаемостных характеристик глагола носит сопоставительный характер, представляющий несомненный интерес как для теории акциональности, так и, шире, для лингвистической типологии. Анализ синтаксических моделей, в которых были отмечены прототипические глагольные лексемы, позволил определить, заполнение каких валентных позиций типично для данных глагольных лексем, а каких — недопустимо, и тем самым выявить лексемы, демонстрирующие максимальную сочетаемостную свободу, и сформулировать валентностные ограничения для каждого из рассмотренных нами акциональных классов. Такое комплексное описание семантико-синтаксических свойств глагольной лексики имеет вполне конкретную практическую значимость, поскольку могло бы облегчить задачу ее представления в словарях активного типа, включающих в себя не только семантическую, но и грамматическую в широком понимании и прагматическую информацию об определенных языковых явлениях.

В КЯ одни и те же формы глагольной лексемы могут иметь две диатезы, различающиеся тем, какой из участников ситуации занимает позицию субъекта; такие глаголы мы называем лабильными. Сдвиг диатезы практически всегда предписывает употребление результативной конструкции либо суффиксальной с дуративным суффиксом при глаголе. Например, глагольная лексема *xié3* 'писать' в конструкциях с показателем инхоатива *qì3lai* и модификатором *shang* демонстрирует изменение актантной структуры предиката и опущение объекта — депациентивацию (ср. *'писать письмо'* и *'писать*

[вообще]’), что приводит к изменениям аспектуальных характеристик глагола, который получает значение вхождения в процесс или длящегося процесса.

Что касается сочетаемости с аспектуально-темпоральными обстоятельствами — одной из важнейших синтаксических характеристик глагольных лексем, следует отметить, что тут сочетаемостные свойства детерминируются не только семантикой лексемы и ее акционального класса, но и в большей мере соответствующим аспектуальным прочтением глагольной формы, представляющей лексему. В нашем исследовании в качестве диагностических были выбраны обстоятельства: момента речи, временной точки, интервала времени, неограниченной и ограниченной длительности, периода времени, срока, темпа.

Анализ текстовых условий функционирования аспектуально-темпоральных обстоятельств при глаголах различных акциональных классов показал, что темпоральные обстоятельства в КЯ не просто определяются аспектуальными значениями глагола, но и сами способны влиять на акциональную характеристику глагольной группы, а семантика отдельных видо-временных форм прагматически ограничивает комбинаторный ряд адвербиалов, употребляемых при глагольных лексемах. Так, если сочетаемость с обстоятельствами неограниченной длительности типа *yi1bei4zi* ‘всю жизнь’ естественна для нейтральных форм лексемы *ai4* ‘любить’, то для РГК в инхоативном значении она исключена. Этот запрет объясняется семантикой соответствующего акционального класса:

(22) *ai4 yi1-ge4 ren2 ke3yi3 ai4 yi1bei4-zi.*

Любить один-CLF человек можно любить вся жизнь-DER.

Человека можно любить всю жизнь.

(23) * *ai4 qi3 lai yi1bei4-zi.*

Любить-INCHO вся жизнь-DER.

Полюбить всю жизнь.

В ходе исследования нами был проведен комплексный анализ глагольных лексем различных акциональных классов с целью выявления типологически релевантных различий в их лексико-грамматической сочетаемости, показан процесс взаимодействия значений индивидуальной / категориальной семантики глаголов и аспектуально релевантного контекста, определена роль контекстуальных показателей при актуализации значений различных акциональных классов, затем на основании этих результатов был произведен сопоставительный анализ валентностных свойств прототипических лексем из различных акциональных классов и выявлены синтаксические и семантические универсалии, касающиеся функционирования данных лексико-семантических групп.

Полученные результаты в целом подтвердили гипотезу о взаимообусловленности типологических характеристик языка и сочетаемостных характеристик глагола. Дальнейшие перспективы исследования связаны с углублением структурно-семантического анализа акциональных классов в КЯ и сопоставлением результатов исследования в аспекте типологии предикатов с данными других языков.

Примечания

¹ Список сокращений: DER — деривационный аффикс; CLF — классификатор; COP — связка; DELIM — делимитатив; DIR — направительный модификатор; DUR — дуратив; EXP — экспериментив; F — женский род; INCHO — инхоатив; INTSF — усилительная конструкция; LOC — локатив; M — мужской род; NEG — отрицательная частица; ORD — префикс порядковых числитель-

ных; PART — для фразовых частиц; PREP — предлог / послелог; PROG — прогрессив; Q — вопросительная частица; REL — маркер атрибутива *de*, маркер адвербиалов — препозитивного *di* и постпозитивного *de*; RES — результирующий модификатор; PFV — перфектив; PL — мн. число; SG — ед. число.

² Новаторской в этой области стала работа [9], в которой была разработана методика, позволяющая количественно измерить принадлежность того или иного языка к определенному типу и рассчитать ряд важнейших типологических индексов языковых систем. В отечественной лингвистике применение этой методики к описанию ряда языков стран Азии и Африки было предпринято в коллективной монографии [13].

Литература

1. *Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World / Eds. J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 398 p.
2. *Dowty D. R.* Thematic Proto-Roles and Argument Selection // *Language*. 1991. Vol. 67. P. 547–619.
3. *Tatevosov S.* The parameter of actionality / Ed. by Plank, F. // *Linguistic typology*. 2002. Vol. 6. P. 317–401.
4. *Tense and Aspect in the Languages of Europe: Empirical approaches to language typology* / Ed. by Östen Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. 856 p.
5. *Алпатов В.М.* Принципы типологического описания частей речи // *Части речи: теория и типология* / Под ред. В.М. Алпатова. М.: Наука, 1990. С. 25–50.
6. *Антонян К.В.* Морфология результирующих конструкций в китайском языке. М.: Муравей, 2003. 272 с.
7. *Апресян Ю.Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Яз. славян. культур, 2009. 568 с.
8. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Яз. славян. культур, 2005. 620 с.
9. *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // *Новое в лингвистике*. Вып. III. М., 1963. С. 60–94.
10. *Драгунов А.А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 232 с.
11. *Касевич В.Б.* Труды по языкознанию: В 2 т. Т. 1 / Под ред. Ю.А. Клейнера. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 664 с.
12. *Кацнельсон С. Д.* Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986. 298 с.
13. *Квантитативная типология языков Азии и Африки* / Под ред. В.Б. Касевича, С.Е. Яхонтова. Л.: ЛГУ, 1982. 350 с.
14. *Коротков Н.Н.* Основные особенности морфологического строя китайского языка. М.: Наука, 1968. 400 с.
15. *Смит К.С.* Двухкомпонентная теория вида // *Типология вида: проблемы, поиски, решения* / Пер. с англ. В.В. Гуревича. М., 1998. С. 404–422.
16. *Солнцев В.М., Солнцева Н.В.* Куда идет китайский язык? // *Китайское языкознание: Изолирующие языки: Материалы IX международной конференции*. М., 1998. С. 15–22.
17. *Солнцева Н.В.* Проблемы типологии изолирующих языков. М.: Наука, 1985. 253 с.
18. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
19. *Типология результирующих конструкций* / Под ред. В.П. Недялкова. Л.: Наука, 1983. 264 с.
20. *Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения // *Известия АН СССР. ОЛЯ*. 1945. Т. 4, вып. 5. С. 175.
21. *Яхонтов С.Е.* Категория глагола в китайском языке. Л.: ЛГУ, 1957. 180 с.

РЕФЕРАТЫ

УДК 94

Самойлов Н. А. **Визиты китайских и японских дипломатических миссий в Россию в третьей четверти XIX в.: Коммуникационный код социокультурного взаимодействия** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 3–12.

В статье исследуется роль китайских и японских дипломатических миссий в процессе социокультурного взаимодействия России и стран Восточной Азии в третьей четверти XIX в. Автор анализирует дневники и другие источники, написанные или составленные дипломатами — участниками тех событий, а также российские архивные материалы и дает свое толкование значения данного периода, полагая, что эти миссии играли роль коммуникационных каналов и трансляторов коммуникационного кода в социокультурном взаимодействии.

Ключевые слова: Китай, Япония, Россия, дипломатические миссии, трансляторы, коммуникационный код, социокультурное взаимодействие.

УДК 94(520).031

Строева М. В. **Россия и Япония: О визитах японских государственных деятелей в Россию в середине 70-х — конце 80-х годов XIX в. (на основе документов АВПРИ)** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 13–18.

Статья посвящена истории русско-японских отношений в середине 70-х — конце 80-х гг. XIX в. В работе описаны и проанализированы визиты японских государственных деятелей в Россию, выявлена динамика развития русско-японских отношений в исследуемый период (от С.-Петербургского трактата 1875 г. до 1889 г.).

Ключевые слова: русско-японские отношения, С.-Петербургский Трактат 1875, Эномото Такэаки, «Сибирский дневник», Сайго Цугумити, Ито Хиробуми, Курода Киётака, Ямагата Ари-томо, Комацу Акихито.

УДК 327

Зеленев Е. И. **Геокультурное пространство и геокультурные поля: Теория вопроса** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 19–28.

В статье приведена методологическая разработка теории геокультурного поля. Рассмотрены понятия «геокультурное пространство», «геокультурное поле», «геокультурный образ» и дано теоретическое обоснование применения данных понятий в востоковедных исследованиях.

Ключевые слова: геокультура, образ мира, парадигма научного знания.

УДК 811

Мокрушина А. А. **Экспликация эмоциональных концептов на примере арабского и русского языков** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 29–42.

Автором проводится экспликация ряда эмоциональных концептов русской и арабской культур (довольный, радостный, жалость), подчеркивается возможность применения теории семантических примитивов не только при компаративном анализе понятий, присутствующих в различных языках, но и для выявления отдельных смысловых оттенков внутри одного понятия.

Ключевые слова: культура, арабский язык, русский язык, концепт, эмоциональный концепт, экспликация, семантические примитивы.

УДК 821.581

Сторожук А. Г. **Слово и цифра: Знаковая структура уставных стихов** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 43–67.

Один из наиболее показательных примеров проявления нумерологической семиотики в культуре Китая — принцип написания так называемых «стихов современной формы» (кит. *цзинь ти ши*, 今體詩). Время расцвета этого жанра, строгая формальная регламентированность и особая ритуальная значимость (включение *ши* в качестве неперменной составляющей государственных экзаменов) дают возможность предположить, что общее стремление возродить учение древних о гармонии и лежащую в его основе философско-математическую модель, характерные для танских сторонников возврата к древности, нашли здесь свое отражение.

Ключевые слова: китайская поэзия, Эпоха Тан, Книга перемен, И цзин, ритуал, нумерология, ритмы, строфика, поэтика, теория традиционной литературы.

УДК 94.32.327.2325.36

Григорьев С. Е. **Неизвестная карта Кабула из собраний архива Русского географического общества** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 68–75.

Статья посвящена изучению неизвестного документа, хранящегося в архиве Русского географического общества (Санкт-Петербург), — копии аннотированной карты города Кабула — столицы Афганистана. Этот документ попал в Россию при посредстве полковника Российской императорской армии Григория Шпилько, который в начале XX в. был начальником Памирского отряда, расположенного на русско — афганской границе на Памире.

Ключевые слова: карта, Кабул, Памир, Памирский пост, полковник Шпилько.

УДК 94

Илюшина М. Ю. **Письменные источники по изучению мамлюкского феномена в Египте в османский период (XVI–XVIII вв.)** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 76–93.

Статья содержит обзор письменных источников по изучению мамлюкского феномена в Египте в XVI–XVIII вв. Рассмотрены следующие группы источников: документы, в том числе и вакуфная документация (материалы российских и египетских архивов); исторические хроники, а также другие сочинения арабских авторов османского периода; письменные свидетельства европейских путешественников, посетивших Египет в XVI–XVIII вв.

Ключевые слова: письменный источник, история, Египет, мамлюки.

УДК 821.221.31

Пелевин М. С. **Семья шейхов Цамканй и афганская книжная культура в XVIII в.** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 94–101.

На материале оригинальных источников, в том числе рукописных, в статье показана роль семьи нақшбандийских шейхов Цамканй в продолжении традиций национальной письменности пашто и развитии книжной культуры у афганцев в период правления династии Дурранй (вторая половина XVIII в.). Среди многочисленных свидетельств того, что семья Цамканй выступала духовным центром литературного круга восточных афганских территорий (области Пешавара), в статье рассматривается поэтическая антология «*Маджма' ал-аши' ар*», уникальная рукопись которой хранится в Государственной библиотеке Берлина (Ms. or. oct. 1262/Vol. 1, 1263/Vol. 2).

Ключевые слова: литература пашто, афганская рукописная книжность, идеология и культура в государстве Дуррани.

УДК 821.521

Хронополо Л. Ю. **«Перевернутый мир»** сборника рассказов Хоси Синъити «Бокко-тян» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 102–106.

Японский писатель Хоси Синъити (1926–1997) — самый известный в Японии писатель жанра «сверхкороткой фантастической прозы». В статье показано, как мир в рассказах Хоси Синъити «переворачивается» на глазах у читателя: ожидаемое не происходит, и полярности меняются местами. «Опрокидываются» читательские представления не только о ситуации, но и о персонажах; прием «обмана» читателя у Хоси затрагивает традиционные представления о добре и зле, и обманутым оказывается не только читатель, но и сами герои — причем не по воле рокового стечения обстоятельств, а по своей собственной вине. «Перевернутый мир» сборника рассказов «Бокко-тян» Хоси Синъити перевернут не фантастическими существами, как можно было бы ожидать, изменен не волшебством и магическими ритуалами, а самим человеком, который без помощи всякой потусторонней силы опрокидывает законы добра и морали. Встречи с чудесными созданиями или магическими предметами лишь служат обнаружению худших качеств человека.

Ключевые слова: Хоси Синъити, сборник рассказов «Бокко-тян», фантастика, «перевернутый мир», саморазрушение.

УДК 81-139

Алексеева М. Е. **О проблеме детерминативов в контексте современных синтаксических теорий** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 107–113.

Статья посвящена проблеме детерминативов в контексте современных синтаксических теорий. Рассматриваются подходы к изучению детерминативов в российской и зарубежной лингвистике. Особое внимание уделено вопросу классификации детерминативов, теории группы детерминатива и конструкции сопряженного состояния в языке иврит.

Ключевые слова: детерминатив, группа детерминатива, определенность/неопределенность, артикль, иврит.

УДК 81-83

Гузев В. Г. **Категория изъявительного наклонения (индикатив). Категория времени индикатива в турецком языке** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 114–136.

В статье дается представление о глагольной категории времени индикатива современного турецкого языка на основе ранее разработанной автором концепции, отвергающей момент речи как центральный ориентир значений временных форм и обосновывающей наличие трех (настоящего, прошлого и будущего) грамматизованных периодов ориентации, каждый из которых является центром одной из трех подсистем временных форм. Временные формы первичной подсистемы сигнализируют о соотношении действия с «языковленным» (Бодуэн де Куртэнэ) настоящим периодом ориентации, вторичную и третичную подсистемы конституируют формы, сигнализирующие о соотношении действий с прошлым или будущим периодами ориентации соответственно.

Ключевые слова: изъявительное наклонение, категория времени, турецкий язык, система, подсистема, период ориентации, первичная подсистема, вторичная подсистема, третичная подсистема.

УДК 811.581.11

Колпачкова Е. Н. **Классы глагола, сочетаемость и типология** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 137–149.

На примере китайского языка исследуется взаимообусловленность типологических характеристик языка и роли сочетаемостных характеристик глагола; через структурно-семантичес-

кий анализ глагольных классов обосновывается положение, что для изолирующих языков, где глагольные валентности и их реализация во многом определяют аспектуальное (и не только) прочтение глагольной лексемы в данном контексте, комбинаторика может рассматриваться как особая грамматика.

Ключевые слова: лингвистическая типология, валентность, китайский язык.

SUMMARIES

Samoylov N. A. Visits of Chinese and Japanese Diplomatic Missions to Russia in the 3d quarter of the 19th century: Communication code of sociocultural interaction.

This article studies the role of Chinese and Japanese diplomatic missions in the process of sociocultural interaction between Russia and East Asian countries in the 3d quarter of the 19th century. The author analyses diaries and other sources, written or compiled by these diplomats, as well as Russian archival materials, and gives his own interpretation of the period. He considers them to be communication channels and transmitters of the communication code in sociocultural interaction

Keywords: China, Japan, Russia, translator, communication code, sociocultural interaction.

Stroeva M. V. Russia and Japan: The Japanese statesmen visits to Russia in mid 70s — late 80s of XIX century.

The article is devoted to the history of Russian — Japanese relations in mid 70s — late 80s of XIX century. The main goal of the article is to give a description of the visits of Japanese statesmen to Russia and to show the developing process of Russian — Japanese relations from St. Petersburg Treaty of 1875 to 1889.

Keywords: Russian-Japanese relations, St. Petersburg Treaty of 1875, Enomoto Takeaki, Siberia nikki, Saigo Tsugumichi, Ito Hirobumi, Kuroda Kiyotaka, Yamagata Aritomo, Komatsu Akihito.

Zelenev E. I. Geocultural space and geocultural field: the theory of the question.

The article is devoted to the methodological working out of the geocultural field theory. The article examines concepts of geocultural space, geocultural field, geocultural image and gives theoretical grounds for the use of these concepts in oriental studies.

Keywords: Geoculture, image of the world, paradigm of scientific knowledge.

Mokrushina A. A. The name of the article: Explication of emotional concepts in the Arabic and Russian languages.

In the article “Explication of emotional concepts in the Arabic and Russian languages” the explication of some emotional concepts of the Arabic and Russian cultures (such as *dovolny*, *schastlivy*, *jalost*) is investigated. The opportunity of using the theory of semantic primitives not only for comparative analysis of concepts in the different languages, but also for exposure of some shades of meaning inside the concept is also reviewed.

Keywords: culture, the Arabic language, the Russian language, concept, emotional concept, explication, semantic primitives.

Storozhuk A. G. Word and figure: Sign structure of regulatory verses.

One of the most significant examples of the numerological semiotics in Chinese culture is the principle of so-called “modern poetry” (or *jinti shi*, 今體詩). Time of the flourish of this genre, its strict formal regulations and special ritual significance (*shi* had become an obligatory part of the government exams) enable us to presume, that typical to Tang supporters of “Return to Antiquity” general aspiration to revive ancient knowledge of harmony⁶ and its basis — philisipho-mathematic model — have been vividly reflected here.

Keywords: Chinese poetry, Tang period, Book of Changes, Yijing, ritual, numerology, rhythms, strophics, poetics, theory of traditional literatures.

Grigoriev S.E. An unknown map of the city of Kabul from the archives of the Russian Geographical Society.

The article is dedicated to the study of the unknown document from the Archives of the Russian Geographical Society. It is a copy of an annotated map of Kabul — the capital of Afghanistan acquired by the Russian colonel Grigoriy Shpilko who was at the beginning of the XX century a commander of the Russian garrison stationed near the Afghan Border at the Russian Pamir.

Keywords: Kabul, map, Pamir, Colonel Shpilko.

Ilyushina M. Yu. Narrative sources for the study of the Mamluk Phenomenon in Egypt during the Ottoman period (XVI–XVIII centuries).

The article contains a review documentary and narrative sources for the study of the Mamluk Phenomenon in Egypt in the XVI–XVIII centuries. This article deals with the following groups of sources: documents, including waqf documents (materials in the Egyptian and Russian archives); historical chronicles and other works of Arabic authors of ottoman period; European travel writing about Egypt in the XVI–XVIII centuries.

Keywords: Narrative sources, history, Egypt, mamluks.

Pelevin M. S. Tsamkanī sheikhs and the Afghan written books culture in the XVIII century.

Based on original sources, including manuscripts, the article shows the role of Naqshbandiyya sheikhs from Tsamkanī family as upholders of the national Pashto literary traditions and advocates of the written books culture among the Afghans in the times of the Durrānī monarchy (sec. half of the XVIII century). Among numerous facts describing Tsamkanī family as a spiritual center of literary life on the eastern Afghan territories (Peshawar region) the article examines poetical anthology Majma‘ al-ash‘ār of which a unique manuscript is being kept in the Berlin State Library (Ms. or. oct. 1262/Vol. 1, 1263/Vol. 2).

Keywords: Pashto literature, Afghan written books, ideology and culture in the Durrani empire.

Khronopulo L. Yu. “Upside-Down World” in “Bokko-chan”, The Book of Stories by Hoshi Shinichi.

Hoshi Shinichi (1926–1997) is the most famous writer of short fantasy stories in Japan. The article deals with his book of fantasy stories “Bokko-chan” and so-called “illusion”, or “turning upside-down” technique, when reader’s anticipations fail to come up, because characters construct their own world, where fantastic creatures, expected to be evil, are not as evil as man himself, who only shows his real face when meeting them. “Upside-Down World” is not fantastic, but is real world created by men whose nature leads to self-destruction and self-punishment without even realizing that.

Keywords: Hoshi Shinichi, book of stories “Bokko-chan”, fantasy, “upside-down world”, self-destruction.

Alekseeva M. E. Determiners within the Framework of Modern Syntactic Theory.

This article discusses the topic of determiners within the framework of modern syntactic theories. The paper explores diverse approaches to determiners and DPs of both Russian and foreign scholars. Specifically, we focus on determiner classification, analysis of DP Hypothesis and Construct State in Hebrew.

Keywords: determiner (Det), Determiner Phrase (DP), (in)definiteness, article, Hebrew.

Guzev V. G. Indicative. Tense in Turkish.

This article presents analysis of the verbal tense system of the contemporary Turkish on the basis of a conception elaborated by the author before rejecting the „time of the utterance“ as the central reference-point of the tense-meanings and supposing the existence in the Turkish of three (present, past and future) grammaticalized reference-points (periods) everyone of which plays the part of the center of one of the three subsystems of tense forms. The forms constituting the primary (from the diachronically

view-point) subsystem transmit correlation between any action and the present reference-period, the secondary and tertiary ones include forms rendering correlation between actions and respectively the present or the future reference-periods.

Keywords: indicative, tense, Turkish, system, subsystem, reference-point (period), primary subsystem, secondary subsystem, tertiary subsystem...

Kolpachkova E. N. **Verb subcategorization, valence and typology.**

The paper focuses on the interplay of general typological characteristics and valence-determined rules of forming verbal constructions. It is shown, with special reference to Chinese, that, in isolating languages, where verb valence frame largely determines aspectual and other characteristics of the construction the regular rules of lexical selection and combination can be construed as a special kind of grammar.

Keywords: linguistic typology, verb valency, Chinese language.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Мария Евгеньевна, соискатель, каф. арабской филологии Восточного факультета, СПбГУ; maria-alexeeva@inbox.ru

Григорьев Сергей Евгеньевич, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ, кандидат исторических наук.

Гузев Виктор Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой турецкой филологии Восточного факультета СПбГУ; vgguzev@gmail.com

Зеленев Евгений Ильич, профессор, доктор исторических наук, декан Восточного факультета СПбГУ; secretary@orient.pu.ru

Илюшина Милана Юрьевна, соискатель, ассистент кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ; aspirant_vf@mail.ru

Колпачкова Елена Николаевна, Санкт-Петербургский государственный университет, аспирант Восточного факультета; dilese@gmail.com

Мокрушина Амалия Анатольевна, ассистент Восточного факультета СПбГУ; kodzik@inbox.ru

Пелевин Михаил Сергеевич, заведующий кафедрой иранской филологии Восточного факультета СПбГУ, доктор филологических наук, доцент; pelevin@mp2276.spb.edu

Самойлов Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; samoylov_nikolay@mail.ru

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Китая, Кореи и ЮВА Восточного факультета СПбГУ.

Строева Мария Васильевна, ассистент кафедры японоведения СПбГУ; marie2001ru@yahoo.com

Хронопуло Лиала Юрьевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры японоведения Восточного факультета СПбГУ; khronopoulo@mail.ru

CONTENTS

Russia and the East

<i>Samoylov N.A.</i> Visits of Chinese and Japanese Diplomatic Missions to Russia in the 3d quarter of the 19 th century: Communication code of sociocultural interaction	3
<i>Stroeva M.V.</i> Russia and Japan: The Japanese statesmen visits to Russia in mid 70s — late 80s of XIX century	13

Geocultural spaces and codes of the cultures of Asia and Africa

<i>Zelenev E.I.</i> Geocultural space and geocultural field: the theory of the question.....	19
<i>Mokrushina A.A.</i> The name of the article: Explication of emotional concepts in the Arabic and Russian languages.....	29
<i>Storozhuk A.G.</i> Word and figure: Sign structure of regulatory verses	43

History and Source studies

<i>Grigoriev S.E.</i> An unknown map of the city of Kabul from the archives of the Russian Geographical Society.....	68
<i>Ilyushina M.Yu.</i> Narrative sources for the study of the Mamluk Phenomenon in Egypt during the Ottoman period (XVI–XVIII centuries)	76

Literary studies

<i>Pelevin M.S.</i> Tsamkani sheikhs and the Afghan written books culture in the XVIII century.....	94
<i>Khronopulo L.Yu.</i> “Upside-Down World” in “Bokko-chan”, The Book of Stories by Hoshi Shinichi	102

Linguistics

<i>Alekseeva M.E.</i> Determiners within the Framework of Modern Syntactic Theory	107
<i>Guzev V.G.</i> Indicative. Tense in Turkish.....	114
<i>Kolpachkova E.N.</i> Verb subcategorization, valence and typology	137

References.....	150
------------------------	------------

Summaries	154
------------------------	------------

Authors	157
----------------------	------------

Перечень требований и условий публикации в 13 серии «Вестника СПбУ»

Адрес редакции «Вестника СПбУ»:
199004 Санкт-Петербург, В.О. 6-я линия, д. 11/21, комн. 318
т./ф. (812) 328 44 22; e-mail: vestnik@unipress.ru
e-mail редколлегии 13 серии «Вестника СПбУ»: vestnik.vf@mail.ru

I. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Рекомендованный объем статьи — 17–32 тыс. печатных знаков с пробелами. Авторы присылают авторские материалы, оформленные в соответствии с правилами журнала, по электронной почте, обычной почтой или передают лично ответственному секретарю серии. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией серии после ее рецензирования и обсуждения. Решение редколлегии фиксируется в протоколе заседания.

1.2. Статья рецензируется в порядке, определенном в Положении о рецензировании

1.3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

II. Комплектность и форма представления авторских материалов

2.1. Обязательными элементами публикации являются:

индекс УДК (печатать над фамилией автора слева) — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.gsnti-norms.ru/norms/common/doc.asp?2&/norms/udc/udcs.htm>; собственно таблицы: <http://teacode.com/online/udc/>);

фамилия и инициалы автора (соавторов);

название статьи;

основная часть;

примечания и библиографические ссылки;

аннотация на русском и английском языках (с переводом фамилии автора (соавторов) и названия статьи);

ключевые слова на русском и английском языках;

сведения об авторе и контактная информация.

2.2. Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210×297мм), с полуторным междустрочным интервалом. Цвет шрифта — черный, стандартный размер шрифта — 12. Размеры полей: правое — 25 мм, левое — 25 мм, верхнее — 25 мм, нижнее — 25 мм. Для акцентирования элементов текста разрешается использовать курсив, полужирный курсив, полужирный прямой. Подчеркивание текста нежелательно.

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате RTF (Reach Text Format). Файл статьи должен быть полностью идентичен напечатанному оригиналу, предоставленному редакции журнала, или содержать внесенную редакцией

правку. Исправления, дополнения и т.п., внесенные без ведома редакции, учитываться не будут. Страницы публикации не нумеруются, колонтитулы не создаются.

2.3. Иллюстрации

Все иллюстрации должны иметь наименование и, в случае необходимости, пояснительные данные (подрисуночный текст); на все иллюстрации должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагают непосредственно под рисунком. Иллюстрации следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется.

Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов Единой системы конструкторской документации (ЕСКД).

Все иллюстрации должны быть представлены отдельными графическими изображениями (распечатанными на принтере или выполненными традиционным, ручным способом, размер: min 90×120 мм, max 130×120 мм) и файлами электронных документов.

Электронные полутоновые иллюстрации (фотоснимки, репродукции) должны быть представлены в формате JPG или TIF, серый, минимальный размер 100×100 мм, разрешение 300 dpi.

Штриховые иллюстрации (чертежи, графики, схемы, диаграммы) должны быть представлены в формате AI, EPS или CDR, черно-белый (цвет недопустим).

Текстовое оформление иллюстраций в электронных документах: шрифт Times New Roman или Symbol, 9 кегль, греческие символы — прямое начертание, латинские — курсивное.

2.4. Таблицы

Все таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Наименование должно отражать их содержание, быть точным, кратким, размещенным над таблицей.

Таблицу следует располагать непосредственно после абзаца, в котором она упоминается впервые. Таблицу с большим количеством строк допускается переносить на другую страницу.

Заголовки граф, как правило, записывают параллельно строкам таблицы; при необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф.

При подготовке таблиц следует учитывать, что «Вестник СПбУ» не имеет технической возможности изготавливать вклейки для многоколоночных таблиц, не уместящихся на полном развороте журнального формата.

Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman или Symbol, 9 кегль, греческие символы — прямое начертание, латинские — курсивное.

Таблицы не требуется представлять в отдельных документах.

2.6. Примечания, ссылки и библиографическое описание источников.

Примечания выносятся из текста документа вниз полосы. Нумерация сквозная по всему тексту.

В тексте:

Перотти предполагает, что во всех этих примерах γλαυκός означает «блестящий» и относится не только к листьям, но и к плодам оливкового дерева¹.

Совокупность затекстовых библиографических ссылок (список использованной литературы) оформляется как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в квадратных скобках в строку с текстом документа. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой:

В тексте:

[10, с.81]

[10, с.106]

В затекстовой ссылке:

10. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990, 175 с.

Примеры оформления библиографических ссылок (согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008):

14. Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

16. Валукин М. Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М.: ГИТИС, 2006. 251 с.

22. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психоллингвистика: теория речевой деятельности : учеб. пособие для студентов педвузов. М.: Астрель; Тверь: АСТ, 2006. 319 с. (Высшая школа).

28. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования: сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования; под ред. А. Е. Марона. М.: ИОВ, 2007. 118 с.

32. Ефимова Т. Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

Объектами составления библиографической ссылки также являются электронные ресурсы локального и удаленного доступа. Ссылки составляют как на электронные ресурсы в целом (электронные документы, базы данных, порталы, сайты, веб-страницы, форумы и т.д.), так и на составные части электронных ресурсов (разделы и части электронных документов, порталов, сайтов, веб-страниц, публикации в электронных сериальных изданиях, сообщения на форумах и т.п.). После электронного адреса в круглых скобках приводят сведения о дате обращения к электронному сетевому ресурсу: после слов «дата обращения» указывают число, месяц и год:

25. Члиянц Г. Создание телевидения // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

45. Энциклопедия животных Кирилла и Мефодия. М.: Кирилл и Мефодий: New media generation, 2006. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

176. Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайн-сервисов // Электрон. 6-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL:

<http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

¹ Эпитет моря γλαυκί мы пока оставим без перевода, так как именно его значение попытаемся прояснить в данной работе.

2.7. Форма представления авторских материалов

2.7.1. Текст статьи, распечатанный на принтере. Обязательно следует указать фамилию и инициалы автора (соавторов) и название статьи.

2.7.2. Текст статьи в электронном виде на дискете, компакт-диске или флеш-карте в отдельном файле в формате RTF. Название файла — фамилия первого автора + «Ст». Например: «Иванов Ст.rtf». 2.7.3. Текст аннотаций и ключевые слова на русском и английском языках (перевод названия на англ. язык обязателен), распечатанные на принтере.

2.7.4. Текст аннотаций и ключевые слова на русском и английском языках (перевод названия на англ. язык обязателен) в электронном виде в отдельном файле. Название файла — фамилия первого автора + «Ан». Например: «Иванов Ан.rtf».

2.7.5. Файлы иллюстраций и диаграмм, распечатанные на принтере.

2.7.6. Файлы иллюстраций и диаграмм в электронном виде. В одном файле — одна иллюстрация или диаграмма в формате JPG, TIF (для полутоновых изображений) или AI, FH*, CDR, EPS (для векторных изображений). Название файла — фамилия первого автора + «Рис N», строго в порядке следования в статье. Например: «Иванов Рис 1.jpg», «Иванов Рис 2.eps», «Иванов Рис 3.ai».

2.7.7. Файлы шрифтов, использованных при написании статьи.

2.7.8. Сведения об авторе (соавторах), распечатанные на принтере.

2.7.8.1. Полные фамилия, имя и отчество автора (соавторов).

2.7.8.2. Уровень научной подготовки автора: соискатель, аспирант, докторант, научное звание, степень, общее количество публикаций, работа по грантам (очень кратко). Основное место работы. Круг научных интересов.

2.7.8.3. Контактные реквизиты (обязательно):

— телефон с указанием кода города,

— адрес электронной почты.

2.7.9. Сведения о каждом авторе в электронном виде в отдельных файлах. Название файла — фамилия автора + «Свед». Например: «Иванов Свед.rtf».

2.7.10. Рецензия или отзыв научного руководителя (консультанта), заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза.

2.7.11. В случае пересылки материалов по электронной почте распечаток на принтере (п. 1, 3, 5, 7, 8) не требуется. Рецензию или отзыв (п. 9) следует отсканировать с разрешением 100 dpi (полноцветное изображение), сохранить в отдельный файл в формате JPG со средним качеством компрессии (в Photoshop — 9 единиц). Название файла — фамилия первого автора + «Рец». Например: «Иванов Рец.jpg». Настоятельно рекомендуем авторам произвести пробную распечатку всех предоставляемых в электронном виде материалов на любом доступном им принтере.

Порядок рецензирования рукописей научных статей, поступивших в редакцию журнала «Вестник СПбУ»

1. Все научные статьи, поступившие в редакцию «Вестника СПбУ», подлежат обязательному рецензированию.

2. Ответственный секретарь серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть научный руководитель автора статьи.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным секретарем серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы: а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме; б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли; в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул; г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы; д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи; е) рекомендуется, рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ВАК.

5. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

6. Рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии и фиксируется в протоколе заседания редколлегии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации. Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника СПбУ» в течение пяти лет.